

*Игрушечник
Пётр Африкантов*

Сказки о Саратове

и саратовской глиняной игрушке

Саратов 2015

4

П.П. Африкантов

Сказки о Саратове
и
саратовской глиняной игрушке

ГЛИНЯНЫЙ ТОП

Книга четвёртая

Саратов

2015.

Африкантов П.П.
Африкантов П.П.
**СКАЗКИ О САРАТОВЕ и Саратовской глиняной
игрушке. Книга 4.**

Глиняный Топ. 264 стр. г. 2015 .

В книгу включены две сказочные пьесы. Пьеса-комедия «Глиняный Топ» предназначена для старшего школьного возраста, а пьеса «Скудя» – для детей средней и младшей возрастных групп. Героями пьес являются дети, взрослые и глиняные игрушки. Пьесу «Скудя» можно ставить на школьных площадках с привлечением большого количества детей.

В книге дан обзорный материал Верчинской Л. В., в котором, она анализирует произведения автора, посвящённые Саратовской глиняной игрушке.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

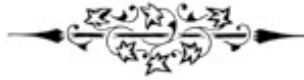
Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод «Римкер».

© П.П. Африкантов, 2015.

ГЛИНЯНЫЙ ТОП (комедия для подростков)

Действующие лица:

С т о р о ж – Евстафий Пантелеич

Ш и ш к а р ь – Игнатий Григорьевич Шишка-
рёв, хозяин игрушечной мастерской.

Щ е п к а – Эмма Владимировна, жена Шишка-
ря

В а с с а Ю р ь е в н а – мастер лепки игрушек
(лет сорока)

Ю л я – покрасочница, девушка лет 18.

П р а х а н я – глиняная игрушка, (топ-менеджер Прохор Игнатьевич Глинолепов или «Глиняный Топ»), мальчик лет четырнадцати.

Б а с я н я – сын Вассы, мальчик лет двенадцати. (Датский принц Басан де Вассан представитель Лейпцигской ярмарки.)

М и м и – дочь Щепки, хитрая, капризная, девушка лет 18-ти.

Г р и ш а – мяльщик глины.

К у з я – пёс (профессор Оксфордского университета, специалист по народному творчеству - Рычалов Кузьма Кузьмич)

Ч и р и к – воробей, попутчик и друг Прахани (Чирик Чирикадзе, глава фирмы, переводчик, юрист по совместительству)

П р о с т я ш к и (глиняные мальчики) – игрушки добрые.

З у б а с т и к и (большеголовые с короткими ножками и туловищем игрушки) – игрушки злые.

Ч у в ы р л а – глиняный свирепый гигант.

С о б а ч к и – игрушки добрые.

События происходят в мастерской по производству глиняных игрушек.

Сцена первая.

Явление первое.

К дому предпринимателя Игнатия Григорьевича Шишкарёва примыкает мастерская по изготовле-

нию глиняных игрушек. Из открытого окна дома льётся музыка, слышен весёлый смех. На крыльце игрушечной мастерской сидит в телогрейке сторож Евстафий Пантелеич с ружьём, около него подросток Басяня. Басяня учит пса Кузю ходить на задних лапах и подавать голос, рядом Гриша – мнёт в большой кадлушке ногами глину.

С т о р о ж (ворчит, глядя на Басяню). Замучил собаку, ирод.

Б а с я н я (не смотря на сторожа). Ничего, тяжело в ученье, легко в бою. (Встаёт перед Кузей на карачки и командует.) Голос, Кузя... голос! Гаф-гаф-гаф.

С т о р о ж. Хлебом не корми, лишь бы чего отчудить, дался ему этот пёс...

Б а с я н я. Я, может быть, в цирке с ним выступать буду?

С т о р о ж (недоверчиво). Эх, куда собрался... Школу закончи сначала. Циркач... Кота плавать учил-учил – ничего не получилось, кот сбежал, теперь за собаку взялся и этот сбежит (Кузя, наконец, встаёт на задние лапы, проходит несколько шагов и громко лает.)

Б а с я н я (радостно). Гриша! Гриша!

Г р и ш а (перестаёт мять глину, смотрит на Басяню). Чего тебе?

Б а с я н я. Гриша! Смотри (показывает на Кузю) – он уже ходит, только чуть – чуть осталось осанку

подправить, чтоб на лорда английского был похож... а? Если приодеть, будет совсем клёво.

С т о р о ж. А ты - то сам знаешь, как английские лорды ходят... босята?

Б а с я н я. Нечего тут и знать, смотри:

(Берёт в зубы палочку, имитируя сигару, снимает с Гриши и одевает на себя шляпу, выпячивает живот вперёд, берёт в руки палку (подразумевая зонтик) и важно, выбрасывая палку-зонтик вперёд, закинув одну руку за спину, идёт по двору.)

С т о р о ж (смеётся). Эх, Басянька, кабы знать, кем ты станешь, когда вырастешь? (В это время Кузя, без всякой команды, берёт с земли в зубы палочку, встаёт на задние ноги, важно идёт за Басяней, закинув переднюю ногу за спину. Раздаётся смех Гриши.)

Г р и ш а. Ну и выдумщик же ты, Бося, просто Дуров или братья Запашные.

С т о р о ж. Эта выдумка сродни хулиганству... Пошёл бы воң игрушки с матерью полепил, или у Юли поучился раскрашивать, а то, невидаль – пса на задние ноги поставил. (Качает головой.) Был бы толк, а так... одна забава.

Г р и ш а. Зря ты, Евстафий Пантелеич, на парня, тут без смекалки не обойдёшься...

Б а с я н я (сторожу). Дед Евстафий!? А, дед Евстафий?

С т о р о ж (недоверчиво, ожидая подвоха). Чего тебе?

Б а с я н я. А ружьё у тебя настоящее?

С т о р о ж. Разумеется, настоящее. Каким же ему быть, не из глины же?

Б а с я н я. Дай пальнуть?

С т о р о ж. Не дам, не положено.

Б а с я н я. А если заслужу?

С т о р о ж. Если заслужишь, тогда дам.

Б а с я н я. Гриша, будь свидетелем, обещал...

С т о р о ж. А ты не обольщайся. У меня, чтоб заслужить это о-го-го! (Подчёркивая значительность события, грозит около уха указательным пальцем.)
Надо совершить такое...

Б а с я н я. А хочешь, я тебе песню спою и заслужу, сам сочинил, бардовская...

С т о р о ж (удивлённо). Ты смотри - ко! Бардовская... Ну, пой, раз охота пришла, только о ружье и не мечтай. Из циркачей уже в барды записался... быстро у тебя получается.

Б а с я н я. А я способный ... (Звонко поёт.)

Одни имеют мерседесы,

Нет у других, в трамвае на проезд

У всех свои на свете интересы,

А я хочу велосипед.

Одни имеют яхту в синем море,

А у других простых ботинок нет,

А у меня желание простое –

Я так хочу, велосипед!

На нём бы мчался с ветерочком

И разбегались куры кто-куда,

Но с великом – опять отсрочка –

У мамы нету денег – вот беда...

С т о р о ж. (комментирует). Так и желай иметь свой велосипед на здоровье... кто тебе желать мешает, я что ли? Я вот желаю, чтоб у меня старая рана не ныла, а она проклятущая ноет и ноет, видно что-то произойдёт? (Отставляет к забору ружьё, садится на крыльцо, растирает ногу.)

Г р и ш а (из кадушки). Погода, значит, изменится.

С т о р о ж. К непогоде она не ноет, только к несправедливым событиям, Вот, когда Шишкарёвы мастерскую прихватизировали, тут тоже ныла, спасу нет. На всякую несправедливость реагирует, как у Вассы поясница на непогоду.

Г р и ш а. У тебя не нога, а просто нравственный барометр какой-то.

Б а с я н я (хватает оставленное без присмотра ружьё и, целясь в верх, кричит). Бах!! Бах!!

С т о р о ж (сердито). Ах, ты... проклятущий! (Отбирает ружьё.) Мал ещё, не положено... выдрать вон крапивою за хулиганство...

Б а с я н я. Давай, дед, я тебе ещё песню спою или ту продолжу?

С т о р о ж. Ну, продолжай, раз охота. (Приставил ладонь к уху, слушает).

Б а с я н я (поёт).

Одни имеют яхту в синем море,
А у других простых ботинок нет,
А у.....

С т о р о ж (перебивает). Это я уже слышал, ты чего-нибудь поновее.

Б а с я н я (сердито). Будет и поновее. (Предусмотрительно отодвигается от сторожа.)

Я так хочу с ружья пальнуть разочек
Я даже ствол на облако навёл
И уж хотел нажать крючёчек,
Но сторож наш упрямый, как осёл!

С т о р о ж (угрожающе). Чего, чего!? (Басяня отбегает от сторожа, подходит к Грише, отдаёт шляпу, смотрит на деда и оправдывается.) Да это же сравнение, для рифмы, понимаешь?

С т о р о ж (сердито). Я дам тебе рифму... Вот, вытяну тебя прутом вдоль спины, будет тогда тебе и звук и смысл и рифма. Уйди с моих глаз прочь! (Басяня, подходит к Грише, берёт лопату и подбрасывает в бочку глину.)

С т о р о ж (растирая ногу и постанывая).

Эх, кабы ноги мне покрепче,
Да пулю б вытащил мне из бедра хирург,
А то, как вляпал снайпершка немецкий,
Я чуть в Днепре, не утонул.
Потом Берлин мы с Жуковым гвоздили.
И тут опять мне шибко повезло
Мне фрицы так осколком зазвездили
Полдня боролся врач за бытиё.
Солдат я был, удачливый и храбрый,
Теперь дожил – вручили дробовик.
Хоть хорошо – не дали деревянный,
Пугать ворон, а не людей лихих.

И к чему она разболелась (гладит ногу), ума не приложу?

Б а с я н я. (Обращается к Грише). Чего это ты бочку всю мелом изрисовал? Чертежи какие-то?..

Г р и ш а. Думал, как процесс глинотопства механизировать.

Б а с я н я (с интересом рассматривает чертежи). Ну и как, придумал?

Г р и ш а. Придумать-то придумал. Только что толку, Шишкарь даже слушать не стал. Ему и так хорошо. А то, что такая подготовка глины как у нас – средневековье, его не волнует. Прибыль идёт и ладно.

Б а с я н я. Давай с тобой Гриша сами механизацию сделаем. Я тебе помогать буду, а?

Г р и ш а. А тебе что, Кузя надоел?

Б а с я н я. Не надоел. Только Евстафий прав. Я и сам чувствую – не моё всё это. Мне интереснее с железками возиться. Бочку бы с тобой механизировали...

Г р и ш а. Здесь мотор надо, вал, а это всё денег стоит. А у нас с тобой «шиш» в кармане песню поёт.

Б а с я н я (Грише). Устал, поди, топать. Отдохни, давай я помну.

Г р и ш а. Добрая у тебя душа, Бося. Тебя вытаскивать из кадки не придётся, залипнешь?

Б а с я н я. Не бойсь.

Г р и ш а. Ты чего там с Евстафием не поделил?

Б а с я н я. Это я так, от скуки, Евстафий добрый, только вот пальнуть ему дать жалко.

Г р и ш а (с любовью треплет кудри Басяни). Эх, ты, пальнуть...

Б а с я н я. Если хочешь знать, такие как я, в Великую Отечественную войну ужас на фашистов наводили и партизан здорово выручали...

Г р и ш а. Ладно, залезай... мни. Сапоги мои одень. (Вылазит из бочки, отдаёт Басяне резиновые сапоги.)

Б а с я н я. Опять к Юле лыжи востришь? (Одевает сапоги.) Большеватые...

Г р и ш а. К ней... (Радостный уходит.)

Б а с я н я (вслед). Беги давай, пока хозяев нет. Минуты без неё не может. (Смотрит на задремавших сторожа и Кузю.) Кажется задремал наш стрелок? (Рассуждает.) «А не пора ли устроить обеденный перерывчик пораньше: Гриша мять устал, у родительницы, поди спину разламывает, Юле надо с Гришей пошептаться, пусть отдохнут». (Вылезает из бочки, снимает сапоги, подходит к подвешенному рельсу, берёт в руки железный прут, тихонечко по нему стучит, раздаётся тихий гудящий звук. (Рассуждает.) Вот сигнализация, так сигнализация, двести лет, поди, висит, а всё без сбоев работает – стукнул – перерыв, стукнул – конец рабочего дня.

(От звука рельса начинает ворочаться сторож. Басяня прикладывает пальцы к губам, замирает, смотрит на сторожа.) Сейчас как бабахну... (Замахивается прут, но не ударяет, отставляет прут, смотрит на подвешенные у входа с двухсторонним циферблатом часы. Часы видно и из мастерской и с улицы, украдкой подводит стрелки, снова залазит в

бочку, мнёт глину.) Так будет интереснее, и не без пользы.

Сцена вторая.

Явление первое.

В мастерской Юля и Васса лепят и раскрашивают игрушки, ставят их тут же на полку. На полке стоят зубастики и простяшки.

Ю л я (Вассе, кивает на дверь). Твой Басяня распевает.

В а с с а (жалостливо). Велосипед ему хочется. У других ребятшек есть, а у него нет, а я с этой зарплатой, даже на мобильный телефончик ему не наскребу.

Ю л я. Шишкарь проклятый совсем перестает платить.

В а с с а. Денег говорит у фирмы нет, а сам по заграницам со своей мымрой ездит, автомобиль дорожный купили.

Ю л я. Ох, и семейка подобралась,... стоят друг друга. Доченька о заморском принце мечтает, днями перед зеркалом крутится, да ещё придёт в мастерскую и советы даёт, что и как красить? Да и та, как бельмо на глазу...

В а с с а. Это ты о ком?

Ю л я. О мамаше её, незабываемой Эмме Владимировне. Скоро эта Щепка появится, давно уже

не была. (Передразнивает.) «Девочки, то, что вы слепили это не форс-мажор». Хоть бы знала значение выражения, корчит из себя.

З у б а с т и к (с полки, голос как у робота). Не называйте хозяйку «Щепкой», это не хорошо. Её зовут Эмма Владимировна, она нас любит... Эмма Владимировна, она нас любит.

Ю л я (зубастик). Тоже мне заступник нашёлся, за нас никто не заступится.

З у б а с т и к. За вас пусть простяшки заступаются, вы их любите.

В а с с а. Скорее бы перерыв, спину разламывает. (Шевелит плечами.) Ладно, хватит о грустном.

Ю л я. Точно. Нам от этого Щепка больше не заплатит. Давай лучше тётя Васса споем нашу, всё на душе полегчает. (Поют.)

Месим глинку, краски трём

Ой, лю-ли, ой, лю-ли!

И работая поём,

Раз, два, три – раз, два, три.

(далее скороговоркой, быстро)

А без песни – нет игрушки,

Выйдут девки-колотушки,

А бараны, и козлы,

Будут все страшней чумы... Ох!

Ю л я. Встаёт из-за стола, танцует с готовой весёлой игрушкой, простяшкой.

В а с с а. Очень хорошо простяшку расписала, молодец, хороший у тебя глаз и добрая душа. От

этого добрая игрушка и получилась, ласковая, то-то детям будет радость.

Ю л я. Если б вы так хорошо тётя Васса не слепили, то я бы и не раскрасила. Это у вас руки золотые, а я только кисточкой поводила и всё.

В а с с а. Сколько живу и вижу – доброта, если рядом, она и злого делает добрее. Ты уж мне поверь. Если б была моя воля, то я бы злых игрушек совсем не лепила, зубастиков вот этих. Их даже руки лепить не поднимаются, а слепишь, то и жалко их становится.

З у б а с т и к (другому зубастiku, ухмыляясь). Себя пусть пожалеет, а мы о себе сами позаботимся. (Другой зубастик согласно кивает головой, оба улыбаются, сидят, поматывая ногами.)

Ю л я. Это потому тётя Васса, что зло угнетает, вот и получается, что злые и страшные по сути самые и несчастные. Возьмите зубастиков. У меня даже кисточка в руках не держится их расписывать, а деваться некуда, заставляют.

З у б а с т и к п е р в ы й (с лавки для просушки). Я всё скажу хозяину, как ты о нас плохо отзываешься, тоже мне маляр с метлой. Ха-ха-ха... (Смотрит на других зубастиков, те, поддерживая, смеются.) Маляр с метлой... ха-ха-ха!

Ю л я (на зубастиков). Да замолчите вы... (Вассе.) Ну как этих зубастиков раскрашивать?.. чуть первый зуб прорисуешь, так он им уже укусить норовит, не игрушки, а зверьё какое-то.

В а с с а. А ты их всех покрась, а зубы не надо, в последнюю очередь.

З у б а с т и к в т о р о й (недовольно). Как это в последнюю очередь? Как это в последнюю очередь?! Ты чему старая ведьма Юльку учишь?.. Юлька! Не слушай её, крась сначала зубы.

Ю л я (задёрнув ширму, около зубастиков). Смотреть на них не хочу.

З у б а с т и к и (из-за ширмы хором). А ты Юлечка всё-таки зубы первыми крась. Мы тут договорились, что не будем тебе пальцы кусать и кисточки грызть, когда раскрашиваешь. (Замолкают.)

В а с с а (в сторону зубастиков). Сделали одолжение... Смотри какие!.. уже торгуются. (Пауза, Юле.) Что-то твой ухажёр сегодня к тебе не заглядывал? (Улыбается.) Сватается, или нет?..

Ю л я (смущённо). Намёки делает.

В а с с а. Вижу, любит он тебя. А ты парня то не упускай. Душа у Гриши добрая. Семья будет, забота, детки пойдут, жить веселее будет.

Ю л я. Скажете тоже, детки. У вас, один Басяня сума сведёт.

В а с с а. Возраст у него такой, пошалить да подурачится, пройдёт. У меня муж весёлый был, балагур да придумщик, в него пошёл, в чеченскую сгинул. У твоего Гриши тоже голова на месте, вон сколько нам разных приспособлений и инструментов сделал.

Ю л я. Это он умеет, только всё равно у шишкарей не в почёте. (Открывается хозяйское окно. Из него доносятся голоса, но никого не видно.)

М и м и (голос, истерично). Все добра желают, то одни, то другие!!!!..)

В а с а. Опять дочка хозяев, Мими, замуж просится. Вот таких деток не дай господи. (Крестится.)

М и м и (голос, громко). Что вы мне всё мукомола пророчите! Не хочу за мукомола! Так и буду всю жизнь в муке ходить, да люди будут «Мукомолихой» звать! Ы-ы-ы-ы-ы!

Щ е п к а (голос, уговаривающе). Кого ж тебе ещё дитя моё!? Мукомолы люди состоятельные, будешь как сыр в масле кататься...

М и м и (голос, капризно). Хочу за датского принца! Ы-ы-ы-ы-ы...

Щ е п к а (голос, недоумённо). Где ж мы его возьмём?

М и м и (голос, капризно и высокомерно). А где хотите там и берите! Сумели народить – сумейте и женихом обеспечить. (Окно захлопывается, становится тихо).

В а с а (кивает на окно). Вот закатывает.

Ю л я. Беда просто.

Явление второе.

В мастерскую входит Гриша.

Г р и ш а (добавляет). Не их одних эта беда, но и наша.

Ю л я (смутившись). Это почему же - наша?

Г р и ш а. Они из-за этого датского принца с нас три шкуры сдерут, чтоб в Данию поехать. Им бы там какого-никакого датчанина в женихи уломать. (Подходит, заигрывает с Юлей, шепчутся, хихикают.)

Ю л я (притворно сердито). Гриша! Ну, хватит. Время рабочее, хозяева заругаются...

Г р и ш а (понарошку, тихо). Объявляю обеденный перерыв...

Ю л я. Вот когда сторож стукнет прутом в рельс, тогда и приходи, а сейчас иди лучше глину мни, вон у Вассы кончается.

В а с с а. Мни, да ног не жалея, чтоб без комочков, чтоб больше сделали и больше получили денег.

Г р и ш а. У наших хозяев сколько не делай – всё прожиточный минимум получишь. Калькуляторы что ли у них бракованные? Я в уме лучше считаю, вроде должен получить столько, а у них обязательно наполовину меньше.

Ю л я. Смотри, тётя Васса спина совсем откажет, посиди чуток, отдохни.

В а с с а (выпрямляется, трёт поясницу рукой). Опять, Юлечка, вступило...

Ю л я. Давайте я вам массаж сделаю.

В а с с а. Спасибо, добрая душа; скоро перерыв, полежу, отпустит. (Слышится удар в рельс). Вот и перерыв, а то хоть волком вой. (Встаёт, направляется к двери). Раз перерыв, пойду хоть прилягу на ча-

сок. (На пороге противоположной двери сталкивается с Басяней, грозит ему пальцем).

Смотри у меня, в мастерской не балуй.

Г р и ш а. Вот, вот, Васса Пантелеевна, пойдите, приляжете, вашему радикулиту лишние десять минут не повредят. (Смотрит, что Васса ушла). Ну, поцелуй, сердечко моё. (Тянется к Юле).

Ю л я. Не буду целовать, ты над сторожем подтруниваешь, ведёшь себя как Басяня? Это ты, наверняка, в рельс ударил?

Г р и ш а (вспрыгивает и садится на стол, перед Юлей). На этот раз ошиблась, я рядом с тобой был, когда рельс прогудел.

Ю л я. С вами спутаешься. Не ты, так Басяня... Тому хоть простительно мал, созорничать охота?

Б а с я н я (слышит слова Юли). Ты чего Юля на меня? Я прута в руки не брал и с другой двери заходил не от рельса, маманя видела. (Ходит по мастерской, весело лает на слепленную собачонку, квохчет на курицу, за ним, не отставая, ходит Кузя; Юля с Гришей тихо разговаривают.)

Ю л я (смотрит на часы). Хоть вы, вроде, и не виноваты, но без вашей «помощи» всё равно не обошлось... На десять минут раньше рельс загудел.

Г р и ш а. Это он от скуки Юличка загудел... Рельс – хоть и желездяка, а понимает, что людям отдых давать надо. В нашей мастерской Юлечка скоро все от чегонибудь загудит или завоет, а не только один рельс. Вы вот с Вассой Юрьевной от зубастиков взвоете, а я от кадушки с глиной.

Ю л я. Не напоминай мне о них.

Г р и ш а. Эх, надоело в глине лопатой ковыряться, а этим держимордам всё мало. (Кивает на хозяйское окно). Нет технику закупить – так денег жалко. Лучше на Канарах прогулять, а Гришаня пусть лопатой наяривает, от него не убудет... (Обращается к Юле). Давай сбежим куда-нибудь?... Тошно здесь... Сколько раз предлагал хозяину хотя бы бочку усовершенствовать, чертежи сделал – всё мимо ушей, там и затрат-то всё ничего.

Ю л я (испуганно). Тише ты, услышат... с работы прогонят.

Г р и ш а. Не услышат.

Ю л я (шёпотом). Зубастики передадут.

Г р и ш а. Я из-за тебя только Юленька у шишкарёй глину мну, чтоб почаще тебя видеть. Давай сбежим, а? Глиномял – это не для меня.

Ю л я. Куда же мы сбежим, солнышко моё? Там работу надо искать, а я к игрушкам душой прикипела. Я их так Гриша люблю, что готова даже за копейки раскрашивать.

З у б а с т и к и (из за занавески). А мы всё слышали..., а мы всё слышали!

Г р и ш а (Юле). Не обращай внимание.

(По спускающейся сверху верёвке, к которой привязана бадья, залезает на перекрытие. Смотрит сверху на Юлю).

Залезай...

Ю л я (смотрит на Гришу, улыбается). Ничего умнее придумать не мог?

Г р и ш а. Это я чтобы тебя получше видеть. (Поёт.)

Я люблю тебя душа моя...
Без тебя мне не прожить и дня...
И в любой часочек,
Хоть одним глазочком
Обязательно увижу я тебя-а-а-а... (тянет).

Ю л я. Что-то не совсем складно.

Г р и ш а. Зато верно.

(Протягивает руку Юле и втаскивает её к себе, снизу подвывает Кузя. Басяня подбрасывает вверх влюблённым кусочки глины, Юля и Гриша ловят их, лепят из кусочков рожицы, радуются, смеются).

Ю л я (кивая на рожицу). Эта – на бакалейщицу похожа.

Г р и ш а. А эта – вылитый Шишкарь.

Ю л я. А это – ты в кепке... (Поёт подражая Грише).

Как хорошо, что встретила тебя-а-а.
Не могу прожить и я ни дня-а-а.

(Оступается и чуть не падает.) Ах!

Г р и ш а (подхватывает Юлю). За меня замуж сбежишь? Последний раз спрашиваю.

Б а с я н я (занимается с Кузей, тренирует его подавать лапу). Дай лапу! Лапу дай... тебе говорю...

Ю л я (обнимает Гришу, целует, говорит ласково). Замуж не сбегает, а выходят, и не говори глупостей. Этот твой последний раз уже сто первый.

Г р и ш а: Я, имею ввиду, от шишкарей. И потом, я и не говорю глупостей, я по-серьёзному.

Спускаются друг за другом вниз по верёвке, садятся на лавку.

Ю л я. А если по серьёзному, то я должна себе на подвенечное платье заработать, а ты хотя бы на штаны приличные. Над нами куры будут смеяться - «жених с невестой ощипанные». Иди лучше глину мни. (Смотрит на часы, рассуждает.) Всё же кто из вас с Басяней на сей раз сторожа обманул? Признавайтесь. Узнают, ох и нагорит вам...

Г р и ш а. У каждого из нас свой стимул, Басяне хочется, чтоб мать подольше отдохнула, жалеет, он мне сам говорил, а мне, разумеется, хочется с тобой побольше побыть. Как видишь, стимулы совпадают. И не важно, кто из нас, когда постарался.

Ю л я. Эх, вы-ы – два сапога пара. (Слышится звук разбитой игрушки.)

Ю л я (поворачивается к Басяне). Ты это чего там расколотил негодный мальчишка? (Всплёскивает руками, сердито.) Уже, игрушку разгрохал?

Б а с я н я. Она сама упала.

З у б а с т и к и (хором). Он врёт. Это он нашего друга столкнул на пол.

Ю л я. Мать лепит-лепит, а он, – «упала». По шее дать...

Б а с я н я. Все игрушки добрые, а эти зубастики, так и норовят укусить?

Ю л я (сердито). Что эти?! Что эти!

Б а с я н я. Они злые и бездушные.

З у б а с т и к и. Планетарный поклёп, будем жаловаться в европарламент. Налицо посягательство на жизнь, свободу и наши права.

Г р и ш а (отдёргивает занавеску). Куда? Куда? Никакие права за вами европарламент не закреплял.

З у б а с т и к и (вместе). А мы постараемся... закрепит... У нас там свои люди.

П р о с т я ш к и (с соседней полки). Зубастики сами Басяне языки показывали и дразнились.

З у б а с т и к и. Ещё одно слово... чучелы-мучелы и мы за себя не отвечаем. (Показывают простяшкам кулаки.)

Ю л я (вкрадчиво). Бося, это заказ Щепки и Шишкаря, мы их сами не любим, не трогай их, пожалуйста.

Б а с я н я. Не любите, а делаете. Чего делаете? Раз не любите? Делать надо то, что нравится. Вот тебе Гриша нравится – вы и целуетесь, сам видел, а мукомол за тобой ухлёстывает, а ты отворачиваешься, так и здесь.

Ю л я (вспыхнув). Тебе этого Бося не понять.

Г р и ш а. Брось Юля. Басяня всё лучше нашего понимает, просто у него обострённое чувство к злу и несправедливости, возраст такой.

Ю л я (прислушивается). Кажется, Шишкарь с Щепкой приехали. Иди скорее к кадушке. Вон и Васса встала.

Г р и ш а. Ещё время обеда не вышло (смотрит на настенные часы).

В а с с а (входит, болезненно потягивается). Кажется, прихватизаторы появились? Черти их носят. Ю л я. Сейчас опять начнут, уму – разуму учить.

Явление третье.

Входит хозяин мастерской и хозяйка, начинают смотреть игрушки. Шишкарь на внешний вид неприятен – толст, на носу и на темени красуются две шишки. Щепка - тощая, брезгучая, властная баба.

Щ е п к а. Почему языками болтаем, а не работаем, бездельники!?

Г р и ш а (непринуждённо). Так, перерыв ещё, имеем право.

Щ е п к а (смотрит на висячие у входа часы, сверяет со своими, обращается к Грише). Это ты подвёл стрелки? Знаю, ты... Можешь не отнекиваться...

Г р и ш а. Ну, я. От вас не убудет..., подумаешь десять минут...

Ш и ш к а р ь. Это нарушение рабочего режима, полагается штраф и удержание убытков.

Г р и ш а. Валяйте, удерживайте. Если б вы на эти удержания машины современные покупали, я бы давно ногами в бочке не топал и производительность труда бы выросла. А то штрафуете, чтоб себе лишние бигуди купить. На вашем производстве всё дедовским методом делается: Глину месим лопатой, заливаем водой из бадьи (стукает по бадье, та раскачивается на верёвке), мнём ногами и никакой тех-

ники безопасности. Вон за границей, машина стоит, а из неё перемятая глина колбаской вылезает и прямо к мастерице, сам по телеку видел, а здесь..., того и гляди в какую яму с раствором свалишься. (Скользя балансирует на досках, что уложены на полу.)

Б а с я н я (насупившись). Это я подвёл часы!

Г р и ш а. Он врёт.

Ю л я (берёт Гришу за руку). Не нарывайся... Не ты же часы подвёл.

Г р и ш а (тихо Юле). Пацан, это сделал не шутки ради над сторожем, а чтоб мать подольше в перерыв отдохнула. И потом её из-за мальчишки с работы выгонят, куда она с оравой, пусть лучше на меня думают.

Щ е п к а (сердито). Хватит болтать, за работу.

(Подходит к двери, берёт прут и ударяет в рельс. От неожиданности вскакивает дремлющий сторож, забегает в мастерскую, кричит,) К-ка-ра-ул! Пожар! Грабители!» (Поскользнувшись, падает в колоду с глиной. Суета, крики, Гриша вытаскивает перепачканного деда, Басяня с Юлей счищают с него глину.)

С т о р о ж. Как будто снова в болотах Белоруссии побывал, когда нас немцы шрапнелью крыли.(Басяня. уводит сторожа.)

Г р и ш а (Шишкарю). Что я говорил. Безопасности труда никакой, сегодня сторож в колоду угодил, а завтра кто?

Ш и ш к а р ь (зло). Ещё одно замечание и будешь уволен!

Г р и ш а (решительно). Можно и без замечания. (Бросает лопату в колоду.) Я за тобой приду Юля! (Идёт к двери.)

Щ е п к а (Грише вслед). Вернись! Тебя никто не увольнял, за эти минуты ты должен отработать и за грубость тоже. (Обращаясь к Юле и Вассе.) А вы что тут наляпали?

Ш и ш к а р ь (скептически). Они это называют игрушками! Бездельницы, только языками болтать. Разве это игрушки!? (Указывает на простяшек). На что это похоже? Сказать вам, что это? Это затычки для бочек с прокисшей капустой. Эту дрянь, к утру размочить, И запомните – игрушки должны быть современные, а вы что лепите?..

Щ е п к а. Вот именно...

В а с с а. Так людям же нравится.

Ш и ш к а р ь. Нравится, говоришь! Им должно нравится то, что нравится мне. Гы-Гы-Гы! Объясни им Эммочка, кто формирует сегодня спрос? Это я формирую спрос, (тычет себя пальцем в грудь) а не толпа на базаре! И вот, что я выставлю на прилавок, разрекламирую, то и будут покупать как миленькие.

В а с с а. И «пугал огородных»?

Щ е п к а. Да, дорогая... если надо, то и пугал огородных. У мужа на всё особый нюх, он коммерсант.

В а с с а. Мы что, должны всяких уродцев лепить, если на них спрос?

Ш и ш к а р ь. А это не уродцы! Какие это уродцы? – это будущее игрушечной промышленности и

мировой политики в воспитании подрастающего поколения, это будущее нашей свободы и равноправия. (Показывает на зубастиков.) Только жёсткие, крепкие...и...и... (Не знает что добавить.)

Ю л я (вставляет). Крутые!

Ш и ш к а р ь. Да, да... Крутые!

Г р и ш а (с порога). И бритоголовые!

Ш и ш к а р ь. Не без их участия. Да, да... вы правы, без всех, кого мы сейчас назвали, нельзя защитить конституцию, отстоять свои права. И вот вам пример.

(Берёт хлыст и ударяет им улыбающегося простяшку, тот обиженно зашмыгал носом, намереваясь заплакать. Потом Шишкарь бьёт хлыстом по физиономии Зубастика.)

З у б а с т и к. рычит вцепляется в хлыст и рывкает его зубами.

Ш и ш к а р ь (торжествующе). Вот вам и доказательство. Ваши нытики только будут ходить с лозунгами по улицам, а эти (показывает на Зубастиков). Они будут зубами и кулаками отстаивать своё право на место под солнцем. Разве не так!?

З у б а с т и к и. Правильно хозяин! Так и будет.

Ш и ш к а р ь. Зубастики воспитывают в детях борцов за свои права, а эти (тычет в простяшек), воспитывают из детей нытиков, не могущих предотвратить зло или бороться с ним. Так какая игрушка полезнее?? Воспитатели...

З у б а с т и к и. Bravo хозяин! Умно! И педагогически верно...

Г р и ш а (с порога). Зло будет воспитывать доброту – это интересно. Не по-евангелиевски. Ваши Зубастики борцы за права сильных, не спору, но не за справедливость и правду, они не защитники слабых. Ваш Зубастик защитит того, кто его кормит, вот его психология... Ваши зубастики хозяйские холуи, цепные псы несправедливости и за простяшек не вступятся.

Ш и ш к а р ь. Ты ещё здесь!? Иди, затыкай своей справедливостью дырки в штанах или ты их заткнёшь соломой!? (Смеётся. Обращается к жене.) А мы уж будем делать игрушки, какие умеем и какие полезны в современном мире, так Эммушка?.. (Обнимает Щепку. Гриша уходит.)

Щ е п к а (кивая на простяшек). Интересно, почему у их поделок такие добрые лица? Где они такие лица увидели, где?

Ш и ш к а р ь. Не понимаю... (Пожимает плечами.)

Ю л я (отвечает). На улице. В городке очень много добрых лиц, там и увидели.

Щ е п к а. Ха-ха-ха! Нашли добрых; да они только рожи такие делают, а на самом деле они злые...

Ш и ш к а р ь. Вот именно. Золотые слова Эммочка.

Щ е п к а (Шишкарю). Мы вылетим в трубу если будем лепить любовь и сострадание, кто купит эту иллюзию?

Ш и ш к а р ь. Вот именно. Чего на свете нет, того, дорогая, лепить нельзя.

Щ е п к а. В других мастерских будут лепить крутых, а мы любовь и сострадание. Кто же себе работает в убыток? Такого не будет никогда. Мы должны лепить правду и только правду, а она сегодня злая.

З у б а с т и к. Круто! Наша философия...

Ш и ш к а р ь (Щепке). Потом, если посмотреть с экономической точки зрения, то кто сырых, бедных и сострадательных купит? – только сырые и бедные, за копейки, потому, что у них нет денег и психология такая. А кто купит крепких, сильных, умеющих за себя постоять? Ответ ясен.

Ю л я (в зал). Тупых, надменных, бессовестных и без грамма интеллекта.

Ш и ш к а р ь (продолжая). Правильно – купят богатые и по хорошей цене. (Направляется к выходу.)

Щ е п к а (сурово, с порога). Слышали!? И никакой добродетели! (Идёт вслед за мужем.)

З у б а с т и к и. Это по-нашему. (Хлопают в ладоши.)

Явление четвёртое.

Васса, Юля, Басяня и зубастики.

В а с с а (сокрушённо). Как же нам теперь быть, Юля? Не просто так на нас хозяйева насаждают.

Ю л я (встревожено). Нас выгонят с работы, если будем лепить своё, для души.

В а с с а. Выгонят, если не подчинимся и не будем делать то, что они говорят (кивает на дверь), у меня руки не поднимутся лепить надменных и бессердечных держиморд или страшилок. Тоже мне воспитатели молодого поколения...

Ю л я. Налепить их надо с десятков для утешения Шишкаря, да на видное место поставить, а дальше уж своих делать.

В а с с а. Правильно. Будет чем отговориться. Я уже троих слепила. (Кивает на сидящих на доске зубастиков.) Одного Басяня расколочил.

Ю л я. И я пару раскрасила.

З у б а с т и к (товарищу). Нас это устраивает. Гы-гы-гы! (Вассе.) Да лепи дура старая поскорее наших, а то нам одним скучно.

З у б а с т и к (второй). Давай, друг, повеселимся.

З у б а с т и к (первый). Чем тут развлечёшься, одна глина?

З у б а с т и к (второй). А вот ей и развлечёмся. (Зубастики с хохотом бросают в простяшек сырой глиной.)

Ю л я. Васса, посмотри на этих идиотов. (Плачет обтирая глину с простяшек.)

П р о с т я ш к и (вразной). Они дерутся... они нас обижают. Тётя Васса спрячьте нас.

Ю л я. Давай, Васса, простяшек куда-нибудь спрячем. Тем более Шишкарь грозился их размочить.

З у б а с т и к и (хором). Подальше их, а лучше в колоду, на размочку.

Ю л я. (обращаясь к зубастикам). Что вы говорите... Может быть вас надо на размочку?!

З у б а с т и к и. Вы нас не тронете, иначе хозяин вам задаст. А если тронете, то мы пожалуемся и скажем, что вы этих нытиков прячете... вот так.

П р о с т я ш к и (наперебой). Спасите нас... спрячьте... от этих зубоскалов...

З у б а с т и к и (наперебой угрожающе). Это кто зубоскалы!? В рожу дать...

Ю л я (отодвигает другую ширму). Давайте сюда пока, а там чего-нибудь придумаем. (Простяшки забегают за ширму.) А свирепых, надо на их место, раз они Шишкарю так милы. (Строго говорит Зубастикам.) Марш на лавку!

З у б а с т и к и. Правильно. Нас на видное место. Тут посветлее. Вот так. Давно бы хозяину надо было вас на место поставить, распоясались работнички. (Замахивается на Юлю.) Теперь на нашей улице праздник. А, если снова простяшек с нами рядом поставите – мы им уши пооткусываем.

Ю л я (Вассе). Наделали, мы их себе на шею, так они нам ещё и условия ставят. Уйду я, не могу так... больше не будем зубастиков лепить, хватит этих.

В а с с а: Ты хоть молодая, да незамужняя, себя одну как-нибудь прокормишь, а мне что делать вдове? Что я дам детям за столом? Что они будут есть? (Плачет.)

Ю л я. Куда ж нам бедным деваться? Нужда гонит.

Б а с я н я (выходит из-за ширмы, подходит к матери, гладит по голове, успокаивает). Мама ничего не говори, я всё слышал, что здесь говорили Шишкарь с Щепкой. Не волнуйся за меня, я уже почти взрослый. И велосипеда мне не надо, это я так, мал был, вот и клянчил.

В а с с а (вытирая слёзы). Сыночек, дорогой, совсем нужда нас съедает, какой велосипед миленький сыночек, прокормиться не можем, опять же свет, газ, налоги...

Б а с я н я. Не беспокойся мама не пропадём... (Юле, тихо.) Присматривай тут за ней, ладно?

Ю л я. Ты что это удумал пострел?

В а с с а (Басяне). В люди на заработки не ходи. Пока перебьёмся, не окреп ещё и опыта маловато жить в мире без материнской подсказки.

Б а с я н я (успокаивает, старается быть весёлым). Не горюй. Если я не силён, так ловок, а если не опытен, зато смекалист. Не тревожься, не пропаду. (Берёт котомку, кланяется и уходит. Васса пытается его остановить, но хватается за спину и оседает на пол. Басяня, с порога, обращается к зубастикам) Смотрите у меня зубоскалы!!! (Грозит пальцем.) Если что не так, то я ваш буду первый стоматолог. Попробуйте мне пальцы Юле кусать, да кисточки грызть. (Показывает кулак.)

З у б а с т и к и (хором). Топай, топай Боська-моська.

Б а с я н я. За Боську-моську положен тычок, так Зубоскалы? (Возвращается, выбивает одному зубастикку зуб.)

З у б а с т и к. Мой зуб! (Хватается за щёку.)

Б а с я н я (прилепляет ему зуб из глины другого цвета). Вот теперь ты не Зубастик, а «Фиксатик», глиняным да необожжённым зубом много не наклеяешь. А будете работниц обижать, со мной будете иметь дело. Я у вас у всех буду персональным и бесплатным стоматологом, поняли!?! (Уходит.)

З у б а с т и к и (тихо, чтоб не услышал Басяня, и сердито). С него станется... Катись отсюда, Боська-моська.

Ю л я (поднимает Вассу, успокаивает). Гришу увольняют. Теперь и Басяни с нами не стало... Бог поможет, не пропадём. Сын у тебя, Васса Юрьевна, смышлёный.

В а с с а. Смышлёный то смышлёный, да спутается с какой дурной компанией. Вот о чём душа болит. Ладно об этом. Надо лепить. До нормы ещё далеко (Поглаживает поясницу, берёт глину.)

Сцена третья.

Сторож, Басяня и Гриша около мастерской.

С т о р о ж (обращаясь к Грише и Басяне строго и нравоучительно). Что, накуролесили!.. Одного выгнали, другого бы выпороть крапивой, перед тем как отпускать. Ну и куда вы теперь?

Г р и ш а. А кто куда старик. Я на биржу, может, предложит что подходящее, хоть пока и не выгнали вроде, а узнать надо. Сегодня не выгнали, так завтра обязательно выгонят. Чего-нибудь скажу хозяевам против шерсти – так и за ворота.

С т о р о ж. А потерпеть нельзя?

Г р и ш а. Нет, дед, нельзя, характер не такой. Правду её ведь в глаза говорить надо, тогда, это правда, и она всем как фонарь светит, а если за углом сквозь зубы проговаривать, да зло копить это не по мне.

С т о р о ж. Ну, ну... (Обращается к Басяне.) А ты куда, горе горькое...

Б а с я н я. Не пропаду, Евстафий, не отпевай раньше времени.

С т о р о ж. Мир не без добрых людей, но и не без злых тоже, запомни внучек.

Б а с я н я (обращается к собаке). Пошли, Кузя, со мной. Собаки собак не охраняют. (Кивает на хозяйское окно, уходят.)

С т о р о ж (сокрушённо). Эх, Басяшка, Басяшка! Жалко тебя, да видно деваться некуда.

Сцена четвёртая.

Явление первое.

По дороге идут Праханя и Чирик. Чирик идёт на два шага позади Прохани.

П р а х а н я (напевает весёлую песенку, а воробей идёт за ним и подпевает).

Я - Праханя, я - Праханя –
Парень не простой.
Я - Праханя, я - Праханя
С глиняной душой!
У кого душа из глины –
Добрый человек;
У кого душа из глины –
Значит друг навек!

В о р о б е й:

Чирик-пырик, чирик-пырик,
Значит друг навек.

П р а х а н я:

Вот в дому, стена из глины –
Значит в нём тепло.
Печка же теплей перины!
То-то и оно.
Печка же теплей перины!!
То-то и оно...

В о р о б е й:

Чирик-пырик, чирик-пырик,
То-то и оно.

П р а х а н я:

В драке я за правду стоек,
Мимо не пройти.

Я игрушка, я Праханя,
Честь у нас в чести.
Я игрушка, я из глины,
Честь у нас в чести.

В о р о б е й:

Чирик-пырик, чирик-пырик,
Честь у нас в чести.

П р а х а н я:

Победить меня не просто,
Хоть рассыплюсь в прах.
Чуть воды, помял немножко –
Снова на ногах.
Чуть воды, помял немножко –
Снова на ногах!!

В о р о б е й:

Чирик-пырик, чирик-пырик,
Снова на ногах.

П р а х а н я:

Я из глины, я - Праханя,
Знают все меня.
Я из глины, я из глины,
Глина же – Земля!
Я из глины, я из глины,
Глина – это я!

В о р о б е й:

Чирик-пырик, чирик-пырик,
Глина же – земля!

П р а х а н я (поворачивается к воробью). Здорово у нас получается! Подпевать умеешь. Сладимся. Ты кто таков, что меня догнал, рядом идёшь, да ещё подпеваешь?

Ч и р и к (догоняет, идут рядом). Воробей я, зовут – Чирик, ловкий, смышлёный, иногда надоедливый и шумливый, но это быстро проходит, особенно если меня немножко шлёпнуть пальцем по одному месту.

П р а х а н я. Где же это место находится, если не секрет?

Ч и р и к. Дашь хлебную крошку – скажу...

П р а х а н я. А если без крошки?

Ч и р и к. Я что, дурак, без крошки чирикать и секреты выдавать?

П р а х а н я (качает головой). Ну и хитрая же ты птица! (Роемся в карманах, ищет хлебные крошки.)

Ч и р и к. Я сейчас не хитрый, я голодный. (Клюёт крошки с ладони Прахани.)

П р а х а н я. Я бы тоже чего-то склевал, да клюва нет. Тебе, брат Чирик, больше повезло.

Ч и р и к. А как же ты? (Перестаёт клевать и поддвигает крошку Прахане.)

П р а х а н я. Спасибо, брат, не надо. Эта крошка для меня, как слону дробинка. Я брат сыт тем, что ты не голоден.

Ч и р и к. Разве такое возможно?

П р а х а н я. Вот когда рядом другие воробышки чирикают, тебе ведь тоже чирикать хочется?

Ч и р и к. Само собой.

П р а х а н я. Так и мне, когда ты сыт, то и мне вроде меньше есть хочется. Пошли, дружище, и дальше вместе. Ты, я смотрю, воробей удалой.

Ч и р и к. А мы воробьи все удалые и все как один. Только попробуй где и кто из наших пискни – сразу всей оравой туда. Сорока ли прилетит, или ворона, никого не боимся, дружба и сплочённость – наш главный боевой козырь и не смотри, что мы ростом не вышли. Борьба за выживаемость у нас в крови

П р а х а н я. А если тот, кто пискнул – не прав?

Ч и р и к. Всё равно. За своих стоять надо.

П р а х а н я. Ты борьбу за выживаемость с отсутствием совести не путай.

Ч и р и к. А мы и не путаем. Сначала стая, а потом совесть.

П р а х а н я. Может быть наоборот?

Ч и р и к. Я согласен. Можно и наоборот – сначала совесть, а перед ней – стая.

П р а х а н я. Да, с языком у тебя не порядок.

Ч и р и к. Зато с воробьиной совестью всё в ажуре.

П р а х а н я. А что, у каждой птицы своя совесть по-твоему?

Ч и р и к. Разве это требует доказательств. Сразу видно, что с воронами не встречался. У нас, у воробьёв, хоть маленькая, с семечку, но у каждого своя

воробьиная совесть есть, а у ворон – одна семечка на всю стаю и то, где лежит не помнят. А ты кто будешь, что я перед тобой так расчирикался?

П р а х а н я. Ладно, столкнемся. Значит ты воробей, а я – глиняная игрушка, зовут «Праханя».

Ч и р и к. Ладно, я тебя Прохой буду звать, мне так удобнее.

П р а х а н я. Это почему так?

Ч и р и к. Потому, что «Проха» и «кроха» почти одно и то же, а крошками мы питаемся, до крошек воробьи большие охотники. Имя твоё произносишь и оно, как бы сытнее в желудке становится. Ты же за одну букву не обидишься, если я букву «а» на букву «о» поменяю?

П р а х а н я (широко и с удивлением улыбается). Точно ловок. Тогда и я тебя буду называть не «ВОРОБЕЙ», а «ВОРА бей», то же одна буква с паузой.

Ч и р и к. Нет - нет, мне так не очень нравится, особенно пауза. За что меня бить? А без паузы и не скажешь, язык в клюве не поворачивается.

П р а х а н я. Вот и мне тоже не нравится. Праханя от слова «прах» образовано, а «прах» это «земля» по-старому. А глина и есть «земля», потому и «Праханя».

Ч и р и к. Согласен. Проехали... А откуда ты? то есть, где тебя слепили раз ты из глины? Я чего-то таких как ты раньше не встречал...

П р а х а н я. Саратовские мы.

Ч и р и к. А что из Саратова, прогнали или как?

П р а х а н я. Сам ушёл. Сначала я в серванте стоял. Хозяйские дети уже выросли, играть не с кем. Вот я и ушёл. Думаю: «пойду своих сверстников навещу, посмотрю, что в мире делается?» А как походил, посмотрел «батюшки ты мои» – глиняным игрушкам нигде хода нет, на прилавках одна пластмасса, то ли люди, то ли звери не поймёшь, всё зарубежное. А отечественного и народного – совсем нет.

Решил глиняным игрушкам и их мастерам во всём мире помогать, добрые дела делать и за справедливость бороться. Мне об этом ещё мастерица говорила, что меня лепила: «Я тебя из особой глины слепила.– Сказала она. – Пока, будешь в бездействии, сил будешь набираться, а придёт время, встанешь горой за сирых и убогих и особенно за глиняные игрушки, что к тому времени не в чести будут. Всё народное будет в поношении и забвении». Я её слова никогда не забуду, пророческими оказались.

Ч и р и к. Получается, ты, Праханя, – странствующий глиняный рыцарь. Я про странствующих рыцарей в книжке читал, они тоже со злом и несправедливостью боролись, только они были не из глины и в доспехах. Например, Дон-Кихот. Правда, он с ненастоящими рыцарями сражался, обманывался просто, но это неважно, главное – он страха не знал, и стремление было хорошее.

П р а х а н я. Бесстрашный, значит был, это молодец. А книжку кто написал?

Ч и р и к. Сервантес.

П р а х а н я. Ты мне про сервант не напоминай, насиделся я за его стеклянными дверцами, как Илья Муромец в детстве на печи.

Ч и р и к. Сервантес – это фамилия писателя, а не шкаф в котором ты был. Понял? А Илья Муромец кто таков?

П р а х а н я. Видно мы с тобой разные книжки читали. Богатырь земли русской. Знать надо. Он свою землю от настоящих врагов оберегал, а не от вымышленных, как твой Дон-Кихот.

Ч и р и к. Он от каких врагов оберегал внешних или внутренних? Если от внешних, то с ними легко бороться, вон сорока - её издалека видно, что сорока летит.

П р а х а н я. И с внутренними тоже. Соловья-разбойника победил.

Ч и р и к. Про Соловья – разбойника не слышал, а от ворон досыта натерпелся. Ни на одну помойку не залетишь просто так, везде всё схвачено, везде мзду требуют. Чуть попримичней помойка, сразу охрана, видеокамеры. До облаков всё просматривают, не перелетишь.

П р а х а н я (сокрушённо). Разве я похож на рыцаря или Илью Муромца? У них доспехи. А у меня?

Ч и р и к. Ну, когда это было? В средние века, то есть, очень давно. Сейчас главные доспехи – это голова на плечах.

П р а х а н я (повеселев). И то, верно. Если ты пернатый свободен – пошли со мной, будем вместе

игрушкам и мастерам помогать, с несправедливостью бороться.

Ч и р и к. Я – за. Сначала игрушкам поможем, а потом обязательно на помойку заглянем.

П р а х а н я. Договорились.

Ч и р и к. Только у меня ноги больно короткие. Ты потише иди.

(Идут дальше, Чирик от удовольствия напевает песенку.)

Чири-пыри, чири-пыри!
Воробьи барахтаются в пыли!
Пыль для нас и море и река,
Пыль для нас и море и река...
И не утонуть наверняка!..
Ля-ля... ля-ля... ля-ля!

П р а х а н я. Мне кажется, что там, впереди, кто-то под деревом сидит.

Ч и р и к. Прохожий, в тени от солнышка прячется или просто отдыхает. Кажется, их там двое. (Вглядываются.)

Явление второе.

Те же и Басяня с Кузей.

Праханя и Чирик подходят к дереву и слышат монолог. Монолог проговаривается в рифму, сокращённо и устало.

Б а с я н я:

Стремился раньше я к свободе,
Тебе ошейник тоже шею тёр

(Обращается к Кузе, показывает на шею.)

И вот она свобода на природе,
Мы нищие, бездомные, позор...

(Кузя жалобно воет.)

Кому нужны мы, Кузя, в этом мире?
Где приложить природный свой талант?
Нас ждут забытые сатиры,
Вот он – свободы чистый бриллиант!
Что скажешь ты?

Ку з я:

Пробраться в цирк хотя бы.

Б а с я н я:

В нём псы вертлявей нас в сто крат.
С бомжами синими за корку хлеба драться?

Ку з я:

Клыки их крепче наших брат. (Кузя воет.)

Б а с я н я:

Куда бы, Кузя, нам податься?–
В ночные клубы – царствует разврат.
За воровство не стоит братья –
Поймает сразу опытный сержант...
Свобода – хуже заключения!
Вот что в моей гуляет голове.

ет).

П р а х а н я (подходят с Чириком к дереву, слушают монолог, восклицают). Эй! Кому тут свобода мешает!?

Б а с я н я (безразлично). Нам, кому же ещё. Не знаем, что с ней делать? Не разобраться.

П р а х а н я. Давайте вместе подумаем попутчики.

Б а с я н я. Откуда ты знаешь, что мы тебе попутчики? Мы ведь стоим на месте?

Ч и р и к. А потому, что ни тебе, ни твоему псу, судя по монологу, идти некуда, потому и попутчики, идёте куда ноги несут. Так и мы идём туда, куда ноги несут, вот и попутчики.

Б а с я н я. А вы кто такие? Куда путь держите?

П р а х а н я. В город идём. Там, говорят, скоро будет большая игрушечная ярмарка?

Б а с я н я (приглядывается к Прахане). На торговцев не похожи, да и в одежде сейчас такой не ходят, разве что на концертах можно увидеть.

П р а х а н я. Верно подметил, мы действительно не торговцы, но к игрушкам отношение имеем самое непосредственное.

Б а с я н я. Не пойму я вас что-то. Говорите прямо и понятно без намёков.

Ч и р и к. Куда же прямее, разуй глаза. Разве не видишь, что перед тобой стоит самая настоящая глиняная игрушка.

Б а с я н я (разглядывает Праханю, скребёт глину, пробует на язык). Точно, глина. Где же таких молодцев лепят, что от человека не отличить? У нас в городе всё больше коричневатые и полностью покрашенные, и рисунков таких нет на одежде: вдавленные круги, треугольнички, звёздочки, одна геометрия. Лицом же - точно человек.

П р а х а н я. Я из Саратова. А потому меня трудно от человека отличить, что слеплен я из белой глины с добавлением коричневой, потому и лицом такой, что и человек. Это не моя заслуга, просто у нас глины в Саратове такие. Игрушечница специально коричневой добавила. Эта смесь наиболее крепкая.

Б а с я н я. Тебя что, если стукнуть, то тебе и ничего?

П р а х а н я. Если не дубиной, то и ничего.

Б а с я н я. Можно попробовать?

П р а х а н я (весело). Стукни, если кулака не жалко. (Басяня бьёт Праханю в грудь, хватается за кисть, охает, дует на пальцы.)

Б а с я н я (постанывая). Точно из глины, а лицом от человека не отличить... Это хорошо, что ты не кичишься ни крепостью, ни похожестью. Мне это нравится. Не люблю задавал. А чего так далеко утопали, у вас там, что поблизости ярмарок нет?

П р а х а н я. Ярмарки есть и игрушек много, только всё не наши, не из глины, как бы не настоящие. Навезли откуда-то, то ли из Японии, то ли из Китая. Их столько, что даже на рынке встать – места нет. Наши игрушечники совсем свою, глиняную, перестали лепить. Думал, что это только у нас засилье иноземщины, а куда не посмотрю – везде такое же творится. Моя мастерица, тётя Маруся, лепить бросила, не выгодно, покемонов теперь продаёт... Вот я походил, посмотрел и решил за игрушечное счастье бороться.

Б а с я н я (удивлённо). Вон оно что-о?

П р а х а н я. А у вас как?

Б а с я н я. А у нас и того хуже. (Машет безнадежно рукой.) Мы идём из этого самого города, куда вы направляетесь. И с этой проблемой знакомы не понаслышке. Моя мать с подругами работает в мастерской по производству глиняных игрушек.

П р а х а н я. Вот чудеса. Чего же ты из такого города топаешь? Мы - то, думаем что тут рай для глиняных игрушек!?

Б а с я н я. Был рай, да весь вышел. Игрушки лепим, но игрушки игрушкам – большая рознь. Заставляет хозяин лепить мерзкие рожи, зубастиков всяких, а то, что всегда лепили – под запретом. Эти зубастики уже мастерам начинают указывать. Жена Шишкаря - Щепка, совсем заедает. Чуть, что штрафы. Мы даже прокормиться не можем. А как прокормишься, когда у людей механизация, а у нас... (Ударяет кепкой о землю.) Глину Гришка ногами мнёт, а сторож в рельс железным прутом стучит, время показывает. У них, дочка есть, ещё хуже матери, чуть что подсмотрит и доложит. За датского принца замуж хочет выйти. Помешалась на Дании. Телевизионных передач насмотрится вот и глюки в голове появляются. Европа ей во сне снится.

П р а х а н я. Да, дела-а... Это у них от лишних денег такое происходит, или от желания их иметь... А что же ты?

Б а с я н я. А, я на заработки иду, хоть себя прокормить, да может быть удастся матери помочь. У

неё ведь кроме меня ещё двое, а отца нет. Юля игрушки раскрашивает в мастерской, изумительно, просто чудеса творит. Только на это время надо, чтоб ручной росписью заниматься, а хозяину количество дешёвое нужно. Юля мяльщика Гришу любит, а Шишкарёв его с работы почти турнул. Я виноват (сплёвывает). Я часы подвёл, а Гриша на себя взял. Шишкарёв кричит «Вон!», а Шишкарёв не хочет Гришку отпускать, больно уж глиномял хороший. Чем дело кончится неизвестно, Гриша работу собрался искать, только, я думаю, Шишкарёва мужа умаслит и Гришу на время оставят. Шишкарёв, хоть и пыжится, а верховодит жена.

Ч и р и к. За что же его так, не за обеденный же перерыв?

Б а с я н я. Не только... Неудобный он, Гришуха то...

П р а х а н я. Чем же неудобный?

Б а с я н я. Правду в глаза говорит, за это премии лишают... Нравы иноземные критикует... Над зубастиками подсмеивается... Много чего.

Ч и р и к. Ещё одна проблема на мой хвост. Ты-то хоть заработал хоть чего-нибудь?

Б а с я н я. На чистке выгребных ям много не зарабатываешь, так, на прокорм с Кузей.

П р а х а н я (садится на камень, берёт в руки ветку, задумчиво и со злостью переламывает её). Видно, братцы, пришла пора не от бед бежать, а с бедами бороться. Я смотрю – они, мироеды, везде одинаковые. (Пауза.)

Ч и р и к. Ты прав, брат. Мы от беды, а она впереди нас и нас же встречает.

П р а х а н я. Давай этим невеждам сдачи дадим, хватит от бед бегать, да клозеты чистить!

Б а с я н я. За нас ещё Гриша вступится, а у него кулачищи во (показывает), на глине натренировал.

П р а х а н я. Ты что, думаешь, что мы с ними на кулачках будем сходитья? Они милицию вызовут, ОМОН, потом охранников наймут, у них сила.

Б а с я н я (недоумённо). А как же иначе?

П р а х а н я. Не четыре кулака важны, хоть и пудовые, а четыре головы, но путёвые... понял?

Ч и р и к. Мы теперь тоже сила. (Кивает на Кузю.) Он что-нибудь умеет делать?

Б а с я н я. Я его учил на задних лапах ходить, в цирк готовил.

П р а х а н я. Ну и как?

Б а с я н я. Танцевать не умеем пока, а ходить вполне. Ну ка, Кузя, покажи. (Кузя встаёт на задние ноги, прижимает передние лапы к груди и прохаживается.)

П р а х а н я (глядит на шагающего Кузю, улыбается). Придумал, как дело поправить?... Всё будет у нас тип-топ!

Б а с я н я. Не тяни резину, говори чего придумал?

П р а х а н я. Вот вы говорите, что дочка Щепки за датского принца хочет выйти замуж; давайте ей поможем. Как не помочь доброму делу....

Б а с я н я (сердито). Надо больно, да и добрым делом здесь не очень пахнет...

Ч и р и к. Ты, Басянь, это не понимай напрямую. Праха наверняка что-то придумал. Давай, Праха, колись...

П р а х а н я. Всё очень просто (все столпились около Прахани). Посмотрите (показывает на Басяню). – А чем наш Басяня ни датский принц!? Приодеть, причесать, напудрить...

Б а с я н я (ошеломлённый идеей). Вы... что, братцы! Какой же я принц? Да у меня и шляпы нет.

П р а х а н я. Шляпу найдём. В любом городе есть уценёнка?

Б а с я н я. Ты прав. В город из-за «бугра» даже даровые вещи привозят, сваливают около рынка, а люди разбирают, если кому одеть нечего, а чаще хитрые и ловкие на перепродажу берут.

Ч и р и к. Вот и выход. (Обращается к Басяне.) Ещё, какой у нас датский принц будешь! Правда, без долларов в банке.

П р а х а н я. Решено... Будет ей принц, только не богатый, зато принц. (Обращается к Басяне.) Говоришь, игрушечным делом Шишкарь занимается? Так... так. Это хорошо, даже очень хорошо. Мы ему рабочих обманывать не дадим.

Ч и р и к. Говори... не тяни быка за хвост.

П р а х а н я. Сделаем так, что будет у Шишкарей и зять из Дании и вместо кадушки – глиномялка и зарплата у работниц приличная...

Ч и р и к. Что-то не совсем понятно...

П р а х а н я. А что тут непонятного? Басяня – будет у нас принцем с замком на берегу моря. (Обходит Басяню кругом.)

Б а с я н я (испуганно). Ты, что, серьёзно? Я думал шутка! Я даже ритуалов не знаю... да, и знают меня все в городе, как облупленного.

П р а х а н я. А чего эти ритуалы знать! Пританцовывай, поклоны отвешивай, да шляпу к груди прижимай; по телевизору, что ли не видел!

Б а с я н я. А слова? Я ведь в Дании не был и их языка не знаю.

П р а х а н я. Пустое, брат. В этом деле надо идти от противного. Ты датского языка не знаешь, а в вашем городе датчина и в глаза никто не видел. Так что, оденем, как надо, бормочи, что в голову придёт, язык ломай, сойдёшь за первый сорт. Немного будут тебя понимать и ладно. Тут главное не то, что ты сказал, а как они эту информацию восприняли? Врать и не надо совсем. Например. Ты им не представляешься датским принцем, а только говоришь: «В вашем городке как в Дании». После этого тебя и спрашивать никто не будет кто ты и откуда родом? Примут за чистую монету. Психология, у желающих обмануться, так устроена, понимаешь? Вон, Кузю, профессором принарядим, хвост в штанах спрячем. Хорошо, что у него уши не стоячие, а висячие, на голову что угодно одеть можно. Шишкарь, как Кузю увидит, в первую очередь о протекции и барышах будет думать, а не о том, кто скрывается под штанами и шляпой?

Б а с я н я. А поточнее можно? А то, как-то всё намёками, да намёками.

П р а х а н я. Можно и без намёков. Придём в город под видом иностранной делегации, чтоб солидно было. В составе делегации, понятно, принц будет. Тут уж, ни куда не денешься, желание дочки надо удовлетворить. Кузя будет профессор, специалист по глиняным изделиям, культуролог, это звучит.

Б а с я н я (смеясь). Кузя – профессор, это же смешно, ладно там, в цирке, для смеха сойдёт, а тут... всё дело провалим.

П р а х а н я (серьёзно). Ничего нет смешного...

Ч и р и к. Кузя говорить умеет?

Б а с я н я. Не... он только лаять, рычать да выть умеет, как видите, даже языка человеческого не знает, не способен он к этому.

П р а х а н я. Это даже хорошо, что не умеет. На незнании дела не поймают. Будет рычать, гавкать, с него хватит, а Чирик переведёт как надо. Главное, чтоб рычал и брехал выразительно.

Ч и р и к. Приоденем. Будет профессор, что надо, первый сорт. В лапы журнал дадим, очки на нос тёмные, чтоб собачьей преданности и злости не было видно. Не раскусят. Только с сегодняшнего дня ты, Кузя, будешь ходить только на задних ногах, понял? (Кузя согласно мотнул головой.) А – речь Кузя понимает, молодец.

Б а с я н я. А ты за кого себя Праханя выдашь? Неужели в рубашке на выпуск расхаживать будешь?

Тут и ленивый догадается кто такой? Надо усы для солидности наклеить, можно и бородку приладить.

П р а х а н я. Спрашиваешь, за кого я себя выдам?.. За топ-менеджера. Слышал про такого? Одежду сменю, не вопрос.

Ч и р и к (недоумённо). За кого... кого?

П р а х а н я. Темнота... Топ-менеджер – это управленец высшего ранга, выше не бывает. Понял?

Б а с я н я. А почему «Топ»?

П р а х а н я. Я откуда знаю, *топ* и *топ*.

Ч и р и к: Если предприятие бутылки делает, то получается бутылочный Топ.

Б а с я н я. А у нас глиняные игрушки. Праханя, значит, «Глиняный Топ» будет. А что, ребята, звучит... главное солидно, непонятно, интригующе, и с глиной связано.

П р а х а н я. Будь по-вашему. Только до поры-до времени обо мне не очень распространяйтесь. Тайнственность – она тоже не плохой помощник. Тайнственность всегда интригует. Кстати, Чирик, займись рекламой, у тебя лучше всех получится. Без рекламы наша задумка провалится.

Ч и р и к. Как это?

П р а х а н я. А вот так. Слетаешь в город, сообщишь своим воробьям, что ты, как бы между прочим, слышал, что в город пребывает на ярмарку солидная иностранная делегация. (Басяне.) Особенно тем, с кем шишкариха - жена хозяина, дружбу водит, пусть шишкарихе об этом сообщат?

Б а с я н я. Шишкариха с бакалейщицей дружит.

П р а х а н я. Вот...вот. В первую очередь, пусть сядут на бакалейную лавку и начирикают всем, что, дескать, «прибывает иностранная делегация. В её составе принц датский, не женатый, из старинного рода. Делегация очень представительная, известный профессор из Кембриджа, с ними доверенное лицо, юрист, а заодно и переводчик – Чирик Чирикадзе». Должности и имена, Чирик, сам придумаешь.

Ч и р и к. Меня должность переводчика и юриста вполне устраивает.

П р а х а н я. Обо мне пока не говори. Скажи просто – Глиняный Топ, и всё. Пусть головы ломают, кто он такой?

Ч и р и к (весело). Понял, как не понять. Мы – воробьи, насчёт плутовских дел сообразительные!

П р а х а н я. Давай лети, тайный и полномочный посол, скажи своим пернатым и обещаю, если хорошо поработают – мы в долгу не останемся.

Б а с я н я. Мешок семечек от датского принца, лично. (Бьёт себя в грудь, хохочут.)

Ч и р и к (Басяне). А ты сначала дочку завлеки – «принц».

Б а с я н я (шутит). Вы, что действительно женить меня собрались на этой сумасбродной девице? Ни за что! Лучше от голода помру. Век из туалета с лопатой не вылезать, а этому не бывать!

П р а х а н я. Умереть от голода ты всегда успеешь, а восстанавливать справедливость в твоём городе и конкретно в мастерской, мы что ли с Чири-

ком будем? Твоя задача разыграть искромётную любовь. Долларов тут тебе на первый случай Чирик насобирал на свалке. Думал, что они ему самому пригодятся. Смотри, напечатанные на цветном принтере, только ты их в руки не давай, догадаются, что фальшивые.

Б а с я н я. Хорошо, допустим, поверят они, что мы иностранные представители, но как заставить Шишкаря лепить традиционную добрую игрушку, да заставить платить рабочим побольше? Вот вопрос...

П р а х а н я. Не тужи. Утро вечера мудренее. Будем играть чисто, без ляпов, всё и срастётся. Случай, сказать об этом, обязательно представится.

Ч и р и к. Как ты это сделаешь, Праха? Ума не приложу.

П р а х а н я. Главное – убедить шишкарей в том, что их благополучие временное и что скоро всё их производство рухнет как карточный домик. Чтоб они не благодумствовали, а занервничали. А как только занервничают, а занервничают обязательно, у страха глаза велики, тут и мы со своей помощью подоспеем.

Ч и р и к. Теперь я понял, почему ты себя топ-менеджером назвал? Как бы, не вляпаться, воробьи засмеют.

П р а х а н я. Не вляпаемся, если убедительно сыграем. Потом, наши новые товарищи тоже не лыком шиты. Всё будет как надо. Давай, Чирик, лети, лети, не тяни резину.

Сцена пятая.

Мими, Щепка, и Шишкарь в комнате.

Щ е п к а (загадочно). Ах, какую я новость слышала в городе. (Садится, обмахивается веером.)

М и м и (заинтересованно и нетерпеливо). Какая такая новость? (Подсаживается к матери.) Мамочка, ну... не испытывай моё терпение.

Щ е п к а. Всем новостям новость, мне бакалейщица сказала, что к нам в город приехала иностранная делегация, или приезжает, а может уже и здесь, слухи разные ходят.

Ш и ш к а р ь (недоверчиво). Врут, поди? Сколько живём, никакой блудной мыши в город из-за границы не забегало.

Щ е п к а. Весь город знает. Говорят, что их переводчик ходит и всё узнаёт, что и как? На базаре был и особенно игрушками интересовался, цены узнавал и всё в блокнотик записывал, говорят Чириком Чирикадзе зовут, он- то, про делегацию и проговорился случайно, а так бы, откуда знать?

Ш и ш к а р ь. Имя какое-то воробьиное. «Чирик» – тьфу ты. Если воробьиной породы, то этот проболтается, как пить дать. Помнишь, у нас приказчик по фамилии Воробьёв был? – болтун невероятный, за что и прогнали. Что там ещё ты услышала? (Нетерпеливо.) Одеты как? По одежке ведь встречают!..

Щ е п к а. Опять только разговоры. Одежда иностранная, какой же ещё быть? Говорят – модная.

Ш и ш к а р ь. На одежде – обмануться можно. Моды разные бывают. Сейчас всё больше рваньё модой называют.

М и м и. Папа, ты ничего не понимаешь.

Ш и ш к а р ь. Скажешь – старый стал? Да, старый, но из ума ещё не выжил, добротное от заплатанного отличаю. И потом, что-то к нам эта мода в протёртых штанах приходит, да в обтрёпанных куртках. (Жене.) Помнишь, как Мими всё в этом старье щеголяла?

М и м и. Ты отсталый человек, папа... Та мода прошла. И вообще, были в той моде просто потёртости.

Ш и ш к а р ь. Правильно, те потёртости теперь в рвань превратились. Они носят, как потрётся и изорвётся, а наши кричат «мода» и новое рвут, как дураки... Хватит об этом.

М и м и (пожав плечами). Отсталость...

Щ е п к а. В составе делегации, между прочим, профессор Оксфордского университета, специалист по народному творчеству, искусствовед – господин Брехалов Кузьма Кузьмич. Говорят, из самого Парижу, в очках, и всё время журналы читает.

Ш и ш к а р ь (заинтересованно). Это точно, что профессор?

Щ е п к а. Точней не бывает. Сказывают, что будут игрушки по мастерским покупать для заграницы, а сейчас приглядываются, что и как?

Ш и ш к а р ь (сердито). С этого надо было и начинать, а то всё о шмотках. Это интересная новость... Только вот, какие игрушки их интересуют? Мы бы тогда быстренько их наделали и других опередили? Ты ещё поспрашивай, может быть чего и выудишь, а как узнаем, то и накрутим, хоть покемонов, хоть зубоскалов... (Потирает руки, крикает от удовольствия.) А кто ещё в делегации состоит, что за фрукты-овощи?

Щ е п к а. Есть, говорят, у них специалист по оборудованию, от фирмы, которая всякое оборудование производит глиноприготовительное.

Ш и ш к а р ь. Мы, слава Богу, и без особых механизмов работаем, и прибыль имеется. Это нам ни к чему. Гришка как мял глину, так и будет мять.

Щ е п к а. Ты же его хотел выгнать?

Ш и ш к а р ь. не этот Гришка, так другие гришки найдутся. Гришек в России много. Нет своих гришек – из-за границы выпишем, черномазых. Там этих гришек, пруд пруди и жёлтые и чёрные и даже фиолетовые.

М и м и (скептически). А мне ни тот, ни другой, нисколько неинтересны. Ни этот ваш профессор, ни Чирикадзе; Хоть бы этот Чирикадзе грузинский князь был, а то – обыкновенный переводчик. Фи. Если бы датский принц приезжал, тогда другое дело?

Щ е п к а. Ещё там есть один высокий такой.

Ш и ш к а р ь. Высокий или тощий – не специальность. Лучше скажи, по какой части спец?

Щ е п к а. Точно не знают, важный такой, его они Глиняным Топом зовут, а представляют Глинолеповым. Фамилия говорящая. Как не назови, всё с глиной связано.

Ш и ш к а р ь. Если важный - значит из управленцев. У нас вон - если важничает - значит, чиновник. Как пить дать, на халтурку приехал, за счёт фирмы. У нас они любят по заграницам на халтурку ездить. Управленец нас не интересуется, с этим делом у нас всё в порядке, руководить мы и сами умеем, не жалуемся, хе-хе-хе... (Раздаётся телефонный звонок, Щепка берёт трубку, слушает, потом кладёт трубку и говорит радостно.)

Щ е п к а. Мими! Это по твою душу. (Прижимает телефонную трубку к груди.) Я это чувствовала... Я это всей душой чувствовала... Голубушка ты моя! В составе делегации есть датский принц... Бакалейщица сказала, самый настоящий, как в кино показывают.

М и м и (от радости, подпрыгнув на диване). Принц!!! Настоящий?!!

Щ е п к а (радостно). Самый... самый доченька.

М и м и (бросается целовать мать). А он мне во сне сегодня ночью снился.

Щ е п к а (обнимая дочь). Сон в руку будет.

Ш и ш к а р ь. Кому что, а девкам принца подавай. Тьфу ты, тут о продаже думать надо, да как бы в трубу не вылететь. (Отворачивается.)

Щ е п к а. Только, говорит, делегаты одеты просто, а принц больно уж модный.

Ш и ш к а р ь (про себя). Значит не один специалист приехал, раз делегация, с умом к делу подходят.

М и м и (заинтересованно). А что принц?! Что она ещё сказала? Мама..., ну не испытывай моё терпение...

Ш и ш к а р ь (прохаживается по комнате). Так, так, так. Хорошо бы их к себе в дом заманить, да разузнать всё получше, да расположить, а там и намерения выведать... Что им нравится? Чего они противники... Это дело дорогого стоит. Тут ошибиться нельзя.

Щ е п к а (про своё). Конечно нельзя.

Ш и ш к а р ь (дочери). У тебя в голове принц сидит, а у меня дело.

Щ е п к а. Не обижайся, для молодой девушки это важнее.

Ш и ш к а р ь. Ты вот что, под разными предложениями замани их в дом, а там посмотрим на этих профессоров да бакалавров.

Щ е п к а (довольная и целеустремлённая). Уж я их заманю! Тут беспокоиться не надо! Ты, дочка, должна выглядеть просвещённой, зайди в интернет и посмотри, что там пишут про игрушечные технологии. Мы этим датским принцам покажем, что тоже не лыком шиты... Пойду отлавливать делегацию, а ты, дочка, давай, давай! Давай дочка!! За принцев тоже бороться надо, они в рот сами, как блинчики, не прыгают! Не я буду, а принца тебе доставлю, ягодка ты моя... (Уходит.)

Ш и ш к а р ь (вслед жене). Ты мне профессора тащи, а не принца драного.

Сцена шестая.

Чирик, Проханя и Босяня стоят под деревом.

Ч и р и к (подходя к товарищам). Кажется клюнуло. Нас Шишкарь приглашает к себе в дом, сама Шишкариха меня об этом просила, говорит: (Театрально передразнивая.) - «Не соизволите ли вы, Чирик Чирикадзе, к нам в дом заглянуть, да из самовара чайком побаловаться!». Я естественно, сначала форсу напустил, перья нахохлил, отнекиваться стал, а потом кое-как, снисходя к её великодушию, согласился, добавив в конце разговора – «к чаю б семечки неплохо».

Б а с я н я (улыбается). Ты прямо театрал... И про семечки не забыл.

Ч и р и к (довольно). Она сказала, что не только семечки, а даже ядрышки жареные будут... вот так то. Информация, да ещё умело запущенная, творит чудеса. Мои воробьи им и про одежду и про наши регалии наговорили целый короб, пусть выбирают кому, что нравится...

П р а х а н я. Говори толком, а то мы только про одни семечки слышим.

Ч и р и к (выпятив грудь колесом). Могу... Вот, Кузя, теперь у нас не просто пёс, а культуролог, специалист по народному творчеству, прошу любить и

жаловать... (Показывает галантно рукой.) профессор Брехалов Кузьма Кузьмич. А ты Босяня, не кто иной, как его величество датский принц Басан де Вассан, представитель европейской Лейпцигской ярмарки.

Б а с я н я. Ты, что ж это нам за фамилии придумал, шут гороховый. Где ж это ты видел профессоров и принцев с такими фамилиями? Сам Чирикадзе, а мы?

Ч и р и к. Мне некогда было раздумывать, сказал, что первое взбрело в голову. Сами понимаете, надо было быстро что-то придумать запоминающееся и связанное с именем или деятельностью. Например, сказали «Басан» - значит Басяня, а услышали слово «Брехалов» - понятно, что о Кузе речь идёт, он у нас рычит и лает.

Б а с я н я. Назвал бы себя, например, «Плутов». Тоже нам всем понятно... Нет же... «Чирикадзе».

П р а х а н я. Этого уже не исправить, слово не воробей, вылетит не поймаешь.

Ч и р и к (обиженно). Никак не могут, чтоб в разговоре воробья не затронуть.

Б а с я н я. А сам как отрекомендовался, если не секрет?

Ч и р и к. Имя знаете, а дальше – специалист по гончарному оборудованию, владелец фирмы «Чирикс».

Б а с я н я. Не обидел себя... не обидел... Он владелец, а я только представитель... и тут обошёл... сплошной наглёшь.

П р а х а н я (Чирику). Пока ты летал, да рекламной занимался, мы тут подсуетились и всё приготовили, даже старый ноутбук на свалке нашли, не работает, конечно, но вид придаёт. А, вот Басяню, одежду, разумеется, надо ещё немного порвать.

Ч и р и к. Мои воробышки расчирикали, что принц ультрамодный.

П р а х а н я (смотрит на одежду Басяни). Если эту одежду ещё немного клинышками порвать и края поровнее сделать, то есть художественно, то это уже не рваньё и бедность, а высокая мода, это понимать надо.

Б а с я н я. Подправим. (Рвёт одежду, ему рыча помогает Кузя.) Готово! (Одевает изодранную клинышками куртку.) Пол дня трудился, даже из проволоки специальный крючок сделал, чтоб удобнее было рвать, а вам всё мало.

Ч и р и к (обходит Басяню кругом, восторгается). Держите меня, а то взлечу, или перья потеряю!

К у з я. Р-р-бав, бав, бав, р-р-р... (Вцепляется зубами в Басянины штаны, треплет.)

П р а х а н я. Хватит Кузя, хватит, а то ты высокую моду превратишь в настоящее рваньё. (Чирику.) Переведи, чего он там набавкал для репетиции?

Ч и р и к. Он прогавкал: «Упасть – не встать. Супермен из Чикаго». А по-нашему, по-собачьи: «Ворюга подзаборная», потому Кузя и вцепился, инстинкт на лохмотья.

П р а х а н я. Отличный перевод. Так и действуй дальше.

Ч и р и к. Вот увидите. Завтра все модницы города будут свои юбки драть. Жаль, что я не знал об этом раньше, а то бы шепнул бакалейнице и уже сегодня по всему городу материя бы трещала.

Б а с я н я. А усы из чего мне делать?

П р а х а н я. У Чирика из хвоста два перышка возьмём, не убудет, вот тебе и усы, не простые, а ультра модные.

Ч и р и к. Нет уж, свой хвост не дам. Что я за делегат и переводчик с оципанным хвостом?

Б а с я н я. Тебе, что два пера на усы жалко, для общего дела?

Ч и р и к. Ладно, два дам, но не больше. (Помогает готовить одежду, приклеивает Басяне усы из перьев.)

П р а х а н я. Завтра с утра идём к Шишкарям на чай, чтоб всё было готово.

Сцена седьмая.

Домочадцы Шишкаря встречают делегацию. На веранде столики с приборами, самовар.

В стороне видно, как под навесом мнёт глину в кадучке Гриша. К дому идут Басяня, Чирик, Кузя (одетый профессором), Праханя в светлом костюме в шляпе и с тростью в руке.

Ш и ш к а р ь (улыбаясь встречает членов делегации). Прошу уважаемые, прошу... Здесь я живу, это моя жена, кстати, главный технолог производст-

ва Эмма Владимировна. (Эмма Владимировна кланяется.) Моя дочь - Мими – главный дизайнер. (Мими наклонила голову.) А я Игнатий Григорьевич Шишкарёв – хозяин этой мастерской, то есть – фабрики.

Щ е п к а (мужу тихо). Не путай больше. Фабрика звучит солиднее, чем мастерская. (Гостям.) Прощу господ, сначала чай... чай..., а потом дело.

Ч и р и к (осматривается). Очень интересно. Очень интересно... У вас прелестный уголок. И дом и фабрика, всё рядом... Господа... господа... как прелестно. Я же, в свою очередь, хочу представить вам профессора Оксфордского университета, светила науки профессора Кузьму Кузьмича Рычалова. (Указывает на Кузю.)

Кузя в плаще, с тёмными очками на носу и сигарой в зубах, кивает головой.

Ш и ш к а р ь. Очень тронут вашим визитом...(Раскланивается.) Очень тронут, господин Рычалов, очень тронут.

К у з я (Кузя кланяется). Гаф...гаф! Р-р-р...Баф!

Ш и ш к а р ь. Что, что не понял?.. Извените не расслышал, как-то невнятно...

Щ е п к а (одёргивает мужа). Это иностранному. (С улыбкой.) Может быть переводчик поможет нам понять профессора?

Ч и р и к. Я к вашим услугам господа... Профессор Рычалов вас понимает, а вот в русском языке не силён, он выражает своё понимание, и говорит, чтобы сделать диалог более продуктивным, надо по-

знакомится с изделиями, и ещё он не любитель чая, считает это пустым времяпровождением.

Щ е п к а. Как будет угодно... как будет угодно.

Ш и ш к а р ь (про себя). Профессор сказал мало, а этот начирикал целый воз и маленькую тележку, однако к делу с умом подходит, чувствуется специалист.

Щ е п к а (одёргивая мужа). Не показывай свою некультурность. (Обращается к профессору.) Вы изучаете народное творчество? Мы много слышали о вас. Ваши статьи, книги имеют вес в научном мире.

К у з я: Р-р-р Гаф, гаф, ры-р. (Щепка смотрит на Чирика.)

Ч и р и к. Он говорит, что всякий цивилизованный человек должен поддерживать традиции народа. Сейчас изделия, сделанные народными мастерами успешно завоёвывают рынок по всему миру.

Ш и ш к а р ь (удивлённо). По всему миру-у!! Это интересная, с экономической точки зрения, информация! (Подобострастно.) До нашего захолустья, знаете ли, всё очень медленно доходит. Хочу уточнить для ясности. Скажите, считает ли вы, что надо в производстве ориентироваться на самобытное творчество мастеров, или ориентироваться на мировых производителей игрушки, американцев, китайцев, японцев..., которые делают моду?

К у з я (сердито). Р-Р-Р гаф! Р-р-р гаф...гаф!!!

Ч и р и к. Он говорит, что если бы считал так, то был бы сейчас в Китае или в Японии, а он здесь. И

потом он учёный, а не бизнесмен. И его, как учёного, интересует русская глиняная самобытная игрушка, а не прибыль. С этим, пожалуйста, к другим членам делегации, а не к Рычалову.

Единственное, что он может сказать – отсталость российского рынка игрушек служит мировой культуре на пользу. Душевную игрушку можно только в России найти и то, только в медвежьих углах. За неё толстосумы Запада готовы выложить приличные деньги.

Ш и ш к а р ь (заинтересованно и удивлённо). Разве? Спросите, господин переводчик, – как понять «приличные».

Ч и р и к (обращаясь к профессору и ломая язык). Хозяина фабрики интересуется, что означает слово «приличные»?

К у з я. Рбаф, гаф, гаф, гаф, Рбав, гав-гав...

Ч и р и к. «Настолько приличные, – говорит профессор, – что на эти деньги можно выстроить в деревне отель, супермаркет, построить полностью механизированный завод по производству игрушек взамен вашей... (в зал) халупы под крышей...» (Шишкарю.) Это место не переводится. Сложный синтаксический оборот... Гм... да, вот... далее Рычалов говорит о том, что у вас в малых населённых пунктах, наверное, сохранились мастерицы от бога, а не от рынка?

Ш и ш к а р ь (жене, тихо и весело). Кажется, он проговорился о цели визита. Они ориентированы на

старую народную игрушку, а мы выставили этих зубастиков. Сейчас это некстати.

Щ е п к а (мужу тихо). Зубастики неинтересны профессору, а мнение других членов делегации мы не знаем. Надо выставить весь товар кроме деда Мороза, он уже совсем анахронизм.

Ч и р и к. Господа! Господа! (Указывает на Басяню.) Хочу представить многоуважаемого господина Бассана де Вассана. Принц Бассан де Вассан представитель Лейпцигской ярмарки. Это человек, в руках которого нити культурного развития не только одной Европы. Сами понимаете, что это за уровень. От его слова очень многое зависит, то есть, зависит – быть вашим изделиям на ярмарке или нет, господа. Разумеется, его интересуют самые лучшие изделия мастерской. Не скрою – одна из его задач – это отбор изделий на Ляйпцигскую ярмарку, как вы уже и сами догадались! Басан де Вассан датчанин. (Басяня кланяется.)

М и м и (тихо матери). А богат то, богат... одна куртка полмиллиона стоит... моднюча-я...

Щ е п к а (широко улыбаясь). Я очень рада Чирик Чирикадзе, что вы понимающий человек и очень хорошо переводите. (Вполголоса Чирику.) Мы с вами договоримся. Скажите принцу, чтоб пообщался с моей дочерью, она знает толк в дизайне. Она немного стесняется и не знает датского языка.

Ч и р и к. Не беспокойтесь, Эмма Владимировна, принц Бассан де Вассан как раз рад поговорить с вашей дочерью, потому как Мими является дизай-

нером и её взгляды на игрушку для принца очень важны. Насчёт языка тоже не беспокойтесь принц хоть и не очень, но говорит по-русски, особенно на житейские темы. Ему помощь переводчика нужна только в специальной терминологии, в таком случае – я всегда рядом.

Щ е п к а. О! да-да. То есть спасибо... нет-нет, им хватит и житейских тем... без всякой пустой терминологии... (Пауза.) Если профессор Рычалов настаивает на осмотре фабрики и не любитель чая, то можно приступить к осмотру цехов, но это уже как ему будет угодно...

Ч и р и к. Для нас желание господина профессора – закон. Мы с Рычаловым никогда не спорим, уважаемая Эмма Владимировна. Если господин Рычалов сказал в цех, значит в цех.

П р а х а н я. Чай может подождать. Только при осмотре фабрики мы разделимся на группы по интересам. Профессору нужны игрушки – пусть осматривает, меня больше интересует организация производства.

Щ е п к а. Как вам будет угодно господа, на группы, так на группы. (Шёпотом Мими.) Не будь дурой, лови момент, подойди к принцу..., уведи его на склад готовой продукции, там вам никто не будет мешать...

М и м и (обращаясь к Басяне). Если вы не против, я провожу вас на склад готовой продукции.

Б а с я н я. С вами куда угодно. (Кланяется. Басяня уходит с Мими на склад.)

К у з я. Баф...гаф...ррр

Ч и р и к (обращаясь к Щепке). Профессор желает быстрее приступить к осмотру, Эмма Владимировна.

(Игнатий Григорьевич остановился и разговаривает с Праханей.)

Щ е п к а (направляется к входу в мастерскую. С ней идёт Чирик и профессор Брехалов). Производство у нас там. (Показывает на дверь мастерской. Громко зовёт мужа.) Игнатий Григорьевич! Вы не с нами!? (Обращается к Чирику). Чего это мой муж и господин Глинолепов там остановились? просто неудобно. Мой муж и ваш господин Глинолепов - их просто не растащить!

Ч и р и к. Господин Шишкарёв и господин Глинолепов управленцы, им есть о чём поговорить, не будем им мешать.

Щ е п к а (в сторону). Мой муж не ошибся... всё таки управленец... Так, так. Делегация то многопрофильная. Не думаю, что господин Глинолепов прикатил сюда просто так, за казённый счёт. В этом что-то есть. Потом, мы о нём совершенно ничего не знаем, кроме имени. Даже болтливый Чирикадзе ничего не сказал... странно. Моё женское чутьё говорит мне, что здесь скрыт большой секрет. (Обращается к Чирикадзе.) Я вам покажу мастерскую сама,... их, как видно, не дождёшься.

Ч и р и к. Вы не беспокойтесь, мы посещали десятки производств и потому прекрасно ориентируемся. Дело в том, что господин профессор любит осматривать всё в одиночестве, ему на ум в это вре-

мя приходят вкусные... пардон... (поправляется) светлые мысли.

Щ е п к а (удивлённо). Раз так, то не буду вам мешать, у нас секретов нет, пойду, позабочусь о столе. (Про себя). Вкусные мысли, значит. Проговорился переводчик. Вкусненькое все любят.

К у з я. Гаф...Гаф!! (Ловко облизывает руку Щепке. Щепка в недоумении делает шаг назад.)

Ч и р и к (Щепке). Простите... вы немного ступевались... Так господин Рычалов выражает вам свою признательность. Дело в том, что не целование, а лизание рук у дам принято сейчас в высших кругах мировой элиты. В знак особой признательности люди его уровня не целуют руку, а облизывают её и чем дольше облизывают, тем больше их признательность.

Щ е п к а. Что? Даже до плеча? (смотрит на свою руку).

Ч и р и к. Облизывание до плеча, это мечта каждой цивилизованной дамы.

Щ е п к а. Как это мило... Я потрясена.... Вот что значит Европа. (Медленно проговаривая.) Не буду мешать... (Про себя.) Надо бы одеть перчатки, чтобы дух высших отношений подольше сохранился на моей руке.

Сцена восьмая.

Кузя, Чирик, Васса и Юля в мастерской.

В а с с а. Слышала, вчера соседи говорили, что в город делегация иностранная приезжает. То ли уже

приехала, то ли едет... не разобрала, а уточнять не стала, не по мою же они душу едут...

Ю л я. А вдруг и по твою? Представь: Басяня стал важным человеком и к его матери приезжают корреспонденты, киношники с тобой познакомиться, хотят про Басянькино детство расспросить...

В а с с а. Ой! Ну, ты и придумаешь! (Машет рукой.) Чтоб важным стать, нужно образование, а на образование опять же деньги нужны. (Входит Гриша.)

Г р и ш а (направляется к Юле с Вассой). Так лепильщицы – красильщицы... держитесь... (Юля и Васса, бросив работать, слушают.) К вам идёт делегация (кивает на дверь, работницы удивляются). Точно... точно... чего так смотрите? Их там во дворе встретил Шишкарь с Щепкой. С ними переводчик. Среди них есть профессор, по-иностранному говорит, как лает, а переводчик эту брехню переводит. Я как услышал – сразу к вам, предупредить. Профессор этот народной игрушкой занимается, видно материал собирает.

Ю л я (недоверчиво). Тётя Васса, это Гриша нас разыгрывает... Разыгрываешь ведь?

Г р и ш а (садится рядом, отворачивается). Надо больно... Сдались они мне. И потом - они что, за меня глину в кадучке мять будут что-ли?

Ю л я. А может и будут... Шишкарь первый, за ним Щепка, а там уж и члены делегации потянуться, брюки закатают, юбки подберут (показывает) и топ... топ... просто представление. (Смеются.)

В а с с а (подозрительно). Если хозяйева устроили такое посещение – значит навар чуют. Просто так они с муженьком ничего не делают.

Г р и ш а. Да, забыл сказать... среди членов делегации есть датский принц, вот так-то!!

В а с с а (смеётся). С этого надо было и начинать. Теперь всё понятно, что за суета.

Ю л я. Стоп. Действительно идут. Бутерброд в сторону, прячь Васса семечки. (Накрывает газеткой бутерброд, Васса высыпает в карман из кулёка семечки, Гриша торопливо уходит.)

В а с с а. Пропал перерыв, не полежишь и даже семечек не погрызёшь. Времени им другого не нашлось. (Кузя и Чирик входят в дверь, и, осматривая мастерскую, неторопясь идут в направлении работниц. Раздаётся громкое кошачье мяуканье.)

К у з я (рвётся в направлении мяуканья, Чирик его удерживает). Гаф... баф... гаф... гафф. Р-р-р... Баф. (Подходят к работницам.)

Ч и р и к (Васе и Юле). Здравствуйте уважаемые. Мы рады увидеть, как делается игрушка? Профессор в восторге от ваших приспособлений, кадушек, вёдер, это говорит настоящий музей древности. Особенно ему понравилась вон та игрушка. (Показывает на стеллаж с простяшками.)

Ю л я. Здравствуйте. Мы эту игрушку вам, господин профессор, достанем. (Тянется за простяшкой. В сторону стеллажа поворачивается и Васса.) Сейчас, сейчас... это не трудно.

К у з я (принюхавшись, мгновенно достаёт из под газеты Юлин бутерброд и съедает). Гаф...гаф...гаф!

Ч и р и к (больно тычет Кузе в бок кулаком, тихо говорит). С тобой со стыда сгорись... (Громко Юле.) Профессор говорит, что его интересуется та игрушка, что левее. (Тихо и сердито Кузе.) Где я возьму этот бутерброд? Так бы и вмазал по очкам.

Ю л я (дотянувшись до игрушки). Вот и она, милая.

Ч и р и к (Юле). Поставьте игрушку на стол, пожалуйста.

К у з я. Баф... гаф... рбаф...

Ч и р и к. Профессор говорит «Вкус просто изумителен».

Ю л я. Мы рады, что вам понравилось. Васса её слепила со вкусом.

К у з я (Ходит и бавкает на прячущихся и мяукающих кошек, заглядывает под верстаки, лезет под них, преследуя кошек). Гаф... баф.... гаф.... баф...

В а с с а (недоумённо). Что он говорит? Я не пойму его намерений.

Ч и р и к. Его очень интересуется система сушки изделий и движение воздушного потока, начиная от пола. Прохождение воздушного потока под стеллажами и омывание изделий со стороны стены и окон. Это для науки очень важно. (Загораживает собой вылезший из под одежды виляющий собачий хвост.) Не могли бы вы достать и показать другие игрушки?

Ю л я. Сейчас достанем. (Выбирают с Вассой игрушку. Тем временем Чирик вытаскивает Кузю из под стеллажа за хвост и незаметно заправляет хвост в штаны.)

Ч и р и к. Что тут греха таить, великие учёные они немного ни как все. (Заглядывает в карман халата Вассы и клюёт семечки.)

Ю л я (занятая доставанием игрушек). Мы понимаем. У нас был такой самородок в мастерской. Потом в психушку увезли... а вещи какие делал... за-качаешься...

К у з я (лает на верхние стеллажи; кошки мяукают). Баф... баф... баф...

Ч и р и к. Профессор просит вас рассказать об игрушках, что стоят на верхних полках, как лепите? как раскрашиваете?

В а с с а. Лепим из жирной глины.

(Берёт в руки палочку и указывает на одну из игрушек на среднем стеллаже, при этом, у неё открывается карман с семечками. Чирик моментально начинает клевать семечки у Вассы в кармане.) Вот эту игрушку делаем раздельным способом.

Ч и р и к (про себя). Немножко неудобно. (Вас-се.) Пожалуйста, расскажите про игрушки стоящие на самых верхних стеллажах. (Васса поднимает руку выше, указывая на изделие, карман открывается больше и Чирик быстро клюёт в её кармане семечки.) Вот это другое дело, а то не подсунешься.

В а с с а (рассказывает). Если вас интересуют игрушки в красных шарфах, то они делались с под-

сушкой. Вот это место без подсушки деформируется, оно тоньше других. (Указывает пальцем.)

Ч и р и к (продолжая клевать). Думаю, что моя работа, то есть ваша, весьма сложная? Требует много смекалки, фантазии и смелости в решениях?

Ю л я. Что вы! Для нашей Вассы Юрьевны, это просто семечки...

Ч и р и к. Образно говоря, семечки Вассы Юрьевны очень клёвые! Очень...

Ю л я. Что клёвые, то клёвые.

В а с с а. Насчёт раскрашивания, у нас Юля специалист, она так щёчки размалёвывает, аж жаром пышут.

Ч и р и к. Да-да я сразу оценил – поджаристые.

Ю л я. Глиняная игрушка – соль земли русской, господин иностранец. На ней воспитывались сотни поколений, она душа народа.

Ч и р и к: Да, да... знаете... соль тоже в норме... просто для души. Вы верно сказали. (Заглядывает в карман к Вассе, но, клевать неудобно.) А нельзя ли показать те игрушки, что на самом верху?

В а с с а. Господин переводчик, выше полок нет...

Ч и р и к (заглядывая в карман). Да-да, там действительно уже ничего нет. Зрение, понимаете ли. (Чирик вытирает клюв платочком. Юля и Васса ставят на место снятые игрушки.)

К у з я (встаёт на четыре ноги). Баф... баф... баф. (Поднимает ногу, чтобы справить малую нужду на

стеллаж. Чирик незаметно бьёт его кулаком в бок, Кузя взвыл от боли).

Ч и р и к. Ты, что обалдел!?

К у з я. Вау-у-у-у!!!

Ч и р и к (работницам). Восторгается увиденным. (Кузе, тихо.) Ты что сдурел... (Бьёт по поднятой кузиной ноге. Работницам, улыбаясь.) Желает на стеллаж подняться, чтоб осмотреть и там систему вентиляции. Жаль, что у вас нет стремянки... (Кузе.) Нет, Кузьма, Кузьмич, нам пора, а то вы ещё упадёте, для науки это будет большая потеря. Кузьма Кузьмич, пойдёмте. До свидания, вы были очень любезны, спасибо. (Увлекает Кузю за собой к выходу.) (В зал.) Да иди ты, скотина.

В а с с а (Удивлённо). Что... что... он сказал? Понеслось, как «скотина» или «паутина»...

Ю л я. Он сказал профессору, что это ему не Палестина. Видно, там производства с нашими не сравнить? Да и паутины у нас тоже хватает.

В а с с а. А мне подумалось... Впрочем... профессор такой умница, а как дитя малое. Далась ему эти воздушные потоки при сушке. Пошли на задний дворик, а то так и будут шляться и расспрашивать, что да как?

Ю л я (недоумённо смотрит на то место, где лежал бутерброд). Съела и не заметила... Надо было два бутерброда взять, а то, как будто и не ела совсем.

В а с с а (шарит по карманам, заглядывает под стол). Семечки куда-то положила, убей не помню. Ну её – эту делегацию, совсем с ума свели. (Уходят.)

Сцена девятая.

Явление первое.

На склад готовой продукции входят Басяня и Мими.

М и м и (показывая на зубастиков и простяшек).
Это и есть наши изделия.

Б а с я н я (осматривая стеллажи). Великолепный игрушка, госпожа Мими. Думаю, что все они сделаны не без вашего участия?

М и м и (игриво). Вы угадали...

Б а с я н я. Вижу интересный типаж. (В зал.) Сейчас я вам устрою зубоскалики. (Подходит к зубастiku и незаметно и больно тычет ему в нос пальцем.) Ну как, фикса держиться? Молодца, молодца.

З у б а с т и к (про себя). Голос как у Басяньки. (Громко.) А чего тебе моя фикса не нравится? И не тычте мне пальцем в нос. (Неожиданно Зубатик кусает Басяню за палец, тот вскрикивает и притворно падает в обморок).

М и м и. Ах! ты негодяй, мерзавец, зубастик несчастный, да как ты смел самого принца за палец, да я вас... (хватает колотушку и начинает бить Зубастиков, они падают на пол, фиксатик спасается под стеллажом. На шум прибегают Щепка и Шишкарь.)

Мама! Эти мерзавцы укусили принца! (Разбившихся зубастиков выносят, другие зубастики прячутся за простяшек.)

Щ е п к а. На размочку, паршивцев!
(На шум прибегает Юля и Васса.)

Ш и ш к а р ь. Помогите принцу. Кто слепил злого зубастика?!

В а с с а. Сами же говорили, что, чем злее – тем лучше.

Ш и ш к а р ь (машет рукой, раздражённо). Прекратите их лепить, больше чтоб ни одного экземпляра.

Ю л я. Наконец то. (Брызгает на принца водой.)

Б а с я н я (приходит в сознание, около него хлопочет Мими). Злой игрушка... (Пытается встать, ему помогают, бинтуют палец.) Такой производство нас совсем не интересовать. (Трясёт поверх головы забинтованным пальцем.) Отсюда надо уходить, нас просто этот игрушка съедят.

М и м и (раздасадованно). Не обижайтесь, мне так жаль, я готова заплакать... (Прикладывает к глазам платочек.)

Б а с я н я. Не надо дорогая, я понимаю, я тоже был неосторожен... Что у вас, дорогая Мими, есть своё, традиционное. Это всегда ценится. (Юля показывает Деда Мороза в тулупе, которого Щепка задвинула в угол.) О! это шедевр. (Улыбается.) Это колоссально! Это колорит, широкая русская душа, как этот большой шуба! Европейские Санты Клаусы не идут ни в какое сравнение. Мы это приветствуем, браво. Я смотрю, ваша фирма может многое. Зубастики, это просто слепки с западных форм... (Отклеивается ус, пытается его приклеить).

Щ е п к а (повысив голос). Не будем мешать принцу и дочери... всё в порядке... ничего страшно-

го. (Шишкарь и Щепка уходят. За ними идут Васса и Юля.)

Ю л я (Вассе, тихо). У этого модника усы накладные, как воробьиные пёрышки. (Хихикает.)

В а с с а. Одно слово – Европа. Пошли отсюда, глаза б на них не смотрели. Единственная от делегации польза, что этих мерзавчиков лепить не будем. Вовремя они принца за палец цапнули. Есть бог на белом свете. (Уходят.)

Явление второе.

Мими и Басяня.

М и м и (когда все ушли). Вы неплохо изъясняетесь по-русски, господин де Вассан.

Б а с я н я. Бизнес заставляет знать язык, иначе плохо торговля. Как это говорят в России «обойдут палец».

М и м и (поправляет). Обведут вокруг пальца...

Б а с я н я. О, да... обведут... обведут. Ещё как обведут! Ярмарка в Германия – это прежде всего большая торговля и крупные сделка. А вы Мими прелестная девушка. Не ждал, что в Россия, в глубинка, можно встречать такой изюминка...

М и м и (застенчиво). А вы городской житель?

Б а с я н я. Я есть не город и не деревня. Я иметь собственный замок в Дания.

М и м и (восклицает). Настоящий?!

Б а с я н я. Конечно настоящий. Я вас приглашай в Дания, чтоб убедиться, что он не игрушечный...

М и м и (восторженно). Я готова ехать хоть сейчас! У вас есть дома собственная машина?

Б а с я н я. Есть, конечно, для деловых поездок, а так, датчане предпочитают передвигаться на велосипедах. Вы тут ходить пешком, а мы на велосипед. Это удобно, быстро и не устаёшь.

М и м и. Господин Басан де Вассан? Вы устали уже ходить пешком, досадно.

Б а с я н я. Не надо мне «вы». Зовите меня просто Басан. От такая хороший девушка мне это будет приятно, вы мне очень симпатичка.

М и м и. Вы хотели сказать «симпатичная».

Б а с я н я. О, да, да. Вы мне очень понравилась... Я желать увезти вас Дания... Я бы хотел... ваша рука...

М и м и. Вы меня приглашаете в Данию?

Б а с я н я. О! да..да. Только мне плохо выразиться... Сейчас ехать в Дания не получится, милая Мими, мы ещё не составили контракт с фирмой вашего отца. Вы, надеюсь, нам в этом помогай... А потом Дания. (Жестикулирует.)

М и м и (торопливо). Конечно, помогай. Конечно, мой дорогой принц, помогай. Всё что угодно помогай! (В зал, восторженно.) Он сознался, что любит меня. Это хорошо, значит, сделает всё чего я не попрошу. Однако, зачем мне забивать голову производством игрушек, когда ещё не поставлена точка в моём личном вопросе. Думаю, надо научить принца говорить по-русски без акцента. Стоп. А зачем мне это? Я же ведь собираюсь, выйдя за него замуж,

чтобы жить в Европе. Лучше я выучу датский язык и стану настоящей датчанкой. Если я перееду жить в Данию – мукомолихина дочка от зависти лопнет. Да она лопнет, как только увидит костюм принца на мне. Надо это дело провернуть и немедленно.

Б а с я н я. Вы о чём-то думать мой прекрасная Мими? Скажите, если можно?

М и м и. На вас очень интересный костюм господин принц. Это писк европейской моды? Не так ли?

Б а с я н я. О! Да, работа лучшего закройщик в Париж. Вы тоже желаете шить такой?

М и м и (в восторге). Я была бы счастлива. А вы не могли бы мне его одолжить ненадолго прямо сейчас, чтобы показать подружке?

Б а с я н я. Мне не жалко. Я его вам дарю, милая Мими, в знак нашего взаимопонимания. Рассчитываю на большее. Только мне надо что-то взамен одеть, не буду же я ходить одна сорочка?

М и м и. Лучший костюм нашего города вас устроит? Правда, обмен всё равно не равный.

Б а с я н я. Договорились, считайте, что этот шедевр ваш.

(Поднимает лацканы изодранного пиджачишки и поворачивается кругом. Снимает, отдаёт пиджак Мими, та его одевает и рассматривает себя в маленькое зеркальце, восторгается.)

М и м и. Прикольно. В городе ни у кого такого нет. (Задумывается.) Чего же мне подарить вам, дорогой принц? (Про себя.) Я догадалась! Он говорил

о велосипедных традициях – это выход. Правда, никакой велосипед не стоит такого моднячего пиджака. (Звонит по мобильному телефону.) Папа! Папа! Позвони в супермаркет, пусть доставят нам лучший многоскоростной велосипед, какой у них там есть и костюм для принца. Он мне свой подарил, я должна подарить что-то ему в ответ, ему просто теперь не в чем ходить. (Обращается к принцу.) Принц! Ты просто прелесть, ты душечка. Я этот костюм не хочу даже снимать. (Капризно.) Можно я его не буду снимать?

Б а с я н я. Он ваш, дорогая.

М и м и. Вы тут посмотрите принц игрушки, а мне не терпится взглянуть в большое зеркало. Я скоро вернусь. (Мими убегает.)

Явление третье.

В мастерскую к Басяне входят Праханя и Чирик.

Б а с я н я. Она готова. То есть, Мими согласна.

П р а х а н я. К чему готова? Замуж за тебя выйти или готова помочь решить наши вопросы? Ты, пожалуйста, не путай кислое с пресным. А то вон уже глаза светятся. Уже смотрю, вошёл в роль датского принца. Давайте не забывать о главном.

Б а с я н я. Ты меня не дослушал – Мими готова содействовать в подписании любого договора лишь бы стать невестой датского принца.

П р а х а н я. Вот это другое дело. Молодец! (В знак солидарности хлопают друг с другом ладонями рука об руку.)

Ч и р и к (недовольно). А я что, я так и должен ходить за Кузей и переводить его дурацкое рычание на русский язык? (Импровезирует.) «Простите господа, Кузьма Кузьмич сказал, что эта игрушка прелесть, а тут он бавкнул потому, что в восторге от вашей лисички» А на самом деле он был в восторге не от игрушки, а от того, что его нос учуял Юлин бутерброд с яйцом, который он незаметно и слопал, как только все отвернулись. А вот, когда он взвыл от пинка, я это перевёл как особый восторг от увиденного, а на самом деле наш «профессор» поднял ногу около стеллажной стойки, для того чтобы справить свою собачью малую нужду. Я уж молчу о том, что в мастерской штук пять кошек, которые иногда мяукают, а наш зубатый доктор наук проявляет к ним большой интерес и лезет за ними то на стеллажи, то под стеллажи. Пришлось сказать, что его интересует система сушки и вентиляции.

П р а х а н я (с досадой). Вот этих собачьих привычек мы не учли, а должны были учесть, а мы обрадовались, что он у нас на задних лапах ходит, да голос подаёт. Что там ещё входит в собачьи привычки?

Ч и р и к. Мы, кажется, их уже исчерпали. Да... последнее, что отмочил Кузя – стал лизать руки Щепке, она была очень удивлена, что он лижет ей руки, а не целует. Я тут же сказал, что в Европе так

принято только в высших кругах. Осталась довольная, так сказать приобщила к высшему обществу и его манерам.

П р а х а н я. Видите, какая-то польза хоть от одной привычки. (Улыбается.)

Ч и р и к. Улыбаешься!.. А каково было в это время мне! (Сердито.) У, меня чуть перья из хвоста не повылазили, глядя на такое.

Б а с я н я. И где же Кузя сейчас? (Оглядывается.) Как ты мог его оставить одного?

Ч и р и к. Не беспокойтесь. Мне пришлось сказать, что профессор хочет в туалет, где я и запер его в одной из кабинок.

П р а х а н я. Всё ясно, молодец. Только ты всё о Кузе, а с твоей стороны никакие воробьиные привычки не проявились? Давай, колись.

Ч и р и к. (смутившись). Клянусь воробьиной стаей, не утерпел.

Б а с я н я. Чего не утерпел?

Ч и р и к. Пока Кузя лаял около Юли, я у неё склевал в кармане подсолнуховые семечки.

П р а х а н я (шутя замахивается на Чирика). Так бы в лоб твой воробьиный и вlepил щелбан.

Ч и р и к. Она даже ничего и не заметила. И потом, почему ты ругаешь только меня, Басяне вон целый велосипед подарили пятискоростной с костюмом и ничего, а тут полстакана семечек склевал и уже «караул!» – Чирик - преступник!

Б а с я н я. Костюм не считается! он на обмен, должен же я в чём-то ходить, а велосипед – не я же инициатор.

Ч и р и к (с издёвкой). Конечно... не инициатор!... на велосипед он просто прозрачно намекнул и всё. Скажешь не так? (Передразнивает Басюню.) «Милая Мими, у нас в Дании принято передвигаться на велосипедах». Или что-нибудь в этом роде.

Б а с я н я (сумрачно). От них не убудет. И потом это не семечки в кармане потихоньку склевать и не бутерброт тайком слопать, а подарок, вот так...

П р а х а н я (рассерженно). Всё! Хватит! Больше никакой самодеятельности! Ты, Басяня, смотри на велосипеде, как мальчишка не вздумай по улицам кататься... Теперь о дальнейших действиях: Будем считать, что Мими в наших руках, Кузю надо устроить получше, негоже профессору в туалете торчать. Ты, Басяня, об этом позаботься. (Басяня кивнул.) Теперь наша главная задача – убедить Щепку и её мужа в плачевном состоянии производства и что их фабрика не выдержит надвигающегося кризиса, что необходимо привлечь к управлению более опытного менеджера. Это очень важно.

Ч и р и к. Как я понимаю, этим опытным менеджером должен стать ты, Праха.

П р а х а н я. Именно так. Убеждайте, сыпьте комплименты, придумывайте что хотите, но чтобы так было. Главный аргумент против шишкаря, это мягкотелость, непринятие современных технологий, незнание экономики...

Б а с я н я. Ты, Праха, действительно гений кризисного управления, а я и не знал. По крайней мере таким выглядишь.

П р а х а н я. Отставить комплименты ...Мы кризисные моменты сами себе, как я вижу, отлично создаём, а потом выкручиваемся как можем. (Приказным тоном.) Всё... Расходимся и быстро, чтоб чего не заподозрили.

(Праханя и Чирик уходят, Басяня остаётся.)

Явление четвёртое.

На склад готовой продукции входит Мими.

М и м и. А вот и я. Видела, что отсюда вышли члены делегации. Какое впечатление? Что говорят?

Б а с я н я. Об этом расскажу потом, а сейчас Мими, профессор осмотрел производство и ему нужна небольшая комнатка, где бы он мог закрыться и сделать научные записи. Он просто обескуражен и делает записи в туалете на окне.

М и м и (удивлённо). В туалете на окне?! Этого нельзя допустить! (Даёт Басяне ключ.) Моя комната в его распоряжении, профессора в ней никто не тревожит.

Б а с я н я. Я вас на минутку оставлю, только провожу профессора в вашу комнату.

М и м и. Хорошо... хорошо. Я подожду.

Б а с я н я уходит.

М и м и (мечтательно). У нас, кажется, с принцем всё тип-топ. Он на крючке и уже никуда не сорвётся, главное не переиграть с чувствами, особенно когда их нет. Ничего, в замке можно и без особых чувств друг к другу прожить. Думаю, что высокие стены замка на берегу океана стимулируют ощущения и сделают мизерные чувства к этому карлику тоже высокими. Не зря же все эти принцы, замки, рыцари пришли к нам оттуда.

Явление пятое.

Кузя и Басяня.

Б а с я н я (Басяня заходит в туалет и видит, что Кузя размотал и изорвал рулон туалетной бумаги и так запутался в ней, что не может пошевелить лапами.)

Кошмар... Хорошо, что я зашёл. Ох, и влипнем мы с тобой, Кузя..., будешь теперь находится в комнате хозяйской дочки. И чтоб у меня там не выл и не лаял. (Басяня разматывает Кузю, приводит в надлежащий вид и уводит из туалета.)

Явление шестое.

Мими и Басяня.

М и м и. Ну и что профессор? Как он там?

Б а с я н я. Господин Рычалову не хватило бумаги и он исписал всю туалетную.

М и м и. Пустяки. Только, как-то неудобно – профессор и на туалетной бумаге пишет.

Б а с я н я. Спасибо за заботу о профессоре, милая (целует её в щёку), а ваши простяшки действительно прелесть, но организация производства по словам нашего Глиняного Топа налажена из рук вон плохо. Мастерская хоть и имеет некоторую прибыль, но как сказал Глиняный Топ...

М и м и. Не поняла... кто? Кто?

Б а с я н я. Глиняный Топ – это в деловых кругах псевдоним Прохора Игнатьевича Глинолепова..

М и м и. Интересно. Так, что сказал ваш Глиняный Топ?

Б а с я н я. Он сказал, что налицо мыльный пузырь экономики в игрушечном производстве. То есть, сегодня пока густо, а завтра будет пусто. Грядёт кризис. Это как пить дать.

М и м и (с горечью). Вы меня пугаете. Стоит ли верить одному человеку, хоть он и ваш друг. Возможна ошибка.... Кто он такой этот Топ?

Б а с я н я. Он специалист по управлению высочайшей квалификации. Так вот, согласно его подсчётам, сегодняшняя прибыль – мыльный пузырь или всё это называется просто – «финансовая пирамида».

М и м и. Пирамида!?! Это так страшно... Я что-то о финансовых пирамидах слышала.

Б а с я н я. Да, да, милая. Ничего хорошего в них нет.

М и м и. Что?.. и никаких шансов?

Б а с я н я. Шансы есть, но вашему отцу с этим не справиться, он просто далёк от этих ползучих тайных финансовых схем и теневых банковских операций.

М и м и (взволнованно). Вы меня пугаете, Басан. Что, всё безнадежно, да?

Б а с я н я. Вы не пугайтесь. Просто нужно, чтоб этим делом временно занялся компетентный человек, чтоб разрулил ситуацию, вот и всё. Этот компетентный управленец и есть антикризисный менеджер. На западе это обычное дело. Это всё равно, как врач приходит к больному, сажает его на диету и приписывает лекарства, конечно последние не все сладкие, возможно и хирургическое вмешательство. Вот и всё. Производство налаживается, доктор уходит.

М и м и. У нас в городе никто в этом ничего не понимает, конечно мы об этом читали, слышали, но чтоб самим... А вот ваш, кого вы назвали Глиняный Топ с этим справится?

Б а с я н я. Что, справится – никаких слов. Его ранг в разы выше ранга обычного антикризисного менеджера. Только – согласится ли? Зачем ему всё это? Мы его еле уговорили с нами поехать. А тут!.. Нет... не согласится.

М и м и. Дорогой, сделайте ради меня... упрости-те. (Прижимает руки к груди.)

Б а с я н я. Если только ради вас. Я попрошу Прохора Игнатьевича.... Сердечко моё, ну поцелуй. (Тянется.)

М и м и. Только разочек.

(Звонок мобильного, Мими слушает.)

Ну вот, из супермаркета доставили костюм и велосипед. (Вносят костюм и вводят велосипед). Одевайте скорее костюм, а то к нам идут. (Басяня ходит и осматривает велосипед.)

М и м и. Вы, как мальчишка, к этому велосипеду прилипли... Я же говорю... «к нам идут!».

Б а с я н я. Да, да. Я, пожалуй, оденусь и пойду, надо же и отбором игрушек заниматься. (Берёт костюм, уходит).

Явление седьмое.

Входят Щепка и Шишкарь.

М и м и. Папа посмотри, какой на мне клёвый пиджак. (Поворачивается перед отцом в изодранном баянином пиджачишке. Отец морщится, зовёт жену.)

Щ и ш к а р ь (через губу). Иди, Эммушка, познакомься с новой модой и полюбуйся на нашу дурочку.

М и м и. Мама, мама! Мы с господином принцем всё решили. Мы всё, всё решили...

Щ е п к а (отводит дочь в сторону). Рассказывай, только быстро. Он что, берёт тебя замуж?

М и м и. Он меня почти посватал, только не знает языка и не может выразится, как надо. Он обещает меня взять в Данию.

Щ е п к а. В этом я ему, дочка, помогу, не переживай. Он у меня так выразится и такие слова найдёт, что их и в энциклопедическом словаре русского языка днём с огнём не сыщешь! Он тебе своё предложение не только на русском, но и на древнекитайском сделает, в этом будь уверена.

М и м и. Он говорит, что рад помочь нашей фирме из-за любви ко мне.

Ш и ш к а р ь (раздражённо). Да брось ты вертеться в этом дранье! Говори толком, что он тебе говорил? Почему «помочь»? Разве наша фабрика нуждается в помощи?! (Трясёт Мими за плечи.)

М и м и (обиженно). И не надо меня вот так трясти. Если вы ничего не понимаете в моде, это не значит, что я дура. Тем паче, что вы тоже не совсем разбираетесь в современных экономических технологиях, но, я же не говорю, что вы глупые люди.

Ш и ш к а р ь (разводит руками). Вот и поговори с современной молодёжью и что у них в головах?

Щ е п к а (обращается к Мими). Ну не обижайся, ягодка моя..., папа нервничает. Давай рассказывай. Чего узнала?..

М и м и (всхлипывая от обиды). Они говорят, что в игрушечном производстве грядёт страшный кризис. Наша мастерская первая развалится. Чтобы не допустить до этого, нужны решительные меры. Бассан де Вассан говорит, что без антикризисного

менеджера не выбратся. Для этого нужен на время новый директор нашей фабрики.

Ш и ш к а р ь (недоумённо). Почему? Пусть подскажут что делать... Мы и сами справимся...

М и м и. Обычные директора, как ты пап, не знают тайных банковских схем и движения ползучих финансовых потоков. Вы не можете, что-либо сделать. Нужно вести тайные переговоры за закрытыми дверями. Ты это можешь? Нет, не можешь.

Ш и ш к а р ь. Это она правду говорит, Эммушка. Чёрт возьми... я действительно в этом не силён. (Пауза. У Шишкаря трясутся руки.) Значит, без моей временной замены никак не обойтись? Так-то оно так, только не умыкнут ли хваткие людишки мастерскую? Опасно.

Щ е п к а. Опасно, если будем сидеть сложа руки. Ты вот сам, ведь не сидел сложа руки – мастерскую прихватизировал, не будешь сейчас действовать – потеряешь нажитое. Новые людишки подросли и не хуже тебя наблюдательные. Тебе почти даром в рот свалилось, а новые, под собой землю роют, да приглядываются.

Ш и ш к а р ь. Ты, Эммушка, как всегда права. Я сейчас пойду. (Волнуется, одевает пиджак задом наперёд, ему помогают одеться дочь и жена.) Галстук не надо, он меня быстрее кризиса удушит. Надо бы ещё кого поспросить...

Щ е п к а. А вон Чирик Чирикадзе идёт, его и спросим, может быть чего и побольше узнаем?

Ш и ш к а р ь. Вот... вот, Эммушка... поговори. У тебя это лучше получится. А я, пожалуй, пойду прилягу, что-то занемог, нервы наверное... Весть... весть-то какая!.. батюшки мои... (Обхватывает голову руками, уходит.)

Щ е п к а (про себя). Доуправлялся. Ладно, я сама поговорю с переводчиком. Чирик Чирикадзе хоть и плут, но умный плут, надо прощупать почву и принять решение. (Подходит Чирик.)

Явление восьмое.

Чирик и Щепка.

Ч и р и к. Я к вашим услугам (Тише и без улыбки.) Как я понимаю, до вас дошли слухи о мнении Прохора Игнатьевича?

Щ е п к а (немного нервно, пытается улыбаться, но не получается). Мы с вами доверяем друг другу... не правда ли? (Чирик кивает.) Скажите насколько это серьезно?

Ч и р и к. Откровенность за откровенность, дорогая Эмма Владимировна. Если бы с нами не было господина Глинолепова, то разговаривать на эту тему не имело бы никакого смысла.

Щ е п к а (удивлённо). Даже так!? Почему?

Ч и р и к. Потому, что из нас он единственный, кто в этом деле разбирается, Глиняным Топом просто так не называют.

Щ е п к а (раздасадованно). Я так и знала, что наше благодушество до чего-нибудь да доведёт... Скажите, нам точно: нужен нам другой директор и если нужен, то как скоро?

Ч и р и к. Ещё вчера.

Щ е п к а. Правда, что господин Глинолепов..., то есть, Глиняный Топ...

Ч и р и к (перебивая). Совершенно верно, только он и никто другой.

Щ е п к а. Прошу меня понять...

Ч и р и к (не давая договорить). Только для вас, Эмма Владимировна. Другим бы под пытками не сказал. (Берёт её под локоть и говорит заговорщицким тоном.) Всех первоклассных управленцев называют топ-менеджерами, его называют – Глиняный Топ, почему?

Щ е п к а (удивлённо). Я слышала. Почему? Не понимаю...

Ч и р и к. Вот, генералов в армии много, а генералиссимус один, например Суворов. Слышали?

Щ е п к а. Да-да, конечно...

Ч и р и к. Вот и Глиняный Топ, тоже генералиссимус, только в управлении производством. Ему или раздавить конкурента или поднять упавшее предприятие – раз плюнуть. Это всё равно, что мне семечку склевать.

Щ е п к а (волнуется). На примере, как-то понятнее... будет. Я в этих делах не совсем...

Ч и р и к. Мне не пришлось бы вам объяснять, если бы вы заглядывали в специальную литературу

по управлению производствами и, особенно в те разделы, в которых говорится о высших экономических знаниях.

Щ е п к а. Всё так запутано. (Хватается за голову.)

Ч и р и к. Да-да... понимаю... Возьмите любую недельной давности газету «Рога и Копыта» например.

Щ е п к а. Что-то вроде слышала про такую...

Ч и р и к. Да вы не волнуйтесь... Эта газета, или другая какая... никакой разницы. Эзоповский язык в них одинаков. Так вот в этой газетке пишется, кого поднять на рога, а кого затоптать копытами, только завуалировано.

Щ е п к а. Неужели. А нас то куда отнесли? В общем, какая разница, что на рога поднимут, что копытами затопчут.

Ч и р и к. Бросьте свои фантазии. Не всё так плачевно. В каждой, я уверяю вас, в каждой газетке прочтёте «Глиняный Топ сказал», «Глиняный Топ посетил», «Глиняного Тоба» с почестями встретила королевская чета». (Перешёл на шёпот). Эта личность очень влиятельная и особо приближённая к крупным европейским банкам, он является членом совета директоров и главным Топом в европейской бизнес-каолиции. Его слово дорогого стоит. За один его совет миллионы долларов дают... Миллионы, Эмма Владимировна..., Даже то, что он здесь... это дорогого стоит.

Щ е п к а (изумлённо). За один совет...! миллионы...! Я бы и рада прочитать эти «Рога с копытами», только я этого иностранного, как его там, эзоповского языка не знаю, а учить поздно! А тут, такой человек, за совет... миллионы... (Всплёскивает руками.)

Ч и р и к (спокойно и непринуждённо). Не надо изумляться, это мелочи... (Пауза.)

Щ е п к а. (удивлённо) Это вы называете «мелочами»!?

Ч и р и к. Вам, Эмма Владимировна, могу сказать больше, так сказать по секрету.

Щ е п к а (решительно). Во мне, как в могиле...

Ч и р и к (доверительно). Прохор Игнатьевич Глинолепов – не только гигант европейского бизнеса. Это лучший Топ Антарктиды и Северного полюса – все у его ног. (Показывает на свои ноги.)

Щ е п к а (Вслед за движением руки Чирика падает перед ним на колени.) Ах! Дорогой... вы наш спаситель...

Ч и р и к (в полголоса). Это преждевременно. Будем считать это репетицией. Это же вы повторите перед ним самим.

Щ е п к а. Да-да. (Встаёт.) А при чём здесь Антарктида и Северный полюс? Там одни пингвины и белые медведи?

Ч и р и к (тихо). Говорю это только для вас мадам, как будущей родственнице нашего принца, он от вашей дочери без ума, то есть, я вам доверяю. (Заговорщицки осматривается). Вы слышали что-

нибудь о несметных залежах нефти и газа в северных морских широтах.

Щ е п к а. О, да, конечно. Что-то такое...

Ч и р и к. Так вот: пока страны спорят, чьи эти газ и нефть, Глинолепов уже ведёт туда свои турбопроводы.

Щ е п к а (удивлённо). По дну Северного ледовитого океана? Такого не может быть, я же смотрю новости. Из-за одного Балтийского моря столько крика,.. комиссии, экологи...? А там обычный газопровод по дну...

Ч и р и к (скептически улыбаясь). Вы недооцениваете Глинолепова мадам – трубы идут не по дну, а под дном Северного ледовитого океана. (Показывает пальцами, что трубы идут).

Щ е п к а (удивлённо). Прокапать дно, уложить трубы и всё тихо. Разве это возможно?

Ч и р и к. Я же вам сказал не турбопроводы, а *турбопроводы*... турбо..., понятно? Для женщины объясняю: (Говорит таинственно, показывает всё на пальцах.) Представьте себе шахту на берегу океана, в которой установлен механизм, который вкручивает уже сваренный трубопровод в землю, как длинное сверло на сотни и даже тысячи километров. Вы поняли? Наивысшие технологии...(Поднимает палец в верх. Шепка заморожено смотрит на его палец).

Щ е п к а (удивлённо и даже испуганно дрожащим голосом). Да-да, почти... не совсем только в голове укладывается? Вот здесь укладывается (показывает на висок), а вот здесь (показывает на темечко) нет...

Ч и р и к (вступив в последнюю фазу фантазирования). Достигнув нужной точки сверло-труба, согласно секретной, зашифрованной программы, меняет направление (показывает) и идёт вниз благополучно достигая газоносного слоя... и тишина. (Длинная пауза). Мировая закулиса спорит, а нефть и газ уже благополучно текут туда, куда надо. Теперь, то вы осознаёте, что это за фигура – Глинолепов? Ваша мастерская, то есть фабрика, от одного его прикосновения станет вне конкуренции. Ему сделать предприятие прибыльным всё равно, что для меня стакан семечек склевать (дёргает головой).

Щ е п к а (загипнотизированная словами и интонацией Чирика, тоже дёргает головой). Я поняла. (Трепетно.) Я всё поняла. Спасибо, Чирик Чирикадзе, за доверие. (Жмёт и трясёт его руку.)

Ч и р и к. Я, думаю, вы сможете объяснить положение дел вашему мужу. Только о турбопроводе (проводит пальцем) ни одного слова, это не в ваших интересах.

Щ е п к а. Я всё понимаю, господин Чирик Чирикадзе. Не беспокойтесь, мой муж всё поймёт, как миленький. Кстати. Он что, американец, этот Глиняный Топ?

Ч и р и к. Что вы, он ваш соотечественник, из Саратова, но в Америке как и в Европе он нарасхват. Америка любит деловых людей.

Щ е п к а. Это здорово (мечтательно). Нам бы хотя бы на недельку такого управляющего, а то сладу нет: одни лепят, что им вздумается, другие объявляют перерыв, когда хотят, третьи вместо датского оборудования, хотят заполучить датского жениха, а четвёртый, аж говорить неловко, разбивает доро-

гостоящие игрушки. Подскажите дорогой, что делать мне, слабой женщине? (Сжимает ладонями руки на груди, трясёт ими.)

Ч и р и к. Не надо вот так эмоционально. Деньги делаются без эмоций. (Короткая пауза). Вы, Эмма Владимировна, сильная и теперь эрудированная женщина. Вы должны собрать деловое совещание. На котором объявите Прохора Игнатьевича временным директором и вы спасены. А я с ним поговорю. Мне он не откажет. Думаю, что это не продлится дольше недели, от силы – двух. Проводите совещание немедленно, каждая минута дорога. Идите же, идите, Эмма Владимировна. Теперь от вас зависит всё. Быть или не быть?

Щ е п к а (повторяет высокопарно). Да, да... «Быть или не быть». «Каждая минута дорога». (Щепка уходит, Чирик потирает от удовольствия руки).

Ч и р и к. Ещё бы не дорога, сгореть на чём либо – раз плюнуть: Или профессор гавкнет невпопад, или я... у кого семечки склюю...

Сцена десятая.

Щепка ходит взад и вперед по комнате, Шишкарёв лежит на диване, Мими крутится в Басянином пиджачишке перед зеркалом.

Щ е п к а (мужу). Только попробуй сказать мне «нет». Глинолепов – наш единственный шанс.

Ш и ш к а р ь (лёжа на диване с тряпкой на лбу). Чужого человека допустить к документации!.. Да он

там знаешь, что может откопать?.. А ты «единственный шанс». Откуда ты знаешь?..

Щ е п к а. Газеты надо читать. «Рога и копыта», например. А то кроме футбольного обозрения в руки ничего не берёшь. Оттого и голова как футбольный мяч стала – зашнурованная и пустая. А от имени «Глиняный Топ» все финансисты Европы трепещут. Да что там Европы..., даже Антар... (Прижимает ладонь ко рту, про себя.) Чуть не проговори-лась.

Ш и ш к а р ь. Как скажешь, Эммочка, так и будет. Договорились. Вот и ладненько (Облегчённо.) Хорошо, что решение приняли, а то одни переживания, что, да как?

Щ е п к а. Если б не Мими и Басан де Вассан, то неизвестно, что бы было?

М и м и (матери). Я так счастлива, что у нас с Басаном де Вассаном всё удачно складывается. Он мне вчера всё время говорил о прекрасной стране Дании, о своём родовом замке, о большой сыроварне. А ты сама знаешь, как я люблю сыр. (Рассуждает.) Нет, я непременно вас туда заберу. Хватит вам здесь с глиной возиться. Будете с папой тоже жить за границей с их зелёными лугами, прекрасными пейзажами. Я обязательно займусь живописью. Басан говорит, что с балконов открываются такие виды на море, что сам бы никогда с Дании не уезжал, если бы не бизнес. Потому, как он своей невесте (намекает на меня) хочет устроить заоблачную жизнь, какво, а?

Щ е п к а. А почему заоблачную? Разве на облаках живут?

М и м и. Что ты, мама, просто замки очень высокие, выше облаков, потому и заоблачная жизнь. И вообще там я сама буду себе выбирать жизнь: хочу заоблачную, а хочу и предоблачную, а захочу, так и на высоте птичьего полёта.

Щ е п к а. Вот и мы с отцом думаем только о тебе и стараемся, стараемся. Только бы этот их Глиняный Топ не обманул, и наша мастерская стала давать приличные доходы.

М и м и (улыбаясь). Мама, не Топ, а Прохор Игнатьевич. Глиняный Топ – это от той промышленной области, в которой он наиболее преуспел. Наподобии – граф Рымыникский Суворов. Взял крепость «Рымыник» и стал «Рымыникский», а тут преуспел в керамическом бизнесе и стал «Глиняный Топ».

Щ е п к а (про себя). Значит, скоро будет называться ещё «Ледовитым Топом» или «Антарктическим».

Ш и ш к а р ь (лежит с перевязанным лбом). Мы выражаемся, как для нас проще и понятнее. Топ, он и есть Топ. Как говорить – что потопаешь, то и полопаешь. Хе-хе-хе... А вообще, люди, я смотрю, хваткие, как и я в молодости. Их Чирикадзе всё юриспруденцию на зубок знает, так статьями и сыпет. Только ума не приложу, как он в этом профессорском гавканье разбирается?

Щ е п к а. На то он и переводчик. А профессор, такой важный, всё читает и думает, думает и читает. Только почему-то не снимает тёмных очков? А теперь и вообще на люди не выходит.

М и м и. Басан де Вассан говорит, что когда профессор видит мир в его настоящем цвете не через

серые очки – это разноцветье отвлекает и мешает ему думать, а вот когда он видит мир в серо-белых цветах у него обостряется чутьё, так как ничто его в этом мире не отвлекает и к нему приходят светлые мысли.

Ш и ш к а р ь. Я читал, что собаки всё видят в серо-белых тонах. Наверное у них и такой нюх тонкий. Пстой! Какое чутьё? Ты, о каком чутье говоришь?

Щ е п к а. Она хотела сказать «интуиция», правда, Мими? Вместо слова «интуиция», иногда говорят слово «чутьё», но подразумевают при этом совсем другое, а так можно подумать, что профессор – собака. Вздор. А вот кошки его действительно не долюбивают, я заметила. Он ходит по мастерской, а от него все кошки туда-сюда, туда-сюда, как очумелые.

М и м и. Ходить всё время, ради науки в тёмных очках и видеть мир в сером цвете, я бы на такое не решилась, это подвиг во имя человечества.

Ш и ш к а р ь. А он решился и стал светилом науки. Думаю, что всем учёным надо обязательно ходить в таких очках.

Щ е п к а. Я бы тебе, милый, тоже посоветовала ходить в таких же очках, хоть ты и не учёный, может быть и без Глинолепова бы обошлись и чутьё как у профессора появилось.

М и м и. Жаль, что с профессором поговорить без переводчика нельзя... Я вот со своим датчанином хоть как-то изъясняюсь. В общем-то, какая разница, вон Прохор Игнатьевич Глинолепов? – тоже слова не вытянешь, только ходит, всё считает, справочники листает, то ноутбук раскроет и всё считает,

да схемы рисует, с ума сойти. А как я подойду, то сразу ноутбук закрывает, секрет видно.

Ш и ш к а р ь (мечтательно). Сложилось бы всё удачно. Вот о чём думаю. (Вздыхает.) Нам другие фирмы даже завидовать будут, скажут, что мы их перехитрили. Говорят «каждое дело венец красит».

М и м и. Насчёт венца, вы папа правильно заметили, венец, он и есть венец.

Ш и ш к а р ь. У нас только полдела. До завтра доживём - увидим. И всё благодаря тебе, дочка, и твоему принцу. (Целует её в голову.)

М и м и (радостно). Стараюсь, папочка, о нём только о венце и думаю. (Про себя.) Да о подвенечном платье...

Сцена одиннадцатая.

Производственное совещание.

В комнате Шишкарь с женой, Басяня, Проханя, Чирик, Кузя, Мими и другие.

Ш и ш к а р ь. Я вынужден открыть совещание по известному всем делу. В нашем случае совещание должен вести не глава фирмы, то есть я, а третье лицо, которым, думаю, является Чирик Чирикадзе. Ему слово.

Ч и р и к (занимает место Шишкаря). Не будем друг перед другом скрывать. Положение дел на фабрике критическое. По предварительной согласованности пришли к мнению, что временно директором должен стать Прохор Игнатьевич Глинолепов. Давайте проголосуем и поставим вот в этой книге свои подписи. (Все голосуют и расписываются.) И

так, господин Глинолепов избран единогласно временным директором фабрики, давайте ему похлопаем. (Хлопают). Ему слово.

П р а х а н я. Хочу развеять остатки сомнений о введении или не введении временного антикризисного менеджера, а по старому – директора фабрики. Вопрос: Как вы считаете, если в Европе узнают, что на вашем производстве мнут глину ногами в бочке, какова будет реакция? Отвечаю – это конец репутации фирмы. Глину должна мять машина. (Обращается к Басяне.) Господин Басан де Вассан, скажите, как отнесутся к игрушке на европейской престижной ярмарке, если узнают, что работницы, сделавшие эту игрушку, получают только прожиточный минимум?

Б а с я н я. Рабочие должны получать приличная зарплата. Иначе это у нас истолковать, как рабский труд. Рабский труд в свободная страна не только покупай, но и смотреть не желай. Это нарушение европейская конвенция по правам человека.

Ч и р и к (с места). Думаю, что к этому нечего добавить.

Ш и ш к а р ь. Только надо внести обязательно в решение, что я и моя жена хотим стать хорошими, как это... гм. (Путается в слове «топ-менеджер» и наконец, произносит.) глинотопами.

Ч и р и к (улыбаясь). Это не вопрос Мы этому вас быстро научим. Топать будете прекрасно. Это мы обещаем...

Ш и р ш к а р ь. Только внесите это условие непременно в декларацию, чтоб всё было законно, а то в мире столько обманов.

Ч и р и к. Не беспокойтесь, *глинотопами*, значит *глинотопами* (записывает). Теперь прочитайте и поставьте подпись. (Подносит документы Шишкарю, тот расписывается)

Щ е п к а. И я тоже, и я...(Расписывается.)

П р а х а н я (за столом). Теперь, когда я стал директором, слушайте мой первый приказ. Пункт первый: Все должности в фирме упраздняются и вводятся новые, что поможет вывести фабрику из щекотливого финансового положения.

Ш и ш к а р ь (про себя). Думаю, что меня и моей семьи это не коснётся...

П р а х а н я (Шишкарю). Это касается буквально всех, согласно подписанных документов. (Поднимает вверх руку с бумагами.) Вы решили, Игнатий Григорьевич, стать с женой глинотопами, то есть мяльщиками глины, если перевести дословно. Мы вам осваивать эту профессию мешать не будем.

М и м и. Тихий ужас... Этак меня могут заставить и полы мыть. Что они там подписали!?

Щ е п к а. Что же мы подписали!?! (Хватается за голову.) Вот это сюрприз! (Мужу.) Ты, осёл безмозглый! Мог бы и сообразить, что «топменеджер» и «глинотоп» – это разные вещи.

Ш и ш к а р ь (жене). А кто кричал: «и я тоже, и я!».(Обращаясь к Прохане.) Мне-то, я думаю, найдётся какая-никакая должность?

К у з я. Гав-гав-гав-гав!!

Ч и р и к. Профессор говорит, что «каких-никаких» должностей не бывает, а все они создаются в целях целесообразности.

Щ е п к а. Обманщики! (Грозит пальцем.) Мы этого дела так не оставим...

П р а х а н я (не слушая, что говорит Щепка). Все деньги переводим в иностранную фирму и покупаем новейшее оборудование. А пока поступает оборудование, мы устанавливаем новый график работы. Так, бывший директор фирмы Шишкарёв Игнатий Григорийович переводится в глинотопы согласно собственного письменного заявления. (Обращается к Шишкарёву.) Займите своё рабочее место в глиномяльной бочке вместо Гриши.

Ш и ш к а р ь (изумлённо и сердито, с ухмылкой). Кто? Я-Я!!! У тебя что, управляющий, заворот мозгов?

Б а с я н я. Это целесообразно для фирмы, никто так глину лучше не промнёт, как бывший директор со своим многопудовым весом. Бригадиром к нему назначается Григорий, как имеющий большой опыт работы в этом деле.

Ш и ш к а р ь (недоумённо). Это первоапрельская шутка... Так я понимаю...

П р а х а н я. Сегодня не первое апреля. (Продолжает читать.) Главным дизайнером производства назначается Юля. Мими Шишкарёва переводится в работницы и становится ученицей мастера лепного дела.

Б а с я н я. на фабрике в кризисных ситуациях нужна взаимозаменяемость. У Мими особый вкус и она может создать на производстве интересные образцы игрушек.

М и м и (с подозрением.) Что-то здесь не так? Ладно, неделька не срок, потерплю ради дела.

П р а х а н я. Всеми уважаемая Эмма Владимировна переводится в помощники старшего глинотопа, то есть своего мужа. (Одобрительный гул.)

Зубастик первый (с полки). Ничего не понимаю.

Зубастик второй (*фиксатик*). А я, кажется начал смекать, что к чему. Надо Мими сказать.

Щепка. (возмущённо). Как я????!!! В бочку?! Ни за что. Ис места не сдвинусь!

Праханя. Совещание закончено, всем разойтись по своим рабочим местам

Праханя уходит. Щепка пытается выхватить бумагу со своими подписями у проходящего мимо Прахани. Праханя поднимает руку, та прыгает, но не достаёт, бьёт его в спину кулаками, трясёт руками от боли.

Щепка (Неистово кричит). Обманщики, шулеры, по вас прокуратура плачет!..)

Чирик (обращаясь к Грише). Позаботьтесь, чтобы ваша работница занималась своими прямыми обязанностями.

Гриша (улыбаясь). То есть, посадить её в бочку. (Пытается вывести Шишкареху из мастерской.) На своё рабочее место в бочку, уважаемая Эмма Владимировна, поторапливайтесь, а то вычтем из заработка.

Щепка (оборачиваясь кричит). Шулеры! Прохиндеи! (Визжит, когда Гриша пытается её вывести силой.) Не трогайте меня... По вам тюрьма плачет!!!

Сцена двенадцатая.

Гриша подводит Шишкарю и Щепку к глиняной бочке.

Шишкарь (лезет по лесенке в бочку). Не думал ни гадал, а!

Г р и ш а (Щепке). Вам помочь?

Щ е п к а (истерично Грише). Не дотрагивайтесь до меня! Я сама. (Лезет в бочку к мужу.) Что, доуправлялся, козёл безмозглый. Это тебе не на Мукомолиху засматриваться. Вот теперь засматривайся из бочки с глиной. (Кричит.) Ой! Тут кажется лягушка. Кара-у-ул!

Ш и ш к а р ь: Молчи, дура, это моя нога.

Г р и ш а (наблюдая как муж и жена мнут глину). Вот это производительность будет, я понимаю... (Подбрасывает лопатой глину в бочку.)

Щ е п к а. Он же смеётся над нами... Боже мой – мои французские колготки... И это всё ты, доуправлялся, что оказался в бочке с этой поросычьей жижей

(Берёт мокрую глину и зло бросает в лицо Шишкарю. Начинают бросаться глиной.)

С т о р о ж (входит, смеётся). Вот это и есть самый настоящий форс-мажор.

Щ е п к а. Заткнись, дубина. (Бросает глиной в сторожа, тот уворачивается и наставляет на Щепку ружьё.)

С т о р о ж. Это следует расценивать как нападение на лицо при исполнении служебных обязанностей, а при нападении надлежит применять оружие, сами инструктировали.

(Целиться из ружья. Шишкарь и Щепка прячутся в бочке. Слышно бульканье. Показываются из бочки, протирают глаза от жижи. Сторож опять наставляет ружьё и они снова скрываются в бочке.)

Ш и ш к а р ь (показывается из бочки, стирает глину с лица). Она, Евстафий, пошутила. Да, да.

С т о р о ж. Если пошутила, то и я пошутковал малость. (Край стенки к бочке прокрадывается Мими, переговаривается с родителями, их разговор слышит Гриша).

М и м и. Сидите здесь, а того не знаете, что спастись надо.

Щ е п к а: Это ты, Мими? Что, принц поможет? (Высовывается из кадушки.)

М и м и. Не высовывайтесь, чтоб чего не заподозрили. Басан такой же принц, как вы глиномялы. Мне зубастик, у которого Басяня выбил зуб, рассказал, что никакая они и не делегация, а прохиндеи. Он зубастик специально в нос пальцем сунул, чтоб тот укусил. Его зубастик и узнал. Потом и я вспомнила. Начали мы с ним целоваться, он мне всё про датские замки толкует, а у него раз – усы и отклеятся. И не какой это не принц, а, кажется, Басянька, Вассы сынишка, точь в точь он, только вырядился. Вот он и Вассан поэтому.

Щ е п к а. Видно и профессор – не профессор совсем...?

М и м и (укоризненно). Умны задним умом, нечего сказать, хоть бы документы какие спросили?

Ш и ш к а р ь. В голову даже не пришло. Вот стервец, вот негодник, крапивой высечь, чтоб встать не мог.

Щ е п к а. Мни глину давай... высечь... Себя сначала высеки... Дурдом какой-то...

М и м и. А про Чирика и говорить не надо, весь их род плут на плуте.

Щ е п к а. Что же делать, когда под ружьём глину мнём? Дед он с войны контуженый, пальнёт и фамилии не спросит.

Ш и ш к а р ь. Со сторожем промашка вышла, виноват.

М и м и. Хватит стонать. У тебя везде из-за жадности промашки выходят. Сторожа глухого, да контуженого наняли, чтобы меньше платить; Гришку взяли, из за того, что Юльку любит и ради неё будет за копейки работать, что скажете, не так? Юлька - чёкнулась на игрушках, почти бесплатно работает, Васса - еле концы с концами сводит и что хорошего из этого получилось? Нажили собственного Робин Гуда, этого Басан де Вассана.

Щ е п к а. Работает Васса хорошо и вроде бы ничего плохого, только болеет часто.

М и м и. Болеет часто. Её игрушки с международных выставок без призов не приезжают. Вам её на руках носить, да особый режим работы установить, а вы её на конвеер. В результате из жалости к матери из Басяни и получился «Принц датский» и меня и вас обвёл вокруг пальца, хорошо, что ещё не головорез оказался, ещё не довоспитали, а могли бы и до головореза довоспитать, время у вас не хватило.

Щ е п к а. Ты тоже, Мими, хороша! Любое твоё требование исполнялось, даже идея с датским принцем – чья идея?

М и м и. Хватит, мама, выяснять отношения. Все в дерьме по уши.

Щ е п к а. Ты на что намекаешь?

М и м и. Ни на что не намекаю. Говорю как есть. Вы наслаждаетесь в Дании в глинотворном замке. (Стучит ботинком по кадке с глиной.) А я восторгалась морским пейзажем в мастерской.

Ш и ш к а р ь. Дочка, надо что-то придумать?

М и м и. Глину лучше мните, прихватизаторы. Для нашего освобождения хорошо промятая глина нужна. (Шёпотом.) Из этой глины я сделаю того, кого надо и власть будет снова наша.

Щ е п к а. Умница ты у нас, в меня пошла.

Ш и ш к а р ь. В кого? Молчала бы, плаваешь тут как и я..., умница...

М и м и. А Вассы сынишка не промах оказался, почти всех Зубастиков из-за его хитрости поколотили, дурачье.

Щ е п к а. Кто же знал, что это он сам ему палец в нос сунул?

М и м и. Ладно, сидите уж, а я пошла, а то хватятся. (Отходит от бочки.)

Сцена тринадцатая.

В мастерской. Юля, Васса, Басяня, Кузя, Гриша.

М и м и (Вассе и Юле презрительно). Вам не надоели эти куклы?

В а с с а. Нам нет... А если сможешь, Мими, слепи что-нибудь поинтереснее.

Мими (хитро). Я выставочную работу буду лепить, только не со всеми вместе, в другой комнате. Не люблю, когда за моей работой наблюдают. (Кри-

чит.) Гришка, глины и побольше! всю тащи и побыстрее, в смежную комнату. (Про себя.) Я вам нос утру, мастерицы. (Уходит в смежную комнату.)

Ю л я (Вассе). Она что-то удумала, какую такую выставочную работу? Да ещё больших размеров. Опыта никакого. Странно всё это.

В а с с а. Профессионалка нашлась. Думаю, зубастиков будет делать, чтоб нас всех погрызли... Что же нам делать? От этих шишкарей всего можно ожидать?

П р о с т я ш к и (наперебой с полки). Собачек делайте, собачек. Они смелые и приёмы знают. Они нас всегда от зубастиков защищали, они добрые...

В а с с а. И правда. Молодцы простяшки, напомнили.

Ю л я (Вассе тихо). Они правы... Может быть собачки нас защитят от её зубастиков?. Выставляй из-за занавески простяшек, вроде мы их лепим, а собачек за занавеску будем ставить. И надо Чирикадзе предупредить. С профессором тоже надо посоветоваться, а главное собачек успеть налепить...

В а с с а. Это мы умеем делать получше Мимки, главное, чтоб в поясницу не вступило. Хорошо принц вынудил часть Зубастиков поколотить, жаль, что не всех. (Входит Гриша.)

Ю л я (Грише). А ты чего не на своём рабочем месте? Мими глины принёс, теперь нам неси. Говорили же про дисциплину и порядок, в бочку с глиной захотел?

Г р и ш а. Там Шишкарь с Щепкой мнут, а их сторож с берданкой сторожит, а я сюда. (Тихо) Не только с глиной, но и с новостью.

В а с с а. С какой? Только тихо. (Кивает на дверь за которой лепит Мими и показывает на уши.)

Г р и ш а (шепотом). Понял. К вам даже две новости. Во-первых – иностранная делегация, это никакая не делегация.

Ю л я (удивлённо). Как не делегация?! А как же профессор, датский принц, переводчик?...

Г р и ш а. Я бы тоже не догадался, только эта, стерва Мими, первая пронюхала и сейчас делает вид, что буд-то ничего не происходит, а сама переворот готовит и матери об этом шептала, я там был и услышал, раскусила она их, когда у принца ус отклеился. Она виду не подала, а смекнула, потом один из зубастиков ей доложил, тот, что принца укусил. Я, правда, не всё расслышал, говорили тихо.

Ю л я. Вот, оказывается, Мимка, почему заперлась? Зубастиков лепит... теперь и ежу понятно, хочет при их помощи кризисного директора свергнуть и бумаги договорные уничтожить. Только у неё ни чего не выйдет. И с Датским принцем заигрывает, как с настоящим, артистка, да и только. Датский принц то кто, знаешь?

Г р и ш а. Я всего не знаю. Только ясно, что тоже не настоящий. Вы собачек много, смотрю, лепите?

Ю л я. Дело не в собачках, а в том, что члены комиссии нам открыться боятся, хотя они за нас, они думают, что никто ничего не знает? Их надо предупредить. Иди, скажи профессору, что и как?

Г р и ш а. Это я мигом. (Берёт на руки кошку, гладит, уходит.)

Сцена четырнадцатая.

Явление первое.

Гриша стучится в комнату к профессору, слышит рычание.

Г р и ш а. Переведём это как «добро пожаловать». (Потихоньку открывает дверь, заходит.) Господин профессор, (Вкрадчиво, но громче.) Господин профессор! или как там вас не знаю... Вас раскрыли. Работницы за вас, потому что зубастиков перестали лепить, вы помогли; Шишкарки в бочке сидят. (Осторожно подходит сзади к Кузе.) Да вы не бойтесь меня, я свой... Мими, дочь шишкарей, всё пронюхала, кабы худо не было... вы уж товарищей предупредите... Шишкарки они всё могут... (продолжает гладить кошку, приближается к Кузе.)

К у з я (поворачивается к Грише и с рычанием бросается на него). Гаф, баф-рбаф.

(Гриша убегает, Кузя пытается схватить кошку. Выбежав из комнаты, Гриша захлопывает дверь, прижимается к ней спиной, переводит дух.)

Г р и ш а (переведя дыхание) Обляял как хотел. Тоже мне, конспираторы. А может быть и вправду иностранец, а Мими это всё придумала? Тут разве поймёшь.

Явление второе.

Гриша возвращается к работницам, Мими бежит за глиной.

Г р и ш а. Я пытался профессора предупредить, всё ему рассказал, а он ни слова, только рычит да пыхтит, наверное, не понял, что я ему говорил? Потом этот профессор так на меня рыкнул, что я и подступиться боюсь? Их антикризисный директор, по делам уехал. Может принцу сказать?

Ю л я. Этому принцу велосипед подарили, так он и рад кататься, что даже в мастерской не появляется. Я слышала, как принцу Мими говорит: «Дорогой, тебе велосипед подарили, а ты и не катаешься, что не нравится?». Специально таким образом из мастерской провадила. А тот, как мальчишка, обрадовался... Она зубастиков лепит, а он катается, да усы закручивает. Вот когда эти зубастики начнут на нём штаны рвать, а профессор в одном нижнем белье на гардине повиснет, тогда поздно будет.

Г р и ш а. А что же Чирикадзе?

Ю л я. Вместе с управляющим укатил юридические дела решать.

Г р и ш а. Теперь понятно, почему Шишкари так усердно глину мнут, стараются до их приезда успеть. Дочка уже меня не просит глины принести, сама к ним за ней бежит, чего лепит, неизвестно, скрывает, дверь на запоре держит.

В а с с а. Что-то будет?

Явление третье.

В мастерской Васса, Юля и Гриша. Входит Басяня с профессором. В это же время из своей комнаты, выходит Ми-ми.

М и м и (хитро, с издёвкой). Ну, что, подружки! Видели, какого я себе сокола отхватила?! Самого принца датского с замком и земельными угодьями. (Обходит Басяню кругом.)

Б а с я н я (недоумённо). Ты чего, душа моя?.. Зачем всё так вот при людях?

В а с с а (Юле шёпотом). Она чего-то удумала?

М и м и. Душа - то моя, а вот в тебе принц, чья душа надобно проверить, а мне ведь это легко сделать, сам называл меня волшебницей. Правда? (Обращается к работницам.) Итак, все внимание на принца! Алле-оп! (Подходит и сдёргивает с него шляпу, обнажая вихры Басяни.) Не узнаете!? Действие второе: Алле-оп (Срывает усы и перед зрителями предстаёт испуганная голова Басяни.) Вот видите, какая я волшебница!!! (Торжествующе смотрит на работниц, зубастиков и простяшек.)

В а с с а. Так я и знала, что с прохиндеями спутается, ой беда на мою голову. (Хватает Басяню за волосы, треплет, кричит.) Мать позорить, негодный мальчишка!

М и м и. Давайте поаплодируем тёплой встрече матери с сыном. (Смеётся и хлопает в ладоши.) Путёвый ребёнок получился!!! Ха-ха-ха!

Ю л я (Вассе). Да бросьте вы Боську, лучше возьмём по скалке, что глину раскатываем. (Потихоньку разбирают скалки, а Гриша взял метлу.)

М и м и (не заметив вооружающихся скалками мастериц). А теперь внимание, продолжим наш аттракцион. Посмотрим, кто скрывается под маской профессора?

Подходит и с силой тянет Кузю за ухо, думая, что это маска. Кузя скулит. Видя, что ничего не выходит, хватается обеими руками за шляпу и дёргает. Шляпа и очки с Кузи слетают и все видят рассвирепевшего пса Кузю, который вцепляется в платье Мими, рычит и рвёт.

Г р и ш а (удивлённо). Ку-зя!?! Я, оказывается, это Кузе рассказывал !!!

М и м и (кричит). Зубастики, ко мне, покажем им своё место!

(Зубастики вылезают, кто откуда, окружают Мими, набрасываются на Кузю, завязывается драка, рычанье, визг, свирепые зубастики набрасываются на работниц. Зубастики начинают кусать работниц, те отбиваются от них скалками, идёт драка, но силы не равны, работницы, отступают на верхние полки. У Гриши ломается метла.)

Ю л я (Кричит). Гриша, открой сушильный шкаф! (Гриша открывает сушильный шкаф и оттуда выпрыгивают несколько глиняных собачек.) Защитите нас, глиняшки!!! От зубастиков!

(Собачки бросаются на зубастиков и начинают загонять их под стеллаж. Гриша, Юля, и Басяня пытаются схватить Мими и им это почти удаётся, но Мими, влезает на стол, хватается за верёвку с привязанной бадьёй, забирается в бадью, отталкивается и бадья с Мими начинает выписывать круги над головами работниц.)

М и м и (злорадно). Что! Схватили! Думали, что уже ваша победа!!! Фабрика ваша!!! Как бы не так, обрадовались... Держите карман шире. Сейчас я вам покажу козью морду... (Кричит.) Чувырла! Чувырла!!

(Раздаётся шум тяжёлых шагов, вздохи, падает дверь в комнате, где лепила Мими и в мастерскую с косяком от двери на плечах входит, медленно переставляя ноги, глиняный монстр «Чувырла» с дубиной в руках.)

М и м и (злорадно). Ну, как, хорошие я фигурки леплю? Ха-ха-ха! Зубастики – был только отвлекающий маневр... (Обращается к монстру.) Чувырла, всех растоптать!!!

(Все испуганно и медленно пятятся от монстра).

Б а с я н я: (выскакивает вперёд, поднимает скалку-раскатку над головой). Все на монстра! (Он и Гриша первые бросаются на чудовище.)

Ч у в ы р л а. Га-га-га, хо-хо-хо, гы-гы-гы –

(Легко сбрасывает с себя нападающих и пытается на них наступить, но Гриша уворачивается. Басяня бьёт сзади монстра по голове. Чувырла сваливает Басяню на пол. Он хочет наступить на Басяню и уже занёс ногу, но к нему метнулась Васса.)

В а с с а. Не бывать этому, зло преисподнее !!!

(Швыряет в глаза Чувырле горсть песка, а Кузя кусает монстра за ногу. Взревел от боли Чувырла и направился, валяя всё на своём пути, к баку с водой. Подходит к баку, промывает глаза.)

Ю л я (испуганно). Он очень большой, мы не справимся. Сейчас он промоет глаза и нам конец.

М и м и (смеётся, раскачиваясь в бадье на верёвке). Умные слова, деточка. Так всё и будет.

Ю л я. Спасаться надо.

(В дверях появляется Праханя с дубиной в руках.)

П р а х а н я (перекидывает с руки на руку дубину). Никуда не надо бежать! (Обращается к гиганту.) Что, Чувырла?... вот мы с тобой и встретились! Ты сюда пришёл свои порядки устанавливать!! Ах ты нечисть. (Обмениваются ударами дубин.)

М и м и (летая в бадье по кругу). Удави его, Чувырла, брось его на колени! Он и есть новый управляющий! У него все подписанные бумаги. Возьми их у него...

Ч у в ы р л а. Это не легко сделать. Ты не всё знаешь, Мими. Это не просто управляющий...

М и м и. Кто же он?

Ч у в ы р л а (говорит медленно, с короткими паузами). Это – Праханя – человек из глины,... человек – земля.... Знаю его... Он сделан мастером особым способом,... земная сила в нём. Он... заступник за всех сирых и обиженных игрушек... (Обмениваются ударами.) Ему... со мной бороться... силу сама земля дала.

(Следует удачное попадание дубиной Чувырле в голову, гигант закачался. Праханя начинает одолевать Чувырлу. Чувырле всё труднее поднимать дубину, ударяя ей, он промахивается, круша приспособления и инструменты, лавки и вёдра.)

М и м и (чуть ли не плача). Неужели ты ему уступишь, Чува?!

(Дубинки у дерущихся ломаются и они начинают бороться, обхватив друг друга руками, Чувырла изнемогает.)

Ч у в ы р л а. Облей меня маслом, Мими, иначе мне не устоять.

(Мими, раскачиваясь на верёвке, хватает с полки бутылку с маслом, льёт масло на Чувырлу, обливает спину монстра маслом, руки у Прахани скользят, он не может ухватить Чувырлу и начинает подламываться под исполином, за что бы не взял Прахана, всё скользит, всё непрочное. Зубастики, окрылённые неуязвимостью исполина, с особой силой набрасываются на собачек и работников. Чувырла уже согнул и бросил наземь Прахану и занёс над ним огромную ногу. Разносится громopodobный хохот чудища.)

Га-га-га-га!!! Масло - то помогает, Праха-а! Гы-Гы-Гы!

(Раздаётся выстрел. Монстр делает шаг назад, качается, поворачивается на выстрел и видит в дверях сторожа с ружьём. Тяжело дышит, хрипит).

Это ты, дед?! Всё ещё живой!?

С т о р о ж. Я, кто ж ещё?

Ч у в ы р л а (тяжело переводя дыхание). Я тебя вспомнил, разведка... Жаль, что я тогда тебя не засыпал в твоём окопе в сорок втором, не получил бы заряд сейчас (Пауза.) Мими, я умер!!! (Выдыхает и с грохотом падает, его обступают и радуются победе, Чувырла упав, превращается в кучу глины. Мими этим временем незаметно убегает. Гриша уходит из мастерской. Присутствующие подходят и тычут в кучу глины пальцами, качают изумлённо голова-

ми, произнося: «Глина! Странно», «Обыкновенная грязь»).

С т о р о ж. Развалился в прах.

В а с с а (сторожу). Ты, Евстафий Пантелеич, как всегда во время, только на кого ты Шишкарёй оставил?

Г р и ш а (вбегает в цех, встревожено кричит). Шишкарёи сбежали!

В а с с а. (прижимает ладони к лицу). Ой, что теперь будет? К прокурору пойдут. (Шлёпает Басяню по затылку.) Что, доигрался, дуралей. Один Кузя ни за что отвечать не будет, по причине собачьего рода, да Чирик - улетит и ищи его свищи, а с глиняной игрушки вообще нечего взять...

П р а х а н я (весело). Не пойдут они к прокурору.

С т о р о ж. Это почему же?

Б а с я н я. Как я догадываюсь у самих рыло в пуху, так, Праха?

П р а х а н я. Их документы оказались фальшивыми. Так, что никому эти прихватизаторы жаловаться, не будут, мастерскую -то по липовым бумажкам купили.

С т о р о ж. Куда же они подались?

Б а с я н я. Как куда, в Данию, конечно. Если мне не изменяет память, датские принцы только в Дании бывают, а из шкатулки Мими все свои деньжата выскребла. Так что до Дании им докатить хватит.

Г р и ш а. Им теперь не до датского жениха... Лишь бы от прокуратуры спастись.

В а с с а (недоумённо). А, что же нам теперь делать?

П р а х а н я. Как что?... Соберёте собрание, преоформите имущество, чтоб на равных, и будете делать добрые хорошие глиняные игрушки. Светлых голов у вас хватает. Думаю, что Гриша займётся организацией производства, Юля с Вассой слепят на Лейпцигскую ярмарку игрушки, ручные изделия действительно за границей в цене. Ну а Басяне надо учиться. Хорошие специалисты фабрике нужны позарез, думаю, что из него получится отличный коммерческий директор, тем более что «датский» язык он уже освоил, (улыбается) сам же говорил Мими, что без знания языков в коммерции делать нечего. (Весёлый одобряющий смех.)

Ю л я: (обращаясь к Прахане) А вы?

Ч и р и к. А мы в путь. Глины вам теперь надолго хватит, Чувырлу размочите. (Кивает на глиняную кучу и на зубастиков. Зубастики молча полезли под стеллаж прятаться.) Кстати, забыл сказать, сегодня пришло извещение о том, что на фабрику из-за рубежа поступило оборудование. Не всё, на которое денег хватило. Думаю, Гриша в этом разберётся и чего не хватает – сам сделает, а Басяня поможет.

Г р и ш а. Разберёмся.

Б а с я н я. Стоящее дело. Гриша, я от тебя ни на шаг.

Ю л я. Доверили. Теперь и ночевать в мастерской будут.

В а с с а. Это не беда, пусть ночуют, дело мужское, а мы с тобой им ужин приносить будем. (Обнимает Юлю.)

Сцена пятнадцатая.

Все собрались на улице около входа в мастерскую.

Ч и р и к. Жаль, друзья, но нам надо расставаться.

Ю л я (стоит в обнимку с Гришей). Остались бы...

П р а х а н я. Нет... нет... нам надо идти... Знаете сколько ещё несправедливостей в игрушечном мире, так что не обессудьте, всем надо помочь.

Г р и ш а. А вы к нам ещё заглянете?

П р а х а н я. На вашу свадьбу с Юлей обязательно. (Подходит к сторожу, обнимает.) Ну, прощай, старик, что и говорить, выручил. Только одно непонятно, как ты в нужное время и в нужном месте оказался? Думается, что это неспроста.

С т о р о ж. Правильно думаешь... Я же на фронте в разведке был. И мне старому профессионалу-разведчику стыдно бы было не признать в принце - Басяню, а в профессоре - Кузю, тем более что все тренировки Кузи, проходили у меня на глазах.

В а с с а (сторожу). Ты всё знал и ничего мне про Боську не сказал?

С т о р о ж. А потому и не сказал, что операция была секретной и добавлю - разработана по всем правилам военной науки. За разработку, как бывший капитан разведки объявляю благодарность, а вот в исполнении были недочёты. Только у кого их на фронте не бывает.

Ю л я. То на фронте... давно было и далеко...

С т о р о ж (Юле). Ошибаешься... Линия фронта, Юля, на сей раз, в аккурат, прошла невидимой линией по нашей мастерской глиняной игрушки.

Ю л я. Разве?

С т о р о ж. Линия фронта всегда проходит по сердцу между правдой и неправдой, злом и любовью, справедливостью и обманом; поэтому у человека на сердце от неё всегда траншеи и окопы, до самой смерти и в воле самого человека быть по ту или иную сторону этой невидимой фронтовой линии.

П р а х а н я (подаёт руку). Прощай, старик, век не забуду. Ну, как, старая рана даёт о себе знать?

С т о р о ж. Ноет, но тише.

П р а х а н я. Значит, есть ещё на свете несправедливость раз ноет, потому и не можем здесь с Чириком остаться.

С т о р о ж. А, ты откуда о моей умной болезни знаешь?

Ч и р и к. Так нам Басяня всё о вас рассказал: «Дед,— говорит,— геройский». Да и мы сами в этом убедились. Прощайте и простите, особенно вы Васса и Юля, за семечки, что я в кармане у Вассы склевал, а Кузя Юлин бутерброд съел, никуда не денешься, инстинкт. Его тоже будем исправлять.

Ю л я (Вассе). Что ж это мы а? Совсем забыли... (Достают большой кулёк с семечками и бутерброды.) Это вам на дорожку.

В а с с а. Хоть и говорят: «Кто старое вспомнит тому глаз вон». Мы-то зла на вас и не держим совсем, (сдерживает слёзы), а вспоминать будем, как

тут не вспомнишь, и Басяня у меня вон какой самостоятельный стал.

(Появляется Басяня с велосипедом в руках).

Б а с я н я (подводит велосипед к Прахане). Возьми, Праха. Он вам с Чириком нужнее. На велике ехать – не пешком идти, а если подмога будет нужна – быстрее к нам приедете за помощью.

П р а х а н я. Ну, спасибо, брат. (Обнимает Басяню, благодарно хлопает по спине.) По правде говоря, не ожидал.

Б а с я н я. Может быть и костюм возьмёте, мало ли что...

Ч и р и к. Эту униформу ты себе оставь. Потом, Прахане он бесконечно мал, а мне бесконечно велик. Я ведь если и захочу, то больше не вырасту.

Праханя и Чирик прощаются, кланяются берут велосипед и уходят. Все смотрят им вслед и машут на прощание руками. И, вдруг до провожающих доносится песенка.

Я – Праханя, я – Праханя –
Парень не простой.
Я – Праханя, я – Праханя
С глиняной душой!
У кого душа из глины –
Добрый человек;
У кого душа из глины –
Значит друг на век!

В о р о б е й.

Чирик–пырик, чирик–пырик...
Значит друг навек.

(Все провожающие не стовариваясь подпевают воробью).

Чирик–пырик, чирик–пырик...

Значит друг навек.

Г р и ш а. Эх, жаль, прощального салюта не хватает.

С т о р о ж. Всё учтено. (Подзывает Басяню и даёт ему ружьё, тот целится в небо и стреляет, Юля закрывает уши ладонями, ушедшие останавливаются, поворачиваются и машут руками.)

С т о р о ж. Ничего не поделаешь, долг платежом красен, заслужил.

Б а с я н я (радостно). А всё таки я бабахнул... Теперь можно идти и зубастиков из- под стеллажей выковыривать, пошли, Кузя, у тебя на них особый нюх (все уходят).

Вбегают простяшки и собачки, весело кувыркаются, кружат хоровод и поют.

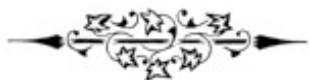
Чирик–пырик, чирик–пырик...

Значит друг навек.

Чирик–пырик, чирик–пырик...

Значит друг навек.

С К У Д Я

(пьеса для младших школьников)

Действующие лица:

Старый Рого – баран, предводитель стада.

Скудя – глиняная игрушка, волчонок.

Баба Лена – игрушечница.

Даша – молодая овечка.

Бяшка – овца, тётка Даши.

Эмма – белоголовая овца.

Скалолаз – козёл (с колокольчиком).

Сорока – птица.

Когтистая лапа – вожак волчьей стаи.

Белое брюхо – волк.

П а л ё н а я ш к у р а – молодой волк.
Л а р а – волчица.

Сцена первая.

Игрушечница баба Лена лепит из глины игрушки и напевает себе под нос песенку.

Как на Волге, на реке,
Девушки тонули.
Пошли в поле погулять
И в копне уснули.

Б а б а Л е н а. Славные игрушки я сегодня из глины слепила, особенно удался мне волчонок. До того забавны-ы-й. Дай - ка я ему на нос пипку прилеплю (прилепляет пипку), вот так, отлично. (Целует волчонка в нос.) Осталось его принарядить. А принаряджать я его буду штампиками. Сейчас возьму колпачок от авторучки, он служит у меня штампом, и оттисну у волчонка на спинке звёздочки. (Оттискивает.) Вот т-ак. Затем, другим штампом, оттисну на лобике снежинку. Хорошая глина, податливая, отлично оттиски получаются. Осталось сделать глазки и ротик. (Чего-то ищет, заглядывает за плоску с водой.) Куда же я подевала старый фломастер? Вот старая – голова дырявая. Им я всегда оттискиваю у зверушек глазки. Так-так-так... Куда же он делся, проказник? (Ищет фломастер и находит.) Оказывается, закатился за ножку стула. (Достаёт фломастер и оттискивает волчонку глаза.) Стал ты у

нас зрячим, а теперь прочертим палочкой рот. Вот... так. (Напевает себе под нос).

Рыбы во дворе живут,
На прохожих лают.
Корабли в степи плывут,
Верблюдов считают.

Дальше, как и полагается, делаем заливку – берём коричневого цвета жидкую глину, кисточку и закапываем глину в углубления от штампов. Отлично. Сейчас игрушечники гуашевыми красками подкрашивают оттиски, а я всё по старинке... глиной. Так мой дед красил и прадед тоже. Зато настоящая традиционная Саратовская глиняная игрушка получается. (Любуется изделием.) Теперь поставим тебя на просушку. (Ставит игрушку на стол, задумывается.) Как же, тебя назвать? Тимошей?... не подходит... Назову ка я тебя «Скудей». Хорошее имя «Скудя», скудельный значит, раньше «скуделью» глину называли, отсюда и глиняные горшки звали скудельными. Вот и отлично! Будешь у нас «Скудей». А теперь пойду, просею глину для новой игрушки. (Уходит, напевая.)

Как на печке на печи-и,
Да горячи кирпичи-и.
Забралися кошки в печку,
И погрызли калачи.

Сцена вторая.

Как только баба Лена ушла, Скудя немного постоял на столе и стал осматриваться.

С к у д я. И долго я буду здесь стоять как огородное пугало? Нет, я не огородное пугало и стоять здесь долго не намерен. Кажется, я уже высох. (Ощупывает себя руками.) Вроде бы высох? только я не знаю, сколько надо глине сохнуть? Пока бабы Лены нет, пойду, посмотрю, что вокруг делается? (Слазит со стола, выбирается через окно на улицу.)

С о р о к а (Сидит на изгороди и стрекочет). Трак-ке-ке. Куда направился без спроса? Самовольник... Всё расскажу бабе Лене... всё-о-о...

С к у д я (отмахивается от неё и, напевая песенку, идёт беззаботно по дороге, бегаёт за бабочками, нюхает цветочки).

Я глиняный волчонок!
Я глиняный волчонок!
Мне всё на свете по плечу.
Мой нюх прекрасно тонок,
Мой глаз прекрасно зорок,
Я делаю, что только захочу!

Я захочу и целый мир открою,
Так пожелайте мне ни пуха – ни пера.
И норы я совсем не рою.
И норы я совсем не рою,
Весь этот мир – моя нора!

(Рассуждает вслух.) «Какой я молодец, что ушёл из дома. Конечно, я нехорошо поступил, что не спросил разрешения бабы Лены. С другой стороны надо же мне познать мир, а он такой красивый и всё это я вижу в первый раз!». (Замечает пасущихся на лугу овец.) Кто это? Похоже овцы. Баба Лена таких же лепила, только они не глиняные, а пушистые. Надо подойти незаметно и посмотреть, что они делают?

Подкрадывается, овечки его замечают и с криком «Волк»!... «Волк»! бросаются в разные стороны, а одна молодая овечка падает в обморок. Волчонок подходит к ней и со словами «Куда же они все разбежались?» щупает у овечки лоб и проверяет пульс.

Лоб тёплый, сердце стучит, значит живая, только совсем, совсем не двигается, значит чуточку мёртвая. Верно, она меня испугалась и упала в обморок. Что же мне с ней делать? (Думает.) Я вспомнил!— когда баба Лена собирается чего-то лепить, а глина подсохла, то она всегда говорит, что глину надо оживить и брызгает на неё водой. Обрызгаю водой овечку и я, как раз рядом есть ручей.

Приносит воды и брызгает на овечку. Овечка приходит в себя, смотрит на волчонка и дрожит от страха.

С к у д я (в зал). Действует. (Обращаясь к овечке.) Кто ты такая и как тебя зовут?

Д а ш а (испуганно). Мы-мы-мы ...овечки... Ты меня не съешь?

С к у д я. А почему я тебя должен съесть?

Д а ш а. Волки всегда охотятся за овцами.

С к у д я. Нет, не съем, не бойся. Я ещё не умею никого есть.

Д а ш а (обрадованно). Правда! И ты совсем, совсем не кусаешься?

С к у д я. Совсем, совсем. Я же ведь не настоящий волчонок, а игрушечный. То есть, настоящий, но не совсем. Меня сделала баба Лена из глины.

Д а ш а. Такого не бывает. Мне моя мама говорила, что волки – наши главные враги. Она ничего не говорила, что они бывают не настоящие. А моя мама была умная и очень серьёзная овца. Её в стаде все уважали. И она всегда говорила «Милая Долли, берегись волков, потому, что от них исходят все напасти» – Вот! И потому я тебе не верю. Ты самый настоящий волк, только перекрасил свою шкуру, а может быть даже сделал пластическую операцию, то есть шкурную операцию, чтобы в тебе было трудно узнать настоящего волка. Убирайся прочь.

С к у д я. Зря, ты так.

Д а ш а. Осторожность не помешает. (Отодвигается.)

С к у д я. Я, правда, не кусаюсь. Я этого и делать не умею. У меня даже настоящих клыков нет, а так совсем маленькие. (Показывает.)

Д а ш а. У меня тоже есть рожки, только, тоже очень маленькие их даже не видно, вот потрогай. (Наклоняет голову.)

С к у д я (трогает голову). Точно, два маленьких бугорочка, их из-за шерсти не видно.

Д а ш а. Вот видишь... рожки есть, а бодаться, как и ты кусаться, я не умею.

С к у д я (смущённо.) Знаешь, а ты очень симпатичная Я как тебя увидел, так ты мне сразу понравилась...

Д а ш а. Не прилизывайся. Всё равно не поверю. (Поправляет причёску, прихорашивается.)

С к у д я. Я что, не красив?

Д а ш а (опустив взгляд). И ты мне сразу очень понравился.

С к у д я. Какое у тебя красивое имя «Даша».

Д а ш а. Откуда ты узнал моё имя, тебе, что со-рока сказала, как меня зовут? Вот болтушка...

С к у д я. Сама же сказала, что твоя мама говорила...

Д а ш а. А ты наблюдательный. Мне это нравится. Ты не только умеешь хорошие слова говорить...

С к у д я. А меня баба Лена назвала «Скудей». Хорошо, что я тебя встретил...Просто даже замечательно. У меня есть хорошая идея.

Д а ш а. Какая идея?

С к у д я. Давай поженимся. Я делаю тебе предложение. Прошу твоей руки и сердца, понятно?

Д а ш а. Как поженимся? Я так вот просто не могу, мне надо спросить разрешения у стада. У нас так заведено. Я не могу нарушать традиций. Пошли к нам в стадо и спросим старейшин. Пусть они посмотрят, какой ты хороший!?

С к у д я. С тобой – к кому и куда угодно, милая Даша! (Взявшись за руки, идут в стадо, играют, дурчатся.)

Сцена третья.

В овечьем стаде.

Д а ш а (кричит издали). Овечки, не бойтесь! Предводитель стада Старый Рого!! Это я, ваша Даша! Со мной тот, кого вы так сильно испугались! Не бойся, тётушка Бяшка! Не бойтесь братики Козя и Луня! Он совсем не страшный! Он мой друг! Его зовут Скудя. (Подходят ближе; овцы с опаской рассматривают волчонка.)

Б я ш к а (всплеснув руками). Точно, это наша Даша! А мы думали, что тебя съели волки. А это кто с тобой? (Удивлённо.) Точно, волчонок! Только чудной какой-то. (Овцы окружают волчонка, нацеливают на него рога, с любопытством рассматривают.)

Э м м а (обращаясь к Даше). Ты зачем привела волчонка в стадо?

Д а ш а. Он мой друг и жених. Я хочу, чтобы он был с нами.

Голос из стада. Он, что, будет щипать с нами травку? Вот учудила...

Д а ш а. Он не будет щипать с нами травку, потому, что он глиняный.

Э м м а. А по мне волк, он и есть волк. И хоть он глиняный, хоть сделанный из мочала, разницы

нет... Это надо обсудить с предводителем стада Старым Рого. (Кричит.) Старый Рого! Собирай совет! Будем решать, что с волчонком делать?

Старый Рого. Совет, так совет. (Поднимается на бугор, говорит.) Уважаемые бараны и добропорядочные овцы! Овечка Даша хочет выйти за волчонка замуж и просит нашего на то согласия, то есть, просит принять его в стадо. Мы должны обсудить этот вопрос. У кого какое мнение?

Бяшка. Это вопрос серьёзный, здесь замешана любовь.

Скалолаз (с колокольчиком на шее). Я не против любви. Только она какая-то уж очень экзотичная. Прости меня Даша, но я считаю, что волкам нет места в стаде. Волки наши враги! Волк волку не друг, а нам и тем более.

Эмма. Они загрызли моего племянника и мою бабушку.

Старый Рого. Да, немало мы натерпелись от них бед. Потом, он может быть волчьим шпионом. Я такого не исключаю.

Даша (взволновано). Как вы не понимаете! – не тот волк, кто внешне похож на волка, а тот волк у кого безжалостная, не имеющая сострадания жесткая натура, даже если он и имеет вид овцы!! Разве это непонятно!?

Эмма (обращаясь к Бяшке). Добропорядочная Бяшка, помните, мы пожалели беспомощного волчонка, а теперь он стал вожаком волчьей стаи и зо-

вуг его «Когтистая лапа». Твоя жалость взрастила монстра.

Старый Рого. Верно говоришь, Эмма. Было такое, поэтому я призываю овец к бдительности и лучше выгнать глиняного волчонка, нежели смущать им наши сердца!

Бяшка. Не путайте кислое с пресным. Нельзя разлучать любящих. Выгонять из одной осторожности, ни в чём не уличив, разве это разумно? (Обращается к Скололазу.) Скололаз! Ты ведь любишь Дашу и ты против? (Скололаз опустил голову и вздохнул.)

Старый Рого. Кто ещё думает так же как Бяшка? (Осматривает стадо и не находит поддерживающих.) Как видим, большинство не одобрили твоего поступка, Даша. Я выскажу общее мнение: «Волков хороших не бывает». Верно?! (Раздался хор одобрительных голосов). А теперь стадо просит волчонка, Скудю, покинуть наше месторасположение и отправиться в волчью стаю. Вот там пусть и ищет себе невесту среди серых.

(Бараны подталкивают Скудю сзади рогами, выпроваживают за пределы поляны. Даша порывается идти за ним, но Бяшка и Эмма удерживают её. Потрясённая Даша опускается на землю, Эмма уходит.)

Бяшка (присаживается рядом с Дашей, гладит её по голове, поёт).

Мы овцы, знаешь Даша, овцы,
У нас особая стезя;

Мы в мире не первопроходцы
Ни ты - ни я,.. ни ты - ни я.
Задача наша не простая –
Растим густую длинную мы шерсть
И для овец задача то святая
Густая шерсть–овечья честь, густая шерсть.
Ещё, растим своих мы деток,
Ягнятки – милая семья.
А вырастить не просто малолеток,
И убережь от стужи и дождя.
И убережь от стужи и дождя.

(Смотрит на Дашу.) Кажется, уснула? Пусть поспит. Успокоится, перетерпится. Как говорится – «Утро вечера мудренее» (Бяшка уходит, Даша спит.)

Сцена четвёртая.

В волчьей стае.

Явление первое.

С к у д я (идёт напевая горькую песню разлуки).
Зачем на свет родился я?
Зачем из глины слеплен волком?
Во мне ведь добрая душа,
Кто объяснит мне это толком?
Ну что, наслушались вы ушки (трогает уши),
Облили грязью с головы до пят.
Того не знают, что им без игрушки
Не вырастить порядочных ягнят.

И будет мало на них шерсти;
Без сказки деткам вырастать нельзя.
Я знаю, вы уж мне поверьте,
Ведь сказка она здесь и это Я.

(Останавливается около копны.) Эх, залезу я в эту копну сена и умру в ней, всё равно счастья нет. А когда овцы будут поедать сено, то найдут в нём меня и скажут: «Мы были не правы, Скудя был действительно хороший и что встречать и ценить, живущих на земле, надо не по одежке и по шерсти, а по тому, какое у кого сердце. (Залезает в сено).

Явление второе.

К копне подходят волки. Вожак запрыгивает на копну и осматривается. Волки располагаются около копны.

К о г т и с т а я л а п а. Давай, Белое брюхо, аккомпанируй и запевай нашу, голодную (Белое брюхо, подыгрывая на гитаре, запекает, стая подхватывает, вожак, стоя на копне, дирижирует лапой.)

Живот – барометр удачи,
Живот, когда он пуст – беда.
Кишки гремят, а волки плачут.
Задрать овцу – одна мечта, одна-а ме-чта.
Пусть говорят, что волки сплошь бандиты,
Пусть говорят, что волки наглецы,
У нас звереют аппети-и-ты,

Когда мы слышим бляенье овцы.

(последнюю строку ещё раз поёт один волк на октаву ниже).

Б е л о е б р ю х о (обращаясь к вожаку). Не видишь ли ты, Когтистая лапа, сверху поблизости овец?

К о г т и с т а я л а п а. Не напоминай мне про овец, Белое брюхо, у самого живот подвело. А овцы-вон они, целое стадо, только к ним не подобраться, вокруг открытое место, равнина, ни овражка, когда будешь ползти - обязательно заметят.

Л а р а. Вы хоть и клыки большие имеете, только думать надо головой, а не клыками, а тем более хвостом. Надо придумать, как подобраться к овцам незаметно? Может быть, ты чего посоветуешь, Белое брюхо?

Б е л о е б р ю х о. У нас есть старая овечья шкура. Может быть, попробуем одеть одного из волков в неё и подойти к стаду открыто, под видом отставшей овцы. Помнится, нам это когда-то удалось.

К о г т и с т а я л а п а. Два раза в один и тот же капкан не попадают. Предводитель этого стада – баран Старый Рого. Он знает и помнит этот приём. Придумай что-нибудь поновее.

Л а р а (с упрёком). Я вижу, у вас головы для того, чтобы только уши носить, а придумать что-то путное вы уже не можете.

Б е л о е б р ю х о. Лара, не задирайся. Твой язык как у гадюки. Только нас критиковать умеешь, а самой предложить нечего?

К о г т и с т а я л а п а. Давай, Лара, предлагай, укрепи свой авторитет мудрой волчицы. За последнее время он у тебя сильно пошатнулся.

П а л ё н а я ш к у р а. Его моль подъела, как старую шерсть на холке. Ха-ха-ха!

Л а р а. Не вижу причин для смеха. (Обводит взглядом стаю.) Моё предложение следующее – надо вырыть в этой копне нору, залезть в неё и когда овцы подойдут совсем близко, выскочить и задать им хорошей трёпки.

К о г т и с т а я л а п а. Я всегда говорил, что у Лары мозг изобретателя. Я не знаю ни одного волка ни в Пензенских, ни в Тамбовских лесах, кто мог бы с нею соперничать. Предлагаю принять предложение Лары и начать рыть в копне норы. (Волки начинают рыть в копне норы и обнаруживают Скудю.)

Б е л о е б р ю х о. Тут, кажется кто-то прячется?! Я кого-то держу за шкуру?!

П а л ё н а я ш к у р а. Спорю на сахарную косточку, если это не овечий шпион.

Л а р а. Это резонно. Ведь моё предложение дорогого стоит, а овечья разведка не дремлет. Помните барана в волчьей шкуре. Он нас целый месяц за нос водил, выдавая себя за волка. В результате за месяц мы ни поймали ни одной жалкой овцы... Питались одними мышами и чуть не протянули ноги.

Б е л о е б р ю х о. Вот и он. (Вытаскивает из сена Скудю, рассматривает, удивляется и спрашивает.) Ты кто такой будешь?

С к у д я (боязливо). Я глиняная игрушка – волчонок Скудя.

Л а р а. Видим, что не ягнёнок.

С к у д я. Я ваш брат. Ведь вы тоже волки.

К о г т и с т а я л а п а. Тамбовский волк тебе брат. Гы-гы-гы!

Б е л о е б р ю х о. Не верьте ему, серые. Это овечий шпион. Он только вырядился волком. Посмотрите с виду, как и мы - волк, только почему по его шкуре идут какие-то геометрические углубления в виде крестиков, звёздочек и кружочков?

С к у д я. Я же говорю вам, что я Саратовская глиняная игрушка. Она так декорируется, а эти углубления на мне – штамповый геометрический рисунок. Этим рисунком я и отличаюсь от других глиняных игрушек, например от Каргопольской или Филимоновской.

Б е л о е б р ю х о (обращаясь к Палёной шкуре). Я что-то про Саратовскую не слышал, а ты, Палёная шкура?

П а л ё н а я ш к у р а. Говорит, что игрушка, а совсем не похож. Помнишь, Белое Брюхо, мы раз с тобой съели одного игрушечника под городом Аткарском, из Филимоново ехал. У него было много игрушек полосками раскрашенных. Полоска красная, полоска голубая, полоска жёлтая, помнишь, а это ни то, ни сё,... вмятинки какие-то? как будто в него из ружья картечью охотники палили.

С к у д я (раздражённо). Да, Саратовская я игрушка, Саратовская. Сколько раз повторять одно и

то же?! А это декор ямчатым называется, он очень древний.

П а л ё н а я ш к у р а. Чего твердишь одно и то же. Мы волки тоже не из Пензы, а свои Саратовские, разберёмся. Только нам интересно знать кто ты? и зачем сидел в этой копне? Говори, иначе не видать тебе ничего в этой жизни хорошего. (Берёт Скудю за шкуру, трясёт.)

К о г т и с т а я л а п а (добавляет). И самой жизни не видать тоже. Гы-гы-гы!

С к у д я (жалостливо). Я. Я, я... правда волчонок, только глиняный, меня баба Лена слепила и поставила на столе сушится, а я убежал. (Слёзно.) Поверьте мне, серые...

Л а р а. Вы посмотрите, он нам историю колобка рассказывает. Славно. Убежал и встретил на дороге волка. Ха-ха-ха! Вот нахал. Интересно, что ты ещё наплетёшь? Теперь, расскажи нам, как по сусекам был метён, в печку сажён и так далее. Это наш предок на этом опростоволосился, а мы волки цивилизованные, книжки читаем и на твои уговоры не поддадимся. Правильно, серые?! (Волки одобрительно загудели.)

С к у д я. Ни по каким сусекам я не был метён. Глину в овраге лопатой накопили и всё.

П а л ё н а я ш к у р а. Рассказывай нам басни. Одного по сусекам мели, другого лопатой копали, голова кругом. Твоя правда, Лара, нельзя ему верить, он овцами подосланный, поэтому и в копне сидел, чтоб наши разговоры подслушать!

Белое брюхо. Не спешите с выводами, Палёная шкура. Если он волк, то должен уметь свирепо рычать, вот так (рычит) Ры-ры-ры!!! А, ну -ка повтори... (Скудя пытается зарычать, но у него ничего не получается.)

Когтистая лапа. Белое брюхо был прав. Это овечий шпион. Раз он не умеет рычать, значит, блеет как овца.

Скудя. Я и блеять не умею.

Белое брюхо. Что ты на это скажешь, Когтистая лапа?

Когтистая лапа. Разберёмся. Мы волки цивилизованные и будем есть его цивилизованно. То есть, сначала исследуем всё хорошенько. Взвесим все «за» и «против», а потом обязательно съедим. Гы-гы-гы...

Скудя (отчаянно). Так какая мне разница, исследуете вы или не исследуете, если всё равно съедите. Странная у вас цивилизация. Какая-то волчья.

Лапа. Такой у нас порядок, по закону живём.

Скудя. Меня баба Лена не учила рычать, а когда лепила, то учила, чтобы я был совестливым вежливым и умным волчонком.

Лапа. Умным и вежливым, говоришь? А она говорила тебе, что такое баранина? Ха-ха-ха! И кто же твоя мама, если не секрет? Может быть овца Бяшка?

Скудя. Я же вам говорю – моя мама игрушечница баба Лена, какие вы непонятливые.

Л а р а. Она из кого, из человеков что ли, или тоже овца?

С к у д я. Она человек. Между прочим, очень хороший и человек и мастер.

Л а р а. Если твоя мама человек, то почему ты волчонок, это непонятно?

С к у д я (раздражённо). Да потому, что я игрушка, олухи вы царя небесного. Сколько раз говорить, что я игрушка, что меня слепила из глины баба Лена, что баба Лена очень добрый и хороший человек и что все игрушки у неё очень добрые.

П а л ё н а я ш к у р а. Что ты всё твердишь о доброте? По мне доброта, хуже воровства.

Б е л о е б р ю х о. Он говорит, что имеет отношение к человеческому роду. А это для волков очень опасно. С людьми нам лучше не ссориться. Ты у нас, Когтистая лапа, насчёт людей и их повадок самый умный, ты столько раз спасал стаю от охотников!!! Как проверить, волк он или не волк, игрушка для забавы волчатам, или кусок дерьма, сделанный людьми, чтобы сбить нас с толку?

К о г т и с т а я л а п а. Подожди, Белое брюхо, не спеши. Он говорит, что глиняный. Вспомните: сколько раз мы ходили в походы, наши тропы были усеяны камнями, мы утопали в песке и тонули в чернозёме. Но это всё было сносно. Самой плохой тропой была тропа не из камней и песка, а из глины после дождя, потому что лапы наши скользили и разъезжались. Даже когти не могли удержать нас на спусках и склонах и мы скользили, кувыркались и

падали и редкий, кто из волков мог подняться на глинистую размокшую гору. Мы старались обходить такие участки стороной.

Б е л о е б р ю х о. Ты прав, Когтистая лапа. Ты умный вожак. Только мы не поймём, к чему ты kloнишь? («Говори суть дела», раздались голоса.)

К о г т и с т а я л а п а. Я и говорю суть дела. Глинистая тропа была для нас хороша, когда она была сухая. Верно?

П а л ё н а я ш к у р а. Совершенно верно!

К о г т и с т а я л а п а. А, когда она мокрая, то становилась бесформенной скользкой жижей, то есть глина от воды становится жидкой. Вот я и предлагаю, поместить шпиона в воду и мы посмотрим, уцелеет ли он, или превратится в глиняную жижу? Гы-гы-гы...

Л а р а (выждав, когда смолкнет смех). Велика ли для нас корысть, если этого шпиона бросим в лужу и он превратится в грязь. А когда лужа высохнет, не станет ли он опять таким же? Мы этого не знаем... Отпечатки наших лап на глиняных тропах каменеют от солнца и очень долго не стираются, правда, Белое брюхо? Глина, размятая нашими ногами, от солнца снова становится твёрдой. И он снова станет твёрдым. Чего мы этим добьёмся? Только время зря потратим.

Б е л о е б р ю х о. Твоя правда, Лара. Только чего ты предлагаешь?

Л а р а. Я предлагаю испытать шпиона огнём. Мой аргумент такой. Разве мы волки боимся воды

или грязи? Никогда. А что для нас самое страшное...? Самое страшное, для нас огонь. Палёная шкура это на себе испытал.

П а л ё н а я ш к у р а. Век не забуду.

Л а р а. Лесные пожары попадают нам шкуру, путники бросают в нас горящими головнями. Шпионов надо уничтожать огнём. Правильно я говорю, братцы? Что скажете?

П а л ё н а я ш к у р а. Умно. Правильно, Лара!! Моя шкура знает, что такое пламя. В огонь его.

Б е л о е б р ю х о. Наше мнение разделилось. Вожак, Когтистая лапа, предложил уничтожить шпиона водой и привёл веские для этого основания. Лара предложила уничтожить шпиона огнём и тоже аргументированно. С обоими нельзя не согласиться. Так что нам делать? Какое решение принять? Может быть, спросим самого овечьего шпиона, от чего он желает принять смерть? Говорят, что последняя просьба перед смертью всегда исполняется. Особенно если выбор не велик и с одним результатом, ха-ха-ха. (над копной появилась и исчезла голова козла.) Так отчего ты желаешь закончить свою пакостную шпионскую жизнь? (Обращается к Скуде.) От воды или огня? Предлагаем на выбор.

С к у д я (в зал). От воды я точно погибну, сухая глина в воде полностью разваливается. Я это видел, когда баба Лена глину сушила, а потом замачивала водой. А вот с огнём дело иметь не приходилось. У огня есть преимущество. Сжигать будут на костре, а от него дым. Может быть, кто-то увидит, подумает,

что лес горит и придёт затушить? Шанс, конечно, есть, но маленький.

К о г т и с т а я л а п а. Так что скажешь? Тебе был задан вопрос.

С к у д я (в зал). Если я выберу огонь, не бросят ли они меня в воду? Народец- то подлый. Надо сделать так, чтобы они обязательно бросили меня в огонь. Попробую обмануть и нарочно выберу воду. Самолюбивая Лара обязательно настоит на своём, то есть на огне.

С к у д я. Я одинаково умру от того и другого, серый разбойник, но зло выбирают всегда меньшее. Так вот я предпочитаю погибнуть от воды.

Л а р а. Моя правда... Этот хитрец хочет, чтобы он намок в воде, потом высох, как моя шкура и стал прежним. Такие хитрости не пройдут! (В огонь его... – закричали волки и схватили Скудю.)

Б е л о е б р ю х о. Я видел на опушке тлеющие угли в брошенном людьми костре, нам остаётся только набрать сухих дров и подбросить в него.

Сцена пятая.

Овечье стадо.

Д а ш а (горько). Вы бездушные, бездушные, бездушные. Разве вы не видели, что он очень добрый?

Б я ш к а. У овец, Даша, есть причина сомневаться. Я тебе верю. Но и ты подумай, волки могут при-

творяться очень добрыми. Разве ты не читала сказку «Волк и семеро козлят»? Там волк тоже претворился очень добрым, и чем это дело кончилось? А в сказке про Красную шапочку... Ты, что не помнишь, как серый разбойник оделся бабушкой и обманул Красную шапочку и бабушку? Этого, дорогая, забывать нельзя. Для этого и книжки пишут, чтобы мы учились, вот. А если б мы не учились, то нас бы давно съели. Так-то милая. Не сердись на стадо. Опыт коллектива многого стоит.

Д а ш а. А если овцы ошибаются? Ведь бывают же в жизни исключения!

Э м м а (вступает в разговор). Похоже, что это ты у нас исключение, дорогая Даша. Тебе что молодых барашков в стаде мало? Вон Курчавый с тебя глаз не сводит. (Обнимает Дашу, говорит ласково, успокаивающе.) Он тебя любит. Женитесь. А мы всем стадом такую свадьбу закатим. Потом у вас появятся детки. И они будут резвиться на поляне с самой сочной и вкусной травкой. Вожак не велит ни одной овце туда заходить, бережёт эту травку для малышей.

(В стадо вбегает Скалолаз. Он возбуждён. Овцы спрашивают, что случилось?).

С к а л о л а з. Ой! Что я сейчас видел и слышал. Глазам и ушам не поверишь!!

Э м м а. Да говори ты толком, а то ни «бе», ни «ме» ни «ку-ка-ре?-ку».

С к а л о л а з. Я днём обронил колокольчик, а к вечеру пошёл его искать. Какой же я козёл без ко-

локольчика? Как отару с поля вести? Без колокольчика овцы разбредутся кто куда.

Б я ш к а. Говори ты толком.

С к а л о л а з. Дохожу я до копны сена, до той, что на краю поля стоит и – и – и ...

Э м м а. Что «и»...? Да говори ты...

С к а л о л а з. А там волки... (Пауза.)

Б я ш к а. Как же они тебя не съели?

С к а л о л а з. Съели бы, как пить дать, съели. Только им не до меня было, они шпиона допрашивали.

Д а ш а (порываясь к козлу). Какого шпиона?

С к а л о л а з. Да нашего глиняного волчонка и допрашивали. Они его за шпиона приняли, он в копне прятался.

Б я ш к а. Как за шпиона? Он же волчонок, стало быть, их породы.

Д а ш а. Да не их породы! Не их,... он обыкновенная глиняная игрушка. Я же вам говорила... (Плачущим голосом.) Они его съедят.

Э м м а. Как же они его съедят, когда он глиняный?

Д а ш а. Тогда разгрызут.

С к а л о л а з. Они хотели его сначала в воду бросить, чтоб размок.

Э м м а. Ах, как это мокро! Мы овцы не любим воду... И что же?

С к а л о л а з. Не бросили. Потасили в костёр, что на опушке леса горел. Люди, как следует не за-

тушили, вот угли и остались (Даша охает и падает в обморок.)

Б я ш к а. (укоризненно, обращаясь к Скололазу и показывая на Дашу). Нашёл о чём сказать. Ну, придумал бы что-нибудь... Дескать, он вырвался... убежал, или лучше вообще ничего бы не говорил... Экие вы козлы. У вас одна извилина в мозгах и то прямая, а ещё про овец говорят, что мы безмозглые.

С к а л о л а з (уходя). Не пойму я этих овец – то волчонка прогоняют, то по нему же слёзы льют, да ещё меня упрекают? Нашли козла отпущенья.

Сцена шестая.

Сумерки. Волки носят для костра ветки.

Явление первое.

С к у д я (притворно кричит). Не надо в костёр, лучше в воду!

Б е л о е б р ю х о. Ты шпион и предатель волчьего рода. А шпионов и предателей мы поджариваем в костре.

(Вбивают в костёр с тлеющими углями кол, привязывают к нему Скудю, обкладывает Скудю ветками и дуют на угли, чтоб разгорелись. При этом Белое брюхо обжигает немного лапу. Трясёт лапой, прыгает, воеет.)

П а л ё н а я ш к у р а. Что, лапу обжёт? Теперь ты у нас будешь не Белое брюхо, а «Палёная лапа». Ха-ха-ха.

Б е л о е б р ю х о. Посмейся мне, а то быстро сменишь имя и будут тебя называть не «Палёная шкура», а «Выдранный хвост» или «Откушенное ухо».

П а л ё н а я ш к у р а. Пошутить нельзя, сразу и драться. (Костёр разгорается.)

К о г т и с т а я л а п а. А ты, Палёная шкура, знай, как шутить. Шутки шуткам рознь. Над одними шутками смеются, а за другие и по зубам дают. А перед охотой, чтоб была удача споем нашу. Запевай, Белое брюхо. (Белое брюхо снимает гитару со спины, играет и поёт, волки подтягивают.)

Мы волки - следуем удаче;

Мы волки - любим есть и пить,

А не своруешь, как иначе?

А не своруешь, как ина-а-че?

Ну, надо же на свете жить.

На свете мы живём с оглядкой,

И своего не отдадим;

Со смертью мы играем в прятки,

Со смертью мы играем в пря-а-тки,

А волк – есть волк, хоть и один.

Волк в поле воин, хоть и одиночка;

Овец пускаем мы на шашлыки

И смерть нам выдаёт отсрочку,

И смерть нам выдаёт отсрочку-у,
Когда во рту горят клыки.

Л а р а (перебивает). Стоп, ребята! У меня идея.
(Звучание гитары обрывается).

П а л ё н а я ш к у р а (недовольно). Обязательно тебе, Лара, надо песню испортить. Могла бы и подождать.

Л а р а. Идея не может ждать. Это песню мы можем допеть, а идея она (поднимает глубокомысленно лапу вверх) есть и-де-я-я,..., дурак.

К о г т и с т а я л а п а. Говори, Лара, толком. Сама знаешь – прерывать волчий гимн нельзя, это святое.

Л а р а. Давайте не будем ждать, когда овцы подойдут завтра к копне, а обвяжемся сеном, и сами подойдём к овечьему стаду, а там уж мы с ними посчитаемся.

К о г т и с т а я л а п а. Очень умное предложение. Ты слышишь Скудя? (обращается к привязанному волчонку, тот задыхается в дыму) Завтра от твоих овец останутся рожки да ножки. Они даже и не поймут, как это всё произошло. Ай, да Лара... (Громко.) Волки! Предложение Лары – стопроцентная удача. Ради такого предложения можно и гимн прервать. Давай, Белое брюхо, продолжай (Белое брюхо снова играет, волки поют с особым настроением, воодушевленно.)

И вот погоня – всё слилось в едино,
Чему не миновать, тому и быть
И если сорвалась с зубов скотина

И если сорвалась с зубов скоти-и-на,
Нам хочется по-волчьи так завывать.

Завывать, чтоб дрожь пронзала тело
И стыла кровь от звуков ледяных;
Мы на одностволку идём смело,
Мы на одностволку идём смело-о,
Убьют ведь одного, а не двоих.

Своих подранков в поле не бросаем,
Укроют дебри нас наверняка,
А в дебрях раненых съедаем,
А в дебрях ранены-ы-х съедаем,
Чтоб выжить стае и наверняка.
Чтоб выжить стае и наверняка.

К о г т и с т а я л а п а (встаёт). Довольно... Завтра трудный день. Пошли, братцы. А ты жарься – овечий шпион. Мы жареное мясо, если ты не глиняный, тоже очень уважаем. Позавтракаем тобой и на охоту, овец драть (уходят).

С к у д я стоит среди пламени, мучается, пытается отвязаться от кола, но у него ничего не выходит.

С к у д я. Как же мне предупредить овец!? Ах, Даша... Даша... Как я устал. (Обвисает на верёвке, склонив голову.)

Явление второе.

Утро. К костру с почти сгоревшим колом и прогоревшими дровами подходит Скалолаз и овечка Даша. Пышет жаром от светящихся углей.

С к а л о л а з (показывает на костёр). Здесь волки привязали Скудю к вбитому колу и развели огонь. Видишь, кол почти сгорел, значит, сгорел и волчонок. Мы все виноваты, что не поверили Скуде, что он игрушка. У нас чёрствые сердца. Из-за нас он пошёл искать друзей среди волков, потому, что мы сказали, что раз ты волк и называешь себя волком, то иди и живи в стае. А он не волк, то есть волк, но в душе не волк.

Д а ш а (скорбным голосом). Прощай, мой друг... прощай, любимый. Ты был лучше всех на свете. Я никогда, никогда тебя не забуду (обращаясь к Скололазу). Давай соберём от костра пепел, положим в баночку и похороним то, что от него осталось.

С к а л о л а з. Мы это, милая Даша, обязательно сделаем, только не сегодня. Угли ещё очень раскалены. К обеду они догорят, остынут и уж тогда. Да и волки могут вернуться. Нам опасно здесь задерживаться...

Д а ш а (тихим голосом, слышатся всхлипы). Я останусь... Пусть они и меня съедят, как съел огонь моего Скудю.

С к а л о л а з. Так нельзя говорить. Пошли... пошли... посмотрела и хватит. А то ещё обожжёшься. Вот костёр остынет, и мы его похороним. (Берёт

Дашу за руку и уводит. Идут медленно. Даша скорбным голосом поёт.)

Зачем я встретила тебя?
Твой голос был красив и звонок?
Жила б спокойно в стаде я
Ах, милый глиняный волчонок.
Волчонок, где же ты теперь?
Зачем оставил свою Дашу?
Не жить мне без тебя поверь,
Ведь не было тебя милей и краше.

Явление третье.

После ухода Скололаза и Даши к костру подходит волчья стая.

П а л ё н а я ш к у р а. Интересно, хорошо ли зажарился овечий шпион?

Л а р а. Угли ещё очень горячие, можно обжечь лапы. Давайте сначала обвяжемся сеном и перебежками подберёмся к стаду. (Волки начинают маскироваться сеном, собираются в кучу, получилась живая копна).

К о г т и с т а я л а п а. Будем передвигаться короткими перебежками. Держаться кучнее. За мной, серые! (Волки, скупившись, в виде живой копны двигаются к овечьему стаду.)

Сцена седьмая.

Явление первое.

Овцы мирно пасутся, срывая травку.

Э м м а (обращаясь к Бяшке). Чудится мне что ли? Вроде копна с сеном дальше от нас стояла?

Б я ш к а. Конечно, чудится. Разве копны с сеном умеют ходить?

Э м м а. Конечно, не умеют. Только я смотрю, а она, вроде, опять ближе стала?

Б я ш к а. Долли, посмотри копна с сеном на том же месте стоит? а то Эмму что-то тревожит. (Овцы поднимают головы и смотрят на копну. Копна в это время не двигается.)

Явление второе.

К о г т и с т а я л а п а (из копны). Ещё одна перебежка и мы у цели.

Л а р а. Эти вислоухие даже ни о чём не догадываются.

П а л ё н а я ш к у р а. Тише вы... Замерли... В нашу сторону смотрят.

Б е л о е б р ю х о. Как бы не догадались, давай, Когтистая лапа, подавай команду на абордаж. Первых, что ближе к нам, точно утащим.

П а л ё н а я ш к у р а. Я бы вон от той молоденькой овечки не отказался.

Б е л о е б р ю х о. Тут и постарше сойдут, лишь бы голод унять.

К о г т и с т а я л а п а. Помолчи, Брюхо. Надо всё стадо порезать. А вы делите шкуру не зарезанной овцы. Лучше подготовьтесь к последней перебежке. Как только овцы нагнут головы и станут рвать траву, сразу вперед.

Л а р а. Молодая овечка, не нагибает голову и смотрит в нашу сторону, вот дрянь.

К о г т и с т а я л а п а. Главное не дать себя обнаружить раньше времени (смотрит пристально на Дашу). Ну, нагибайся же... кушай травку, кушай. Чего же ты не нагибаешься паршивка? Нагнись «милая», клыки тебе в брюхо...

Явление третье.

Неожиданно к волкам сзади подбегает Скудя. В руках он держит горящую головню и сам цветом как раскалённые угли.

С к у д я (громко кричит размахивая головнёй). Овцы! Это я, Скудя! Копна – это не копна, а волки!

Овцы бросаются наутёк, а волки бросаются на Скудю, обжигают об него лапы, скулят, сено на них загорается, Скудя бьёт волков головнёй. Волки сбрасывают с себя горящее сено и убегают. Остаётся одна волчица Лара, которая не принимала участия в драке. Она не стала сбрасывать с себя маскировку, а просто легла на землю и притаилась.

(Скудя, думает, что он один.) Вот так, серые разбойники! Обожглись на игрушечном волчонке! По-

тому, что вы неучи и не знаете того, что глина от огня только крепче становится. Да и я этого не знал, пока в огонь не попал. (Садится на камень.)

Л а р а (вальжно поднимается). Это ты палёных перехитрил, а не меня. Хе-хе-хе. Нет, дорогой, наши ожоги и бегство тебе дорого обойдутся. Теперь ты у нас поплаваешь. Прав был Когтистая лапа насчёт воды... Ты не волнуйся, мы тебя не глубоко утопим. (Трогает Скудю лапкой, не жжётся ли?) Кажется, ты уже достаточно остыл. (Связывает Скудю верёвкой и привязывает к его ногам камень.) Так надёжнее, в колодце совсем остынешь.

Толкает Скудю в колодец, потирает от удовольствия лапы. Оправившись от испуга, к Ларе подходят, поскуливая и зализывая ожоги, убежавшие волки.

Сцена восьмая.

Овцы обсуждают случившееся.

С т а р ы й Р о г о. А этот игрушечный волчонок настоящий герой. Он спас наше стадо от истребления. Хитрую ловушку придумали серые разбойники.

Д а ш а. Хотелось бы это услышать не сейчас, а тогда... (Отворачивается, вытирает слёзы.) Теперь уже поздно его хвалить.

С т а р ы й Р о г о. Прости нас, Даша. Мы сильно перед ним и тобой виноваты.

Б я ш к а. Не грусти, милая Даша.

С т а р ы й Р о г о. У тебя, Даша, есть ещё жених, Курчавый. В стаде много и других молодых барашков.

Э м м а. И то, верно. Старый Рого тебе желает только добра и мы все тоже.

Д а ш а. Вот и выходите сами замуж за Курчавого, если он вам так нравится.

Э м м а. И непременно бы вышли, на твоём месте.

Д а ш а. Вот и выходите, а меня оставьте в покое. (Отворачивается, грустно поёт.)

Чего ко мне пристали вы?

Все в стаде мне добра желают.

Дают поесть молоденькой травы

И выдать за Курчавого мечтают.

Спасибо вам рогатая родня.

За доброту, за ласку, за заботу.

В чём виновата перед вами я?

Ах, лучше б дали нам свободу.

Сцена девятая.

Явление первое.

Волки подходят к колодцу, заглядывают в него.

П а л ё н а я ш к у р а (ехидно). Что, плаваешь? Тоже мне «я Саратовская игрушка... я Саратовская

игрушка!»... удивил... Мы то здесь наверху, а ты там... И кому из нас смешнее?

Б е л о е б р ю х о. Не хвались, Палёная шкура. Было бы, чем хвалиться. Не твоя заслуга. Бежал от головни не тише нас. Лучше подёргай за верёвочку, должен уже от воды размокнуть. Вытяни верёвку, посмотрим на этого глиняного храбреца. (Палёная шкура тянет верёвку и вытаскивает мокрого, остывшего, но невредимого волчонка.)

К о г т и с т а я л а п а (удивлённо и зло). Опять осечка. Что же это такое?! Ни в огне не горит...ни в воде не размокает? Что же нам делать?

Л а р а (зло). Давайте его разгрызём. Никогда и ничего не могло устоять против волчьих зубов...

Б е л о е б р ю х о. И то верно, Лара. Даже самые крепкие кости дробят наши клыки.

К о г т и с т а я л а п а. Палёная шкура, ты среди нас всех моложе и зубы у тебя острее. Разгрызи этого глиняного нахала. Ведь тебе приходилось грызть нечто подобное.

П а л ё н а я ш к у р а. Да, вожак, мне приходилось разгрызать самую крепкую и толстую бедренную кость. Я с удовольствием поквитаюсь с этим шпионишкой. Ни у кого нет теперь никаких сомнений, что это овечий шпион? ведь он спас овечьё стадо. Мы все слышали, как он кричал и предупреждал овец об опасности. (Раскрывает пасть и кусает Скудю. Раздаётся звук «Крак». Палёная шкура хватается за щёку и выплёвывает зуб.) Мой знаменитый клык. Вау-вау-у!

Л а р а (испуганно). Он точно не глиняная игрушка, а оборотень, потому, как его ни огонь не попалает, ни вода не растворяет, ни клык не берёт.

Б е л о е б р ю х о. Братцы! Если его шкуру клыки не берут, то каковы же у него зубы?!! Бежим братцы, пока он нас не пошинковал как капусту. Верно, это хитрость, что он пока этого не сделал.

К о г т и с т а я л а п а. Бежим в Пензенские леса! И расскажем тамошним волкам, что в Саратовских лесах появился волчонок – монстр.

П а л ё н а я ш к у р а (на бегу). Может быть сразу в Тамбовские леса когти рвать! Пензенские недалеко, он до них быстро доберётся! (Убегают.)

Явление второе.

Овцы ищут Скудю. На переднем плане Старый Рого, овечка Даша и Бяшка.

Д а ш а. Мне бы его хоть один разок увидеть, хоть живого, хоть мёртвого.

С т а р ы й Р о г о. Мы тоже, девочка, все его очень любим, ведь он хоть и волчонок, хоть и игрушечный, но настоящий герой.

Б я ш к а. Я знаю волчьи клыки, ничего не может устоять против них. Мне и бабушка об этом говорила.

Д а ш а. Не говорите... не говорите... не говорите. (Закрывает уши.) Волчьи клыки... волчьи клыки.

Только и твердят про эти волчьи клыки. А он жив-жив. Я в это верю...

Б я ш к а. Хотелось бы и мне верить, дорогая племянница, только жизненный опыт мне говорит о другом.

С т а р ы й Р о г о. Я, кажется, чего-то нашёл интересенькое.

Поднимает что-то, рассматривает. К нему подходят Бяшка и Даша.

Д а ш а. Что это такое Рого?

Б я ш к а. Вот сразу видно, что ты очень молодая. Это самый настоящий волчий клык, редкая находка, он украсит наш овечий музей.

Д а ш а (обрадовано). Значит, Скудя им оказался не по зубам. Я же говорила... говорила... говорила!! Мы его обязательно найдём!!

Б я ш к а. Может быть Скудю опять волки бросили в костёр?

С к а л о л а з. Нет, они про воду что-то тогда говорили.

Д а ш а. Давайте поищем у колодца.

Идут, подходят к колодцу и видят связанного мокрого Скудю. Даша сразу бросается к нему, ощупывает, цел ли?

Любимый мой, ненаглядный. Я всю ночь не сомкнула глаз, думая о тебе. Как ты себя чувствуешь? Что ты здесь делаешь? Разве ты не сгорел?!

Б я ш к а (кричит). Овцы! Мы нашли глиняного волчонка!! Идите сюда-а!

С к у д я. Милая Даша. Я жив и почти здоров. Этот волчий сын Палёная шкура очень сильно сдавил меня своими клыками. (Весело.) Я даже думал, что расколуюсь пополам.

Д а ш а. Я умерла бы со страха. Как же ты выдержал?

С к у д я. Милая моя Даша. Разве мог я погибнуть, когда у меня есть ты?

С т а р ы й Р о г о. Да развяжите вы его, глупые овцы.

Б я ш к а. И правда глупые. (Развязывают.) Ты такой мокрый, прямо пропитан водой?

С к у д я. Всё хорошо Даша. Мы вместе, опасности позади. (Гладит её по руке, поёт.)

Не будем вспоминать плохое,
Зачем нам в жизни этот негатив.
Ведь главное любимая – нас двое,
А волки это прошлого мотив.

Зачем нам думать о вчерашнем:
Про страх, голодный вой и суету,
Давай хранить очаг домашний
И в жизни воплощать свою мечту.

С о р о к а (подлетает, взмахивает крыльями и трещит). Я всё видела... я всё видела... я всё знаю. Тре-ке-ке... Он герой, он настоящий герой. И очень скромный... Его жгли – не сожгли, мочили в воде – не размочили, пробовали на зуб – поломали клыки. Я всё видела. Тре-ке-ке. Волки его называли

«Овечьим шпионом» и от испуга дали дёру в Пензенские леса.

Б я ш к а. Ах, вот почему он мокрый – его опустили в колодец. Ну не мерзавцы же эти серые. (Скудю обступают овцы.)

Голоса. «Ему надо дать самой вкусной травки», «ему надо постелить самой мягкой шерсти, чтобы он на ней хорошо отдохнул и залечил свои раны», «Его надо напоить целебным козьим молоком».

С к у д я. Пожалуй я не откажусь только от козьего молока.

Д а ш а. Почему милый? Разве тебе не хочется полежать на мягкой тёплой шерсти?

С к у д я. Ты забываешь, что я, всё таки, самая настоящая глиняная игрушка, а глиняной игрушке мягкая постель не нужна.

С о р о к а. Игрушкам, которые побывают в огне, в игрушечном царстве присваивается титул – «Керамический». С этого дня, он не просто глиняная игрушка и не просто глиняный волк, а «керамический волк», звучит правда? И теперь он совсем-совсем не боится воды. После того, как Скудя побывал в огне, ему вода не страшна. Только вот баба Лена всегда игрушки, после изготовления, обливает молоком, после этого они становятся блестящими и не боятся пыли.

Д а ш а. У нас у овец пыли всегда хватает. Милый! Тебя, надо обязательно облить молоком. Я сейчас. (Собирается уходить.)

Б я ш к а. Не спеши, Даша, я о молоке уже позаботилась (показывает на бочонок). Скудю опускают в бочонок с молоком, затем вытаскивают. Скудя становится блестящим и ярким).

Д а ш а. Какой ты у меня стал интере-есный.

С к у д я. Как интересный?

Д а ш а. Такой важный. И эти на тебе штампиковые узоры раньше не так выделялись.

С к у д я. Они были мало заметны потому, что я не побывал в огне и закапанная в штампиковые углубления глина не стала от огня коричневой.

Э м м а (подходит). После молочной купели, цвета стали более сочными. Вы такие пригоженькие, что вас впору под венец (радостно улыбается). Какой же ты теперь Скудя? ты теперь не Скудя, а «ЗОЛОТКО», видишь какой у тебя цвет золотистый. Овцы! Давайте Скудю звать «Золотко»!

Д а ш а. (обращается к Скуде, с тревогой в голосе) Ты что так погрустнел?

С к у д я. Я вспомнил об игрушечнице бабе Лене? Она меня поставила сохнуть, а я сбежал без спроса, а это нехорошо. Мне стыдно за такой поступок. К ней надо пойти и попросить прощение. (Расстроен, прижимает платочек к глазам.) Она, наверное, меня ищет.

Э м м а (укоризненно). Разве герои плачут? (Обращается к стаду, с недоумением и иронией.)

С т а р ы й Р о г о (громко). От стыда, Эмма, все плачут. Потому, что это душа плачет. И только из самых чёрствых душ слезу не выдавить. Волк никогда не заплачет, потому что погрязла его душа в

злобе и нет в ней сострадания ни к слабым, ни к убогим. Теперь я верю, что Скудя, самая настоящая глиняная игрушка, потому что он умеет переживать. Главное в игрушке, что она умеет сострадать и принимать боль и сердечную тяжесть на себя и не важно, взрослый это или ребёнок, этим она всем и мила.

Овцы уходят, остаётся Бяшка, Скудя и Даша.

Д а ш а (поёт).

Какой же ты хороший,
Какой же ты красивый
Совсем, на волка не похож.
Ты даже очень милый
И ты совсем не серый
Ты, попросту, ты попросту пригож.

Ведь я тебя не знала,
Ни разу не встречала,
Теперь, совсем наоборот.
Ты наш теперь спаситель,
От серых избавитель,
Ты слышишь, как ликует наш народ?

С к у д я (поёт).

Ах, милая барашка,
Любимая рогашка,
С тобою будем мы всегда.
Куда б мы не попали,
Чего б не увидали,
Мы не поссоримся нигде и никогда.

Вместе:

Мы не поссоримся нигде и никогда! (Смеются.)

С к у д я (восторженно). Знаешь Даша! Я самая счастливая глиняная игрушка на свете!

Д а ш а. Почему, милый?

С к у д я. Потому, что у меня есть ты.

С к у д я обнимает Дашу и прижимает к себе. Бяшка накидывает влюблённым на плечи свой платок. Скудя и Даша медленно уходят

Б я ш к а (провожая их взглядом). Я же всегда говорила, что настоящая любовь ничего не боится: ни воды, ни огня, ни клыков, ни каких других напастей! (К ней подходит Старый Рого.)

С т а р ы й Р о г о. Мы все в этом теперь убедились, дорогая Бяша.

Б я ш к а. Счастливые они,.. я рада за них. (Улыбается, глядя им вслед.)

С т а р ы й Р о г о. Я тоже очень рад. Только и мы с тобой, Бяша, ни несчастные. Ты же знаешь, что я одинок и ты тоже. Давай выходи за меня замуж. Хоть мы уже и пожилые, да вместе всё веселее.

Стоят, смотрят друг на друга и не говоря ни слова, поворачиваются и, взявшись под руку, уходят следом за Скудей и Дашей.

Явление заключительное.

Выходит игрушечница баба Лена, за ней ковыляет сорока.

Б а б а Л е н а. Вот все и разошлись, чуть-чуть не успела, куда ж мне старой до молодых... (Переводит дыхание.) Я вот о чём подумала, когда шла: «А не завести ли мне овечек? Это я раньше боялась, ша-

лили в округе серые. Так, наверное, и сделаю». (Уходит негромко напевает песенку.)

Овцы по полю гуляли,
Берегли своих ягнят,
Волки в Пензу убежали
Не воротятся назад.

С о р о к а (в зал). И как это она о глине ничего не сказала? Просто удивительно. Такого раньше никогда не было.

Б а б а Л е н а (останавливается). Вот старая – голова дырявая, забыла сказать. (В зал.)

Я вам вот чего советую – обязательно лепите из глины. Она для всякого здоровья полезная. Ещё я вам по секрету скажу, эту пьесу для вас написал тоже игрушечник, а он толк в глине знает. (Уходит, напевая.)

Волки в Пензу убежали,
Не воротятся назад.

С о р о к а. А я чего говорила... (Разводит крыльями.). Вот теперь всё в порядке. А что касается овец. Знаю, как она их заведёт. Сейчас придёт, замесит глины и слепит их десяток, другой саратовских, ямчатых. Малым деткам на радость, а старикам на утеху. Вот теперь конец. Тре-ке-ке-ке!

ДЕРЕВЯННОЕ КОПЫТЦЕ

(повесть-сказка для детей)

1. Каникулы в деревне.

На каникулы Павлика обычно отправляли к дедушке. Эх, и раздолье же было в деревне! Но особенно нравилось мальчику играть за столярной мастерской деда. Сядет он там под навесом на штабеле аккуратно сложенных бревен и представляет себя то отважным разведчиком, то путешественником, с которым обязательно приключаются всякие необыкновенные истории.

Дикие вишни и терн, густо разросшиеся вокруг, были единственными хранителями его тайн. Отсюда Павлик совершал походы по многочисленным, заросшим бересклетом, шиповником и полынью оврагам и заброшенным старым садам, пугая неожиданным появлением стрекоз, ящериц и других обитателей этих укромных мест.

— Ша-шки-и к бою-ю! — кричал он, завидев притаившуюся в кустах крапиву, и, вытащив из ножен сделанную дедушкой деревянную саблю, смело рубил коварную траву. Из таких сражений он всегда выходил победителем. Случалось, что в пылу схватки отдельные стебли больно обжигали ноги и Павлик, потирая ожоги, спускался на дно оврага, где бежал холодный ручей. Там к обожженным местам он прикладывал прохладные листья мать-и-мачехи и ждал, когда утихнет зуд и жжение.

Но больше всего мальчик любил сидеть у дедушки в мастерской и смотреть, как ловкие жилистые руки деда выделывают чудеса из тех самых брёвен, что сложены под навесом. Забежит Павлик в мастерскую, сядет где-нибудь в уголке и молчит. Обычно молчит и дедушка, но иногда вдруг заговорит тихонько, посвящая внука в разные премудрости своего ремесла.

— Дерево слушать надо,— говорил он хрипловатым голосом,— потому как оно тоже язык имеет, только язык свой, особенный. Его понимать надо.

Очень любил Павлик своего деда, да и у всех мальчишек в деревне дедушка Захар пользовался

особым уважением. Он мог каждому по свистку сделать или по луку со стрелами. А по весне смастерил маленькую водяную мельницу, установил на ручье — так не только малыши, но и взрослые пришли посмотреть, как крутится водяное, с красными лопастями колесо, а бородатый игрушечный мельник поднимает и опускает, устроенную в плотине задвижку, спускает скапливающуюся в запруде воду, чтобы не полилась через верх.

Делал дед Захар и другие штуковины. Смастерил, например, загадочных деревянных молотобойцев, попеременно тюкающих миниатюрными молотами по деревянной наковаленке, или дерущихся деревянных петушков.

«Конечно, дедушка всё умеет,— думал Павлик,— но чтобы язык дерева знать—враки». Он учился в школе и знал, что никакого деревянного языка нет и быть не может. Насчет того, что дерево живое, тоже сомневался: когда оно с листьями, когда растёт и ветви его колышутся — может, и живое, а так — спиленное да сухое... здесь и разговоров не может быть.

— А что, деда, бревно разве тоже живое? — спрашивал Павлик, сомневаясь в дедушкиных словах.

— Конечно, живое, обязательно живое,— серьёзно повторял дед и добавлял, улыбаясь: — Только слышать его голос и понимать не каждому дано...

В такие минуты Павлик верил и не верил деду, смекая про себя: а уж не разыгрывает ли он его как

бывало, принимая за маленького? Кто-кто, а уж он-то знал, как шутит дедушка. Пошутит, потом смеётся:

— Ну что, поверил? Вот как я тебя: раз — и вокруг пальца, впредь наука, рот не разевай, держи ухо востро, всё на веру не бери, вера хорошо, а знать не мешает, на то тебе и голова дана, семь раз проверь, а потом верь.

— Да я думал...— начинал оправдываться Павлик.

— Индюк думал — да в суп попал. Потому его думам и цена — грош,— говорил дедушка.

Павлик на дедушку всё равно не обижался. Было, правда, иногда очень досадно, но не за шутки и розыгрыши, а за свою непонятливость.

— А ты, внучек, слушай, да на ус мотай,— продолжал дедушка.

На ус Павлик ничего ещё мотать не умел, да и усов у него не было, но старался запомнить каждое слово.

Когда ему надоедало сидеть в мастерской, он шёл к другу Генке Зюзюкину. Хотя они были и одноклассники, но Павлику всегда казалось, что Генка намного старше его, может быть, даже на целый год или два. Он умел запрягать лошадь, ездить верхом, не боялся мазавинского петуха и вообще был более сообразительный и бесстрашный. К тому же у его отца был мотоцикл, и Генка время от времени лихо катил на нём по деревенской улице, а когда не видел отец, сажал на заднее сиденье и Павлика.

В хорошую погоду они чаще всего занимались ловлей гольцов в овражных омутах или карасей на колхозном пруду. Когда же надоедало и то и другое, то шли на полевой стан, в надежде, что Генкин отец — дядя Миша — прокатит их на своём голубеньком «Беларусе». Когда тот работал на ближних полях — обязательно брал их в кабину. Если работа была несложная, то он давал обоим немного порулить.

И здесь у Генки получалось лучше. Руль у него в руках не прыгал, трактор не рыскал из стороны в сторону, как у Павлика. После таких проб Генка утешал друга:

— Ладно, чего там, дернул разок, бывает.

И обычно рассказывал какую-нибудь смешную историю, подчас тут же им и придуманную. А если Павлик не верил в то, что сочинил друг, Генка говорил: «Ладно, больше не буду» — и тут же рассказывал что-нибудь более фантастическое и уверял, что это правда.

В ненастные же дни они обычно сидели дома и играли в шахматы или в морской бой. Сначала играли в шахматы, где Генка обычно выигрывал, а потом в морской бой, где больше везло Павлику. Сам Павлик считал, что в морской бой он выигрывает потому, что здесь Генка не мог мухлевать. Друг он, конечно, был хороший, но вот чтобы не передвинуть незаметно пешку на другое поле или твою отодвинуть, без этого никак не мог. Иногда Павлик ловил его с поличным, и тогда вспыхивал спор. На шум приходила бабушка. В ненастные дни она не

возилась, как обычно, на огороде, а сидела за прялкой. Заслышав спор, она молча поднималась и убирала шахматы на шкаф. На этом спор заканчивался.

Если же дома был дедушка, он внимательно выслушивал того и другого, давал советы, как лучше сидеть за шахматной доской, как передвигать фигуры, чтобы у соперника не возникло подозрения в твоей нечестности.

— Взятся — ходи, — говорил он, — желаешь попра-
вить фигуры, говори: «Поправляю».

Шахматы, в которые играли Павлик с Генкой, были старые. Из всех фигур Павлик особенно не любил облупленного, с отколотым ухом чёрного белопольного коня. Тот всегда, когда Павлик играл белыми, устраивал его фигурам вилки. То есть занимал на доске такое положение, откуда грозил убить две фигуры белых. Убивал, как правило, одну наиболее важную и часто оставался безнаказанным.

— Вот если бы не было этого корноухого коня, я бы у тебя обязательно выиграл, — говорил он обиженно.

— А у тебя что, коня нет? — парировал друг.

— Мой конь честнее твоего и не такой наглый. Он добрый.

— Ещё кому не скажи, куры засмеют. Шахматы есть шахматы.

Так обычно заканчивалась каждая игра. После поражения Павлик начинал думать, что вот бы хо-

рошо знать какое-нибудь волшебное слово или шахматную тайну, чтоб Генку обыграть.

Дни летели за днями. И вот однажды сидел Павлик на своем излюбленном месте за мастерской, на небольшом брёвнышке, и смотрел, как похожие на чёрные стрелы стрижи ловят мошек. Ему было скучно:

дедушка делал какую-то срочную работу, Генка тоже куда-то с утра исчез и не появлялся, бабушка вязала. Ловить рыбу Павлику не хотелось, да и какой клёв в такую жару.

От нечего делать он взял перочинный ножичек и стал вырезать на бревне свое имя. Бревно было мягкое, и лезвие без больших усилий входило в древесину. Павлик вырезал уже вторую букву, как вдруг ему показалось, что бревно под ним зашевелилось. Однако Павлик не придавал этому никакого значения — мало ли что может показаться, тем более что бревно лежит не одно, а в ярусе, возможно, оно действительно сместилось.

Павлик уселся поудобнее и принялся за следующую букву. Только он вогнал лезвие в древесину, как раздался треск, и Павлик, отлетев в сторону, упал в крапиву, а бревно откатилось в сторону.

Испуганный и обожжённый, Павлик с громким плачем выскочил из зарослей крапивы. Когда прошёл первый испуг, и он немного успокоился, ему пришла в голову страшная мысль: «А вдруг это бревно, по которому ползёт божья коровка, и бегают длинноногие паучки, действительно живое?»

Ведь когда он смиренно сидел — оно совсем не шевелилось, но как только стал тыкать в него ножичком — оно ожило.

Павлик осторожно подошёл к бревну и стал его внимательно разглядывать. Сук, торчащий неподалёку от торца, напоминал нос, а срубленные по бокам бревна сучки — глаза. Он попытался определить возраст дерева по годовым кольцам, как его учил дедушка, но торец бревна до того посерел от времени, что по нему теперь вряд ли что можно было определить. Тогда Павлик решил спилить краешек бревна и по чистой древесине определить его возраст, но тут же со страхом отверг это решение.

«Если оно от ножа так прыгает, то от пилы-ы-ы... Здесь и подавно добра не жди», — подумал он и решил найти Генку и вместе с ним обследовать бревно.

На его счастье, Генка был дома — возился во дворе с мотоциклетной камерой.

— Я тебя ищу, где ты пропадаешь? — набросился он на Генку.

— Ничего и не пропадаю, просто с утра поехали с отцом покосы смотреть и колесо прокололи, вот дырку ищу, — и он кивнул на камеру. — А ты чего такой? — Генка бросил взгляд на исцарапанные руки и ноги Павлика. — С мазавинским петухом на кулачках, что ли, сходился?

— Сам ты с петухом на кулачках сходился, — буркнул недовольно Павлик и поведал другу о случившемся.

— Ври,— сказал Генка, выслушав сбивчивый торопливый рассказ друга.— Ты, кажется, уже совсем... того.— И Генка покрутил пальцем у виска.

— Сам того,— парировал Павлик.— Ты лучше, если не веришь, сядь на это бревно, да ткни в него ножом.

— Ладно, пошли посмотрим, чего тебя там напугало.— И они направились к мастерской, но бревна на том месте не оказалось. Друзья обшарили вокруг все закоулки, бревно как сквозь землю провалилось.

«Видно, правду говорил дедушка, что дерево живое»,— думал Павлик, не обращая внимания на насмешки друга по поводу таинственного исчезновения бревна.

Дни шли за днями. Ссадины на коленях у Павлика почти зажили и он постепенно стал забывать тот странный случай. Вскоре из города приехала сестра Вера. Она была старше Павлика, уже закончила школу, и готовилась поступать в институт. Когда Павлик пришел с рыбалки, она вместе с дедушкой и бабушкой обедала. Вера, по-видимому, рассказывала что-то интересное и весёлое, потому что бабушка смеялась и никто не заметил, как он вошёл. Первой его увидела Вера.

— Пашенька, как ты вырос,— подошла Вера, разглядывая Павлика,— правда, бабуль?

— Конечно,— подтвердила та,— молочко парное прямо из-под коровки пьёт, огурчики с грядки, водичка колодезная, а не из труб.

Вера подошла, обняла и поцеловала брата, при этом Павлик сконфузился и стал вырываться из Вериных рук. Ох уж ему эти девчачьи нежности. Конечно, Павлик был рад приезду сестры, но не очень, с бабушкой и дедушкой он чувствовал себя вольготнее.

«Теперь следить будет,— подумал он,— кончилась вольная жизнь, этого не трогай, туда не ходи, сюда не лезь».

— Да ты смотри,— продолжала говорить Вера— он здесь у вас уже совсем взрослым стал. А бабушке-то с дедушкой помогаешь?

— А как же,— вступилась за внука бабушка, — обязательно помогает. Я уже и забыла, как корову встречать: это его дело. Телёнка за огородом к колышку привязывает тоже он, а на огороде у него есть собственная грядка с огурцами и морковью.

— Молодец,— похвалила Вера.

— Да разве это помощь,— буркнул в ответ Павлик, не любивший, когда его вот так, при всех, хвалят.— Подумаешь, ведро воды принести.

— Ладно, ладно, смутили парня,— бросил дедушка, и на этом дальнейшие расспросы и похвалы прекратились. Вера только вспомнила, что скоро у Павлика день рождения, и сказала, что папа с мамой кое-что прислали ему в подарок.

После обеда она взяла книги и пошла в сад, чтобы ей никто не мешал готовиться к экзаменам, дедушка ушёл в мастерскую, а бабушка на огород.

Павлик скучал недолго.

Почти сразу пришёл Генка и предложил сразиться в шахматы. Тем более что погода после обеда сломалась, подул ветерок, набежали тучки, стало как-то сумрачно и неуютно.

Сыграли одну партию, другую. Павлику не везло. Он дал себе слово, что третью выиграет обязательно, но в самом начале игры зевнул пешку, настроение у него упало, и дальше играть не хотелось. Он снова начал думать о том, что вот хорошо бы знать какое-нибудь волшебное слово или шахматную тайну, чтобы Генку обыграть, а потом и вообще стать чемпионом, чтобы никому никогда не проигрывать.

— Чего без толку играть? Неинтересно. Ты совсем не сопротивляешься! — возмутился Генка.

— Вот была охота гонять по доске коня из чурки, — буркнул Павлик.

После чего Генка, не доиграв, ушёл, а Павлик, ещё немного помечтав и погрузив, пошёл играть с котом Мурзиком.

Забавляясь с котом, он и не знал, что через какую-то неделю жизнь его круто изменится, наполнившись событиями удивительными и необыкновенными.

2. Деревянное копытце.

Приближался, день Павликова рождения. Павлик любил это событие, как и всякий из его сверстников, ибо в этот день ему дарили подарки. Отец,

например, в прошлом году подарил ножичек, а дедушка сделал пенал. Ни у кого в классе не было такого великолепного пенала. Пенал этот был с секретом. Кто не знает, ни за что не сможет его открыть. А самым замечательным было то, что он не куплен в магазине, как у всех, а сделан его дедушкой. Вот и на этот раз старый мастер обязательно подарит Павлику что-нибудь интересное.

И вот он этот долгожданный день. Проснувшись утром пораньше, Павлик сразу увидел рядом со своей кроватью дедушкин подарок. Конечно, это был необыкновенный подарок! Такого Павлик просто не ожидал: рядом с кроватью стоял самый настоящий шахматный столик! Полированная поверхность столика блестела от падающих на него солнечных лучей. В крышку его были заполированы белые и чёрные квадратики, образующие вместе большой квадрат шахматной доски.

Павлик посчитал квадратики, их было ровно шестьдесят четыре. Он потрогал каждый, подивился на резные ножки столика и только потом заметил под крышкой небольшой выдвигающийся ящичек с врезанным в него маленьким замочком, который запирался крохотным деревянным ключиком. Этот ключик висел тут же на шёлковом шнурочке.

Павлик любовался ключиком, потом вставил его в замочную скважину, повернул и легким усилием выдвинул ящичек. Теперь он был удивлён ещё больше. Всё дно ящичка было также набрано из

чёрных и белых квадратиков, представляя собой небольшую шахматную доску. На этой доске ровными рядами и точно на своём месте стояли шахматные фигурки.

Но что это были за фигурки! Вместо фигур-символов, что представляют собой обыкновенные шахматы, в которые до этого играл Павлик, здесь находились настоящие фигурки белых и чёрных рыцарей. Павлик увидев их не мог не вскрикнуть от восторга. Особенно ему понравился белый деревянный рыцарский конь с полированным миниатюрным седлом, в котором восседал крошечный деревянный рыцарь в воинских доспехах. Вся его деревянная одежда была сработана очень тонко и казалась настоящей. Того и гляди, рыцарь поднимет копье, пришпорит коня и поскачет.

— Ну как внучек, понравился тебе подарок? — спросил дедушка, входя в комнату.

— Дедуля, знаешь, я никогда... никогда не буду проигрывать в такие чудесные шахматы,— выпалил Павлик первое, что пришло ему на ум.

— Что ж, добре, добре,— сказал дедушка,— только не хвастай, не люблю когда хвастают. Прежде чем победить другого, научись побеждать самого себя.

— Как это, дедуля? — спросил обескураженный Павлик.— Разве можно с самим собой играть?

— Играть, может быть, и нельзя,— прищурился дедушка,— а сражаться с собой и побеждать себя можно и нужно, без этого ни чемпионов, ни на-

стоящих мастеров не бывает. Победить надо в себе трусость при встрече с более сильным противником, победить надо зазнайство и хвастовство – они всегда будут стараться вселиться в твою душу после побед, победить надо зависть к чужим успехам. Если ты всех этих личных врагов в себе одолеешь, то победа в шахматы к тому приложится.

Когда дедушка ушёл, забежала Вера, поздравила Павлика с днём рождения и подарила большой альбом для марок. Полюбовалась шахматным столиком, похвалила дедушкину работу.

— Ты знаешь, Вера, я решил никому и никогда не проигрывать в такие шахматы.

— Ох, и хвастунишка же ты,— сказала сестра.

— Ничуть и не хвастунишка,— обиделся Павлик, вспомнив наказ деда. — Попробуй выиграй в старые шахматы, когда там у белого коня даже ухо отколото. Разве может он быть полноценным боевым конём? Потом, чёрная пешка вообще потеряна, а вместо неё стоит пустая шпультка от ниток.

—Ладно, ладно, посмотрю я, что у тебя из твоих обещаний выйдет.

«И она меня не понимает»,— подумал Павлик и направился к Генке. Ему не терпелось похвастать подарком, а ещё больше хотелось поиграть с ним в новые шахматы и обязательно выиграть. Генку он в этот день так и не нашёл, а вечером лёг пораньше спать, чтобы скорее наступил завтрашний день и объявился Генка.

Часов в одиннадцать вечера Павлик проснулся от какого-то шороха и подумал, что это Мурзик, но, прислушавшись, понял, что шорохи доносятся не с пола, а со столика. «Вот уж на столик забрался, плут»,— испуганно подумал Павлик и соскочил с постели, чтобы прогнать кота.

На шахматном столике Мурзика он, однако, не нашёл а, к немалому своему удивлению, обнаружил, что кот здесь ни при чем, что странные звуки доносятся из самого столика. Павлику стало немного страшно, но любопытство взяло верх, и он осторожно приложил руку к ящичку. Так и есть! Внутри столика что-то скреблось и шуршало.

«А вдруг туда забралась мышь,— мелькнуло у Павлика в голове,— и сейчас грызут там шахматные фигурки, а он стоит и ничего не предпринимает, чтобы их спасти?» Павлик решил действовать. Он побежал на кухню, в темноте споткнулся, больно ударился коленкой, нашёл спящего кота, принёс в свою комнату, и, посадив на столик, с тревогой в голосе прошептал:

— Смотри, Мурзик! Смотри, там мыши.— И резким движением выдвинул ящичек.

На какое-то мгновение в ящичке вспыхнул и погас яркий свет, Павлик зажмурился. Кот тем временем прыгнул, схватил из ящичка свою добычу и, урча, убежал, а Павлик со страхом тут же задвинул ящичек на прежнее место.

«Знать, и правда были мыши,— подумал он, ложась в постель,— но откуда же взялся там такой

яркий свет?» Павлик долго не мог уснуть, всё лежал и думал о мышах и загадочном свете. Наконец сон начал одолевать его, и тут вновь послышались странные шорохи, перешедшие в стук, похожие на конский топот, только очень тихий.

Павлик на цыпочках подошёл к столику и решил всё-таки проверить, что же там такое? Подошёл и не поверил своим глазам... По белым и чёрным квадратам на столике, тихонько позвякивая стременами, скакал белый деревянный конь. Полированное деревянное седло его поблескивало в свете луны, а маленькие деревянные копытца бойко стучали: тук-тук... тук-тук...

— Вот это да! — выдохнул от удивления Павлик, склонившись над конём.

Конь, казалось, был чем-то взволнован и продолжал скакать и стучать копытцами. Павлику стало жаль шахматного коня, и он, стараясь его не испугать, проговорил:

— Не бойся меня. Я Павлик. Я хочу тебе помочь. Случилось что-нибудь?

Конь, услышав над собой голос, остановился и, встав на колени передних ног, неожиданно заговорил человеческим голосом :

— И-о-го-го, мальчик Павлуша! Несчастье свалилось на мою конскую голову. После того как неожиданно открылось небо над нашим королевством, исчез рыцарь, который сидел в моём седле. Но если ты хочешь помочь мне, то найди этого рыцаря,

и тем самым сослужишь великую службу белому шахматному королевству и всему шахматному роду.

— Что ты говоришь? Какое шахматное королевство, какой шахматный род? — спросил удивлённый Павлик, а про себя подумал: «Рыцаря-то ведь действительно на коне нет».

— Мне, мой юный друг, сейчас некогда объяснять, ибо у нас и так очень мало времени, но знай: если ты поможешь мне, то я не останусь в долгу. А теперь торопись, мальчик Павлуша!

— Постой, постой,— остановил коня Павлик,— значит, рыцарь сидел на твоей спине, а после того, как я выдвинул ящичек, он куда-то исчез?

— Да-да,— закивал головой конь, позвякивая уздечкой.

Павлик задумался. Он понял, что сам виноват в исчезновении рыцаря. Нечего было открывать ящичек в ночное время, теперь именно он должен исправить положение и помочь белому коню. Павлик стал искать пропажу.

Он искал рыцаря во всех уголках комнаты: лазил под кровать, заглядывал под диван, но рыцарь не находился, его нигде не было. После долгих и бесплодных поисков Павлик догадался, что рыцаря утащил, наверное, кот Мурзик. Теперь он стал искать невесть куда пропавшего кота, но кот тоже не находился. В комнате его не было, на кухне тоже, дверь в спальню к дедушке была закрыта.

Павлик вернулся к себе в комнату и поведал коню о пропаже рыцаря, отчего тот горько заплакал.

Из глаз его катились слёзы-росинки. Павлик стал утешать его, говоря, что днём он обязательно найдёт деревянного рыцаря, но конь не переставал плакать, повторяя, что всё равно всё пропало.

— И-го-го, погибель на мою голову,— причитал конь,— что я скажу моему королю, что я скажу своему народу? Я скажу им, что они обречены на бездействие и смерть только по воле случая, чудовищного, не поддающегося никакому осмыслению, стечению обстоятельств. Павлуша!! Гибнет величайшая шахматная империя только потому, что какое-то неумное лохматое животное вторглось в пределы государства и неизвестно ради чего, не осознавая того, что делает, уничтожило разумное начало. Что значит утащить рыцаря? Это всё равно что взять и вытащить из хорошо отлаженного часового механизма шестерёнку — и часы встанут. Я понимаю, для тебя, мой юный друг, всё что я говорю — непонятные вещи, но ты, Павлуша, просто пока поверь мне на слово. И не говори никому, что ты видел этой ночью! Иначе ты принесёшь ещё большее несчастье моему шахматному народу.

— Я никому, никому не скажу,— заверил коня Павлик.

— А, в общем, мне уже терять нечего,— сказал конь,— через пять минут ударят часы, и я, как и мои товарищи, навсегда превращусь в простую деревянную игрушку,— он уронил голову.

— Так объясни же толком — в чём дело?

Конь, стараясь подавлять переполнявшие его эмоции заговорил:

— В этом шахматном столике, в моем доме, находятся два могущественных шахматных королевства: белое и чёрное. В эту ночь они вели между собой сражение, но ты его прервал. Через считанные минуты это сражение вновь должно возобновиться, но в белом королевстве не будет хватать одного рыцаря, и поэтому... и поэтому,— голос его задрожал,— мы не только обречены на позорное поражение, но по законам наших государств и на полную неподвижность.

— Как? — удивился Павлик.— Только из-за того, что у вас не будет хватать одного воина, вы не сможете вести войну? На вас не нападут?

— Да, мой мальчик,— ответил конь, гордо и высоко подняв голову,— наше шахматное государство, в отличие от ваших государств, никогда не нападает на более слабое. Никто ни на кого не нападет если у противника не будет хватать только одного рыцаря. Таковы наши шахматные законы. В этом бою решается судьба длинной рокировки, а я с моим седоком находимся на самом ответственном участке, и если нас там не будет к началу схватки, то сражение просто не состоится. Я понимаю тебя, Павлуша, тебе трудно поверить, что в этом ящике находятся два могущественных деревянных королевства, которые тысячу лет назад уединились, чуждаясь людей, чуждаясь их зависти, хвастовства и корысти и, благодаря этому, намного опередили человеческий род в

шахматном мастерстве, но в то же время, как видишь, оказались беззащитными. Эти шахматные королевства — великие труженики великой шахматной науки. Они не могут существовать друг без друга. Каждое шахматное открытие у них проверяется игрой-сражением.

— Послушай! — вдруг сказал Павлик.— Я бы очень хотел посмотреть на эти королевства. Я даже мог бы на время заменить пропавшего рыцаря, только вот как я смогу уместиться в этом ящичке?

— И-о-го-го! Я так и знал, что в тебе бьётся доброе и чуткое сердце! — вскричал конь.— Ты храбрый мальчик! Твоя помощь нужна именно сейчас. Ни минуты промедления! Сию секунду я превращу тебя в рыцаря. Запомни: зовут меня в королевстве — «Деревянное копытце». Так впредь меня и зови. Дело в том, что у нас в войске есть ещё один белый конь, мы с ним как две капли похожи, только он чернополюный, и копытца у него, в отличие от моих, чёрные, из ореховой скорлупы...

Деревянное копытце ударил три раза ногой о шахматную доску, и Павлик превратился в маленького рыцаря. Правда, сам Павлик не стал деревянным, но доспехи он имел деревянные и ростом при этом был такой же, как и остальные рыцари в шахматном столике. Он посмотрел на свои крошечные руки и ноги и засмеялся. Смех его прозвучал не как обычно, а много тише. Павлик хотел было снять с

головы шлем и получше его рассмотреть, но конь его заторопил. Он встал на одно колено, приглашая Павлика садиться. Павлик сунул одну ногу в деревянное стремя, другую перекинул через спину Деревянного копытца и очутился в седле, казавшегося ему раньше таким крошечными и смешным.

Деревянное копытце, как только почувствовал на себе всадника, сразу же сорвался с места и галопом поскакал по белым и чёрным полям шахматного столика. Он скакал так быстро, что внизу поля слились в одну серую ленту и от них зарябило в глазах. Павлик изо всех сил вцепился в конскую гриву, боясь свалиться. Они скакали в шахматное королевство.

3. Шахматное королевство.

Вскоре Деревянное копытце остановился, и Павлик увидел, что они стоят на белом поле, у самого края шахматной доски. Конь ударил три раза о крышку столика ногой, и, к немалому удивлению Павлика, белый квадрат, вроде лифта, пополз вниз. Спуск длился недолго. Вот лифт обо что-то легко стукнулся и остановился. В тот же миг перед Павликом открылась большая ярко освещенная комната - зала. Как только они сошли с белой клетки, лифт тут же пополз вверх.

Лампочек или каких-либо других светильников Павлик в зале не увидел. Свет струился из бирюзового высокого свода над головой. Он мягко освещал

без единой тени резные стены и полированный пол. Пол был набран из белых и чёрных квадратиков. Стены же были украшены, только более мелкими жёлтыми и коричневыми клетками, которые были искусно вырезаны. Каждая клетка вырисовывалась чётко и ясно. «Инкрустация – подумал Павлик, здорово как».

Не успел Павлик как следует осмотреться, как конь куда-то поскакал. Тут было не до осмотров, пришлось крепко вцепиться в луку седла, чтобы не упасть. Вскоре они очутились в строю шахматных фигур. Теперь эти фигуры, когда он был таким же маленьким как и они, для Павлика были не беззащитными игрушками, а грозными воинами.

По левую руку от Павлика стояла на колёсах ладья-крепость. Верхняя её часть имела форму площадки, обнесённой зубчатой стеной, за которой были укрыты три деревянные пушки и сложены горками деревянные ядра. Около каждой пушки стояло по два артиллериста с белыми перьями на шлемах. Нужно отметить, что вся крепость была сложена из маленьких деревянных кирпичиков и имела единственный вход, который охраняли два грозных рыцаря с длинными копьями.

Павлик посмотрел в другую сторону и увидел рядом с собой деревянного пешечного рыцаря, а рядом с ним ещё и ещё. Он насчитал восемь рыцарей, выстроившихся в один ряд. Все они были как две капли воды похожи друг на друга. На рыцарях были надеты кольчуги из деревянных колечек, ко-

торые не может разрубить меч и пробить копьё. В руках они держали длинные копья и резные круглые щиты. Ноги их до колен не были, как у Павлика, прикрыты латами. Забрала на их шлемах были открыты. Павлик знал из книжек, что перед боем забрала опускают, оставляя для глаз узкие щёлочки, в которые не пройдёт неприятельское копьё.

Самое же удивительное было то, что все они и рыцари и кони и ладья-крепость могли передвигаться самостоятельно. В лицах их не было суровости, а, скорее, наоборот, из-под шлемов выглядывали добродушные весёлые физиономии. Маленькие рыцари очень понравились Павлику.

Павлик посмотрел на свою одежду и был удивлен своей похожестью на них. Единственное, чем он отличался от других пеших рыцарей это эмблемой рода войск — на его груди и щите была нарисована голова шахматного коня, а у них были нарисованы обычные пешки. «Значит, дедушкины шахматы не простые,— подумал Павлик,— для людей они обычные деревяшки, а когда их сложат в ящик и они остаются одни, то превращаются в настоящих воинов».

Павлик во все глаза рассматривал рыцарей. Конечно, он их уже видел раньше, в ящичке, но здесь они ходили, разговаривали, раскланивались, отдавали честь. Всё это было так необыкновенно!

Рядом с собой Павлик увидел хмурого высокого рыцаря. Как на всех, на нем были деревянные латы, грудь и спину закрывал деревянный панцирь, на

плечи был накинута длинный плащ, а на голове красовался высокий остроконечный шлем. Несмотря на то, что Павлик сидел на коне, голова рыцаря была вровень с его головой. В одной руке он держал высокий треугольный щит, а в другой — меч. На щите был нарисован боевой слон с бивнями и хоботом. Павлик понял, что этот высокий рыцарь в переводе на шахматный язык и выполнял в бою функцию шахматного слона. Да, это был шахматный слон, только в виде человека. По всей видимости, он был одним из командиров пешечных рыцарей. Рассматривая рыцаря-слона, Павлик подумал о том, что лучше бы было, если бы вместо рыцаря-слона здесь стоял настоящий индийский слон или слонёнок, но и этот воин-гигант был несравненно хорош.

Павлик хотел было посмотреть на тех воинов, что стояли дальше, но тут заиграла боевая труба и вперёд вышел высокий военный. Ростом он превосходил Павликова соседа — слона и одет был гораздо красивее. Шлем его украшали перья, и меч в руках был длиннее.

— Это воевода-ферзь, — шепнул конь Павлику.

И только ферзь вышел вперёд, как всё затихло, рыцари подровнялись и повернули головы в его сторону. Воевода сделал знак рукой, и все встали по стойке «мирно». Затем он громко сказал, что сейчас с войском будет говорить сам король и все услышат сообщение великой государственной важности.

Едва он это произнёс, как впереди стоящие рыцари расступились, сделав шаг вперёд и в сторону. В образовавшийся проход вышел сам шахматный Белый король. Он был высокого роста. Голову короля украшала корона, из-под которой до самых плеч спадали длинные седые волосы. В отличие от других он был без доспехов, в руке его поблёскивала одна шпага. Одежда короля была самой богатой. Королевское шитое золотом и серебром платье блестело и слепило.

Дойдя до воеводы, король остановился, повернулся к строю, поклонился и проговорил громко:

— Славные рыцари преславного могущественнейшего белого шахматного королевства! Настал ответственный час, когда мы должны доказать всю свою правоту. Чёрный король, не менее славного чёрного королевства, подверг осмеянию ход нашего левофлангового слона!

Тут рыцарь-слон вышел вперёд и, приложив руку к груди, раскланялся перед строем.

— Почему король без доспехов, ведь если следовать шахматной игре, он также участвует в боевых операциях? — спросил Павлик у Деревянного копытца. На что тот ответил:

— В начале сражения король редко надевает доспехи, делает он это потом, по мере необходимости. Ведь его задача — прежде всего, руководить сражением. Все боевые доспехи короля в походном шатре.

— И он умеет хорошо драться?

— И-го-го! Ещё как. Ни слон, ни я с ним не можем сравниться в силе и искусстве, несмотря на то, что он старше нас всех по возрасту.

— Мы все знаем заслуги нашего воина,— продолжал король,— мы знаем его боевую мудрость и должны защитить его шахматное открытие, в бою проверив надёжность этого хода. Назвав этот ход бесперспективным и утопическим, Чёрный король может сбиться с правильного пути, который ведёт к вершине шахматной науки. Если же в этой игре-сражении победим мы, то ещё больше упрочим славу нашего королевства. Мы не можем потерпеть жалкого насмехательства над нами, и поэтому мы по договоренности с Чёрным королем и его народом, во славу шахматной науки, решили на поле брани найти истину.

Он помолчал, сделал паузу, а затем спросил, согласны ли его подданные и равноправные граждане шахматного государства участвовать в предстоящем сражении?

— Желаем! Желаем,— раздался хор голосов.— Веди нас, король. Мы хотим знать шахматную истину!

— Хорошо,— сказал король,— сейчас, по традиции, унаследованной от предков, мы обменяемся с Чёрным королем рукопожатиями, исполним королевский гимн и начнём сражение.

И тут Павлик увидел, как передняя стена зала заколыхалась и медленно стала раздвигаться в разные стороны. «Так это штора»,— подумал Пав-

лик, и в эту минуту на другом конце зала, за шторой, увидел другое готовое к сражению войско. Оно походило на большую шевелящуюся чёрную массу, ибо все воины были одеты в чёрные одежды. Даже шатер у короля и то был чёрным. Павлик не успел рассмотреть, как следует войско неприятеля, как

Белый и Чёрный короли вышли на середину зала, Сняли свои шлёмы украшенные деревянными перьями, поклоном поприветствовали друг друга, заиграла музыка, и они вместе запели:

У королей забот немало,
У королей полно забот,
Чтоб даже пешка в схватке не пропала.
Чтоб даже пешка в схватке не пропала,
А было всё наоборот.

Следующий куплет пел уже один чёрный воевода – ферзь, выступив из строя своего войска, короли же продолжали стоять по середине зала:

Расчёт — таков у нас закон,
И интуиция не в счёт,
Она как явь, она как сон,
Она как явь, она как сон.
Всего опаснее просчёт.

После того, как чёрный воевода – ферзь спел, ему в пику стал петь белый воевода-ферзь, так же, выступив из рядов своего войска:

Расчёт, конечно же, хорош.
Он привлекателен и моден
В цейтноте же - цена расчёту грош,
В цейтноте же - цена расчёту грош,

Он для цейгнота вовсе непригоден.

Воеводы поклонились друг другу и заняли свои места в шеренгах.

После этого хором запело всё чёрное войско.

Мы математики с рожденья

Мы с интегралами на «ты».

Расчёт - не цифр нагроможденье,

Расчёт - не цифр нагроможденье,

А гимн великой красоты.

Чёрные рыцари замолчали, дальше пели уже белые воины прославляя, как и чёрные, только свой стиль игры:

Расчёт хорош, но действие не то

Вальяжен, он порыва не заменит,

А интуиция зато,

А интуиция зато

Весь ход сражения в мгновение изменит.

После того, как воеводы и их воины обменялись словесными ударами по стратегическим центрам военной мысли каждого, они вдруг все вместе запели. Да, да... и белое и чёрное войско пели хором:

Да, мы романтики, мечтатели,

Иная жизнь — нам просто мука.

В позициях — кладоискатели,

Бой — наша жизнь, а не наука.

Бой наша жизнь, а не наука.

Дальше пели вместе одни короли. Они произносили слова, отражающие мысли единомышленников, свято верящих в великую шахматную справедливость и по словам можно было понять, что это

были не только стратеги шахматных баталий, но и заботливые отцы-командиры:

У королей одна забота,
У них другой заботы нет,
Чтоб улучшалась жизнь народа
И был прогресс, и был прогресс,
И был про-о-гре-е-сс...

Этот куплет они пропели даже два раза, и второй раз гораздо громче, чем первый.

Потом проиграли гимны каждого королевства. Короли стояли посреди зала с обнажёнными головами. Наконец перестали звучать государственные гимны, короли раскланялись друг с другом, обменялись рукопожатиями и разошлись каждый к своему войску. За королями вперёд вышли воеводы. Они также сошлись на середине зала и, сверив часы, разошлись.

— Смотри, Павлуша,— сказал конь,— как только воеводы встанут на свои места — сразу и начнётся сражение.

Белый Ферзь зачем-то подошёл к королю, они о чем-то посоветовались, затем белый воевода поднял вверх руку. Это был знак призывающий к вниманию, громко крикнул:

— Да поможет нам в бою фантазия, талант и наша дерзкая мысль.

Поднять флаг королевства! — Взмыл вверх в чёрно-белую клетку флаг с белой короной посередине. Ферзь встал на своё место. На одной из стен обозначились, а затем всё сильнее стали светиться

стрелки больших часов. Часы на стене пробили три раза, и всё пришло в движение. Засверкали над головами полированные деревянные мечи, послышался стук копыт, отрывистые команды ферзя и слонов. Где-то заиграла музыка, и пешечные рыцари, шагая на месте и, выставив вперёд копыта, запели:

Мы отважная пехота!
Когда идём — мы не стоим,
Когда стоим — мы не идём,
И бой у нас — одна забота.

Мы все отважны, как всегда,
Назад не делаем и шага.
И если к нам придёт беда,
И если к нам придёт беда,
Нас выручат лишь смелость и отвага.

А если пешка в тыл пройдёт —
Для неприятеля напасть.
И если очень повезёт,
И если очень повезёт,
То ферзем тоже может стать.

Нас уважает сам король,
В поход мы выступаем смело.
В бою, рискуя головой,
В бою, рискуя головой,
Воюем храбро и умело.

Они пели весело и громко, и с ними, не зная почему, запел и Павлик. Он размахивал копьём в такт песни, и в глазах его был восторг. В это время пешечный рыцарь, что стоял впереди Белого короля, сделал два шага вперёд, остановился и, прикрывшись щитом, стал ждать товарищей. Ему навстречу из чёрного войска тоже выступил рыцарь, сделав два шага вперед, и схватка началась.

Белые рыцари двигались навстречу чёрным, чёрные навстречу белым. То тут, то там, слева и справа вспыхивала рукопашная. Павлик видел, как белые и чёрные рыцари насакивали друг на друга, звенели от ударов копий щиты. Павлик смотрел, как ловко орудовали копьями два стоящих друг против друга пешечных рыцаря. Силы их были равными, никто не хотел уступить, и неизвестно, чем бы их поединок закончился, не подоспей на помощь чёрному его сосед справа. Белому рыцарю было довольно легко обороняться от того, что стоял напротив. Прикрывшись щитом, он был практически неуязвим для его копья, а вот зашедший с фланга был много опаснее.

Павлику очень хотелось помочь белому рыцарю, и он сказал об этом Деревянному копытцу.

— И-ого-го! Ты храбрый мальчик,— сказал конь,— но не спеши, скоро будет и для нас работа. Выступим, как только поступит приказ.

Павлик замолчал, наблюдая за пешечным рыцарем. Правда, теперь он был не один. Пока Павлик разговаривал с конём, на помощь белому рыцарю

пришёл сосед слева. Правда, он не мог копьём дотянуться до чёрных рыцарей, так как стоял немного сбоку и чуть сзади своего товарища, но поддержка друга в бою очень много значила. Пешечный рыцарь воодушевился и стал нападать на зашедшего с фланга особенно яростно. Тот, видимо, не ожидал встретить такое сопротивление и всё больше оглядывался назад, на строй чёрных воинов, ожидая подмоги, но её не было. И вот, когда он в очередной раз оглянулся, белый рыцарь воспользовался этим моментом и нанёс ему сокрушительный удар. Чёрный пешечный рыцарь упал, а белый занял его место.

— Молодец! Bravo! — крикнул Павлик в восторге, обрадованный первой победой. Однако восторг его тут же сменило удивление. Теперь чёрный рыцарь и белый стояли рядом, почти, что не касаясь плечами, но никаких воинственных выпадов друг против друга не делали.

— Почему они друг на друга не нападают? — спросил Павлик коня.

— Они просто ничего не видят через закрытые забрала, — сказал Деревянное копытце. — Пешечные рыцари никогда не дерутся друг с другом в таком положении, равно как и не нападают сзади.

И в этот момент произошло непостижимое. Сосед погибшего чёрного рыцаря, видимо, решивший отомстить за товарища, пошёл вперёд сразу на две клетки. Он так торопился, что даже не защитился щитом, а только яростно размахивал копьём, и это

предрешило его участь. Белый храбрец, рядом с которым он должен был пройти, успел нанести ему удар копьём, едва тот сделал один шаг, наступив на чёрную клетку. Смертельно раненный чёрный пешечный рыцарь всё же достиг второй белой клетки, но тут же свалился замертво. Белый рыцарь гордо встал на ту клетку, на которой поверг своего противника. «Это же взятие неприятельской пешки на проходе», подумал Павлик, вспомнив правила шахматной игры.

Павлик так засмотрелся на сражающихся пешечных воинов, что совершенно упустил из внимания другие участки поля боя. Там тоже во всю кипела схватка. Грохотали пушки, ржали кони, свистели стрелы.

— Теперь пришла и наша пора,— сказал Дервянное копытце и, крикнув: «Держись!» — поскакал, прыгая из стороны в сторону и увертываясь от копий, ядер и стрел. Павлик крепко держался за луку седла, боясь вывалиться и быть смятым. Дервянное копытце с невероятной быстротой носился по полю, совершая громадные прыжки и далеко внизу оставляя пешечных рыцарей, слонов и крепости-ладьи с их пушками и ядрами. Раз он перепрыгнул через шатёр Белого короля. Король даже помахал им носовым платочком. При каждом таком прыжке Павлик мог видеть сразу всё поле боя. Но он даже боялся глянуть вниз. Единственной его мыслью было удержаться в седле.

Наконец и Павлику пришлось вступить в бой. Деревянное копытце, вдруг крикнул ему: «Защищайся!» Павлик едва успел поднять щит, как в него тут же вонзилось копьё. Чёрный конный рыцарь стоял совсем рядом и уже занёс руку для второго удара, но Павлик, изловчившись, опять вовремя подставил щит. Чёрный рыцарь искуснее владел копьём, и неизвестно, как закончился бы бой, не подоспей на помощь Павлику другой белый рыцарь. Противник не выдержал его нападения и отступил.

Голова у Павлика кружилась от множества впечатлений. И ему хотелось одного — чтобы это всё поскорее закончилось. Деревянное копытце, как будто догадавшись, что за мысли одолевают его седока, проговорил: «Потерпи, Павлуша, осталось совсем немного. Скоро всё кончится. Сейчас ударят часы, и бой прекратится до следующей ночи».

И точно, вскоре пробили большие деревянные часы на стене, и бой прекратился. Рыцари застыли в том положении, в котором их застали первые звуки. Сразу же стало тихо-тихо, как будто здесь и не было никогда жаркой схватки.

— Бежим скорее отсюда! — крикнул конь. — А то погаснет свет, и мы не сможем подняться на поверхность шахматного столика. Но Павлик не торопился, ему было очень интересно видеть, как на полном скаку застыл чёрный конь, как встал на дыбы, да так и остался другой. Вот замахнулся белый ферзь своим длинным мечом на чёрного слона и

замер, не довершив удара. А вот деревянное ядро, вылетев из жерла пушки, так и остановилось, зависло в воздухе, и замерли на крепостной стене артиллеристы в неудобных позах.

На поле боя были разбросаны копья, щиты, латы, сёдла, шлемы... Павлик мог всё это ещё долго рассматривать, но Деревянное копытце торопил его.

— Быстрее, Павлуша! — говорил он. — У нас очень мало времени, а я должен успеть вернуться на своё место, иначе я не смогу попасть в шахматное королевство. Да и тебе ещё нужно отдохнуть и найти деревянного рыцаря.

Павлик вскочил на коня, и они поскакали к клетке-лифту. И лишь они выбрались на поверхность, как Деревянное копытце опять погрузился и сказал, что если к двенадцати часам следующей ночи Павлик не найдет рыцаря или не придёт сам, то воины навсегда останутся в том положении, в котором они их оставили. Павлик не успел сказать ни одного утешительного слова, как конь ускакал прочь со словами: «За-по-мни-и это, ма-а-ль-чик! Панвлу-у-ша-а-а!»

Как только Деревянного копытца не стало видно, Павлик испугался. Он забыл спросить, как ему снова стать большим? Но стоило ему лишь спрыгнуть с шахматной доски, как он тут же принял прежние размеры. «Вот это да!» — с восторгом подумал он.

4. *Опасное задание.*

Павлик долго не мог заснуть. Всё думал про загадочные шахматные королевства и Деревянное копытце. И, проснувшись, сразу вспомнил свое приключение. Сначала он решил, что это был сон. «Наверное, насмотрелся вчера на дедушкины шахматы, вот мне и причудилось», — подумал он и стал вспоминать подробности, и даже попытался ещё уснуть, авось сон и продолжится. Такое с Павликом раньше бывало, особенно когда что-то страшное снилось. Проснётся ночью, а когда снова заснет, то и сон продолжается.

Но как ни закрывал Павлик глаза, как ни накрывался с головой одеялом — сон не шёл.

В комнату заглянула Вера.

— Лежебок-а-аа, вста-ва-а-й, — проговорила она нараспев. — Не придуряйся, ведь всё равно не спишь. Эх ты, притвора! Давай умывайся и завтракать.

В приоткрытую дверь с кухни проникли вкусные запахи, слышалось привычное шарканье бабушкиных тапочек.

— Внучек... царство небесное проспишь, — раздался её тихий мягкий голос. — Иди, я блинчиков напекла, сейчас дедушка придёт, ему не понравится, что ты ещё не встал.

— Я сейчас, баб! — крикнул Павлик и, соскочив с кровати, бросился к умывальнику.

— Эге! — сказал появившийся в дверях дедуш-

ка.— Да ты, я вижу, ещё по форме номер один бегаешь. Впрок, что ли, решил выспаться.

В отличие от всех один дед разговаривал с Павликом как равный, без всяких сюсюканий и скидок. Это нравилось Павлику.

— А как это впрок? — серьёзно спросил внук.

— Впрок,— засмеялся дедушка,— это про запас. Например, на фронте перед каким-либо сложным заданием, если была такая возможность и позволяли обстоятельства, людям давали отдохнуть подольше, потому как, может быть, несколько суток совсем спать не придётся. Вот и смекай, впрок ты сегодня спал или от лени?

— Я впрок,— сказал Павлик гордо, вспомнив историю с Деревянным копытцем и сражение. И тут Павлик поймал себя на мысли, что подумал обо всём, как о реально происходившем. Ещё больше он поверил в случившееся, когда после завтрака открыл ящичек с шахматами и не обнаружил там деревянного рыцаря.

— Значит, всё это происходило на самом деле,— решил он окончательно и принялся с ещё большей настойчивостью разыскивать пропажу. Желание похвастать шахматами перед Генкой как-то пропало само собой.

Павлик целый день бродил по дому озабоченный. Он заглядывал во все щели, шарил палкой под бабушкиным сундуком, шифоньером, гладил Мурзика и даже угощал колбасой, до которой тот был большой охотник, и просил показать, куда он отнёс

деревянного рыцаря. Кот же только ел колбасу и сладко от удовольствия жмурился.

К вечеру пришёл Генка и позвал Павлика на пруд искупаться. Павлик отказался, но Генка стал уговаривать, и тут Павлик не выдержал и показал ему дедушкин подарок. Генке шахматы очень понравились, и он тут же предложил сыграть несколько партий, на что Павлик ответил отказом и рассказал о своём горе — пропаже одной фигуры.

Говорить-то Павлик говорил, но только ни одним словом не обмолвился о шахматных королевствах. Он крепко держал своё слово, данное Деревянному копытцу.

— Может быть, без рыцаря сыграем? — предложил Генка. — Конь-то всё равно есть, а с седоком или без седока — разве это в шахматах что-то значит?

— Как это не значит? — заспорил Павлик. — Вот и значит. Без рыцаря ведь он наполовину слабее.

— Жадина-говядина, — обиженно проговорил Генка. — Сразу и сказал бы, что жалко, а то какую-то историю с пропавшим рыцарем придумал. А я, лопух, и поверил.

— Ну не хочешь искать — не надо, — сказал Павлик, — я тебя не держу, иди на свой пруд. — А сам подумал: «Это если по-честному играть — то всё равно, а как Генка играет, то как раз наоборот. Тому коню из старых шахмат всё равно, плугует Генка или нет, а Деревянное копытце не позволит того, чтобы рукавом его на нужную клетку двигали».

— Что случилось? — спросил дедушка увидев смурного Павлика.— Может быть, подарком не совсем доволен, что-то, смотрю, не играешь ты в новые шахматы. И вон друга чем-то обидел.

И тут Павлик рассказал дедушке о пропаже.

— Дело поправимое, конечно,— сказал он,— но не скорое. Я, разумеется, смогу сделать тебе ещё одного рыцаря, но сейчас у меня просто нет подходящего материала. Я ведь давно задумал для тебя шахматы сделать, брёвнышко, почитай, с осени ещё за сараем-то схоронил. Дерево то не простое, яблоневое. Когда ты был ещё маленький, сломало, а точнее, свалило у нас в саду, вырвав с корнями, старую яблоню, вот из неё и получились твои шахматы.

— Не простое,.. значит,.. говоришь?.. — проговорил задумчиво и с расстановкой Павлик.

— Обязательно не простое,— подтвердил дедушка и улыбнулся, хитро глядя на внука.— Каждое дерево свой секрет имеет, и качество его древесины от многого зависит. Она даже по цвету бывает разной: от кипенно-белой до чёрной. Может быть твердой, как железо, и мягкой, податливой, лёгкой и тяжёлой, плотной и пористой. Но каким бы дерево ни было, в любом случае это благородный, красивый материал, и материал прежде всего живой.

— Дедушка! Дедушка! Да это не из того ли дерева ты шахматы сделал, что с длинным сучком под навесом лежало? — вскричал Павлик.

— Из него самого, из него самого, внучек.

«Так вот, оказывается, как дело-то оборачивается,— подумал Павлик.— Оказывается, оно тогда и не пропало вовсе, а его дедушка взял».

— А скажи, оно тебе сразу поддалось? — донимал он дедушку расспросами.

— Вот что не сразу, то не сразу. Покряхтело, поупиралось вначале, да поняло, что к мастеру в руки попало, на том и смирилось. Вот погоди, я там для тебя ещё кое-что приготовил, поважнее этого подарка. Шахматный столик с шахматами это что? Пустяк. Дорого, мило, но пустяк. Пустяк, если ты в этой поделке ничего увидеть не смог, не затронула она твою душу, не увлекла. И я вижу, не увлечёт, пока ты сам дела не узнаешь, пока не поймёшь ты, что тебе дерево сказать хочет...

Сказал так дедушка, помолчал, потом встал и ушёл. А Павлик подумал о том, что с деревом он уже умеет разговаривать, Деревянное копытце его прекрасно понимает...

Тут Павлик вспомнил о том, как бревно забросило его в крапиву, и настроение его упало, даже рыцаря искать расхотелось. Однако слово, данное Деревянному копытцу, надо было держать, и Павлик принялся искать пропажу ещё настойчивее.

Поиски этого дня оказались безрезультатными. Приближалась ночь.

В десять часов вечера Павлик, чтобы усыпить внимание Веры и бабушки, лег в постель без лишних напоминаний. Ему не терпелось остаться одному и, выключив свет, лёжа под одеялом ждать по-

явления Деревянного копытца. Он лежал, затаив дыхание и не спускал глаз с шахматного столика.

Прошло так около часа. Павлик уже стал засыпать, как вдруг услышал тихий топот копыт. Он тут же открыл глаза и увидел Деревянное копытце. Тот стоял на самом краешке шахматного столика. Павлик сразу вскочил с постели и бросился к коню. Деревянное копытце тоже был рад встрече.

— Я должен вновь заменить пропавшего рыцаря, другого выхода просто нет,— сказал Павлик. — Результата поиски пока не дали.

— Другого выхода нет,— подтвердил конь.— Ты прав. Я вижу, ты решительный и смелый мальчик, умеешь принимать решения, и умеешь отвечать за данное слово, не оправдываешься и не сваливаешь неудачу на других, это хорошо.

— Что ты,— смутился от похвалы Павлик,— Вера с бабушкой говорят, что я своим умом не живу и во всём подчиняюсь Генке: куда он скажет, туда я и иду.

— А дедушка что говорит? — спросил конь.

Дедушка,— обрадовался Павлик,— дедушка совсем по-другому думает. Он говорит бабушке, что дыру в штанах зашить можно, а вот в голове дыру ничем не заштопаешь, эту, говорит, пустоту, брешь заполнять

надо добротным материалом. Ну бабушка в ответ на это всегда дедушке говорит: «Это Генка-то добротный материал? Да он только вчера поросёнка в коляску запрягал». А дедушка в ответ: мол, до этого

тоже додуматься надо, ведь знаменитый Дуров по городу на свинье ехал, да и Генка знает много того, чего Павлику знать полезно.

— А ты-то как думаешь? — спросил Деревянное копытце.

— Не знаю,— пожал плечами Павлик,— мне с ним интересно. Весёлый он, свистки из ивовых прутьев умеет делать и меня научил. А что поросёнок в коляску запрягал, так это враки, просто сам придумал для потехи, а люди верят. Он всегда такой.

— Значит, Генке верить можно! — заключил конь.— Это хорошо, что ты товарища защищаешь. А не говорил ли ты ему обо мне?

— Нет, что ты. Тайну должен знать один человек, а если двое, так это уже не тайна.

— Я тебе верю,— сказал Деревянное копытце.— Ответь — тебе понравилось в нашем королевстве?

— В королевстве-то понравилось,— ответил Павлик,— только мне жаль убивать деревянных рыцарей, они ведь мне ничего плохого не сделали.

— И-о-го-го! — весело заржал конь.— А ты добрый мальчик и всё больше мне нравишься. Дело в том, Павлуша, что у нас никто никого не убивает.

После окончания шахматной битвы все рыцари оживают и встают в строй целые и невредимые.

Шахматная война — самая гуманная война. В ней никто и никого, победив, не делает своим рабом.

Мы знаем, что это такое. Когда-то мы, шахматные рыцари, жили открыто, и что же?

Мы гибли в военных пожарах, были орудием коры-

сти и свидетелями зависти. Гордые правители играя в нас проигрывали целые состояния и даже царства, отдавали в рабство своих слуг и родственников. Гордость в человеке – это мать всех неблагоприятных поступков. Уединившись и наблюдая за людьми со стороны, мы увидели, что тот лишь человек достигает высокого шахматного мастерства, кто лишен

этих недостатков. Мы превзошли людей в шахматном мастерстве только благодаря отсутствию корысти и отсутствию гордости. Понимаешь ли ты меня?

— Понимаю,— сказал Павлик,— прости меня, Деревянное копытце, за то, что я о вас так плохо подумал. Скачем же скорее в королевство, ведь мы не должны опоздать!

Но конь, как бы что-то вдруг вспомнив, остановился.

— Не спеши, Павлуша,— сказал он.— Я не сказал тебе самого главного. Ты ещё не всё знаешь, а узнав — волен изменить своё решение. Я ничего не хочу от тебя таить. Ведь ты, Павлуша,— человек, на тебя в нашем королевстве не распространяются шахматные законы. Тебя нельзя будет оживить. И если тебя в бою убьют, то убьют навсегда. Вчера было только начало битвы. Сегодня же проверяется новый ход слона, о котором говорил наш король, и я не могу рисковать твоей жизнью, не имею на это права.

Павлику, конечно, не хотелось погибнуть. Он даже подумал о том, что если погибнет, то его будут все искать и, не найдя, подумают, что он утонул в

реке. Ему очень хотелось жить, видеть маму, папу, дедушку, бабушку и Веру, хотя она к нему и незаслуженно придирается...

Но тут его мысли перешли на другое. Он подумал о том, что если не заменит рыцаря, то погибнет всё шахматное королевство. Ему стало жаль эти милые шахматные фигурки с их мудрыми и безобидными войнами. И тут он вспомнил о конном рыцаре, который погиб, возможно, спасая ему жизнь. Как же забыл о нем Павлуша?! Он вспомнил, как рыцарь, погибая, прошептал, что у него есть приказ короля пробиться в тыл неприятеля и выручить из плена пешечного рыцаря.

Как об этом можно было забыть? Ведь, кроме него, Павлика, никто не знает о таком приказе. Пешечный рыцарь погибнет, если к нему не подоспеет помощь, а ведь конный рыцарь так надеялся на Павлика.

— Мы поскачем вместе! — сказал он коню.

Едва они прискакали в шахматное королевство и успели занять свои места на поле сражения, как пробили настенные часы и сражение продолжилось. Теперь Павлик постоянно думал о погибшем рыцаре и уже ничего не боялся. Он грозно размахивал копьём и видел, что соперник чувствует его силу. Павлик уже научился управлять Деревянным копытцем, и тот целиком доверился ему. Но как они ни старались, пробиться на седьмую горизонталь всё же не могли. Но зато сверху Павлик увидел, как чёрный воевода-ферзь приказал крепости-

ладье раздавить на правом фланге упорно сопротивлявшуюся горсточку белых пешечных рыцарей.

Спереди на них нападали чёрные пешечные рыцари во главе со слоном, ладья, заехав сбоку, покатилась прямо на храбрецов, круша всё на своем пути. В ужасе разбежались белые рыцари, часть из которых гибла под её колесами и от разрыва пушечных ядер.

Павлик, как только увидел прорыв соперника, тут же пришпорил Деревянное копытце и во весь опор поскакал наперерез крепости-ладье. Конь под ним быстро скачет, да ведь ладья тоже не стоит на месте. И вот, чтобы догнать ладью, срезал Павлик угол. Перепрыгнул Деревянное копытце через двоих преградивших им путь черных пешечных рыцарей. Растерялись рыцари, даже пик не успели поднять, а Павлик с конём уже к крепости-ладье приближаются. Но, успела бы проскочить ладья, да изловчился Павлик и в последнюю секунду воткнул ей в колёсные спицы своё копьё. Копьё затрещало, но не сломалось, намертво заклинив колесо. Крепость-ладья остановилась и, разозлившись, стала палить из всех своих пушек, затем, медленно, кое-как волоча заклиненное колесо, поползла назад. Павлик с Деревянным копытцем последовали за ней, стараясь держаться в мёртвом, не простреливаемом её пушками пространстве.

– Это и есть наш интуитивный ход, наш маневр, – проговорил Деревянное копытце. Это наша догадка, вот и всё.

– Что такое интуиция? – Спросил Павлик. Что такое математические расчёты я понимаю.

– Интуиция в нашем деле это предчувствие правильности хода или маневра, без доказательства его правильности математическими расчётами. Особенно интуиция помогает, когда положение критическое, рассчитывать нет времени, действовать же надо быстро и решительно.

Павлика ответ удовлетворил. Он вспомнил, как однажды в школе, решая пример на уроке математики, он не укладывался по времени. Прозвенел звонок, а последнее действие не сделано. Тогда Павлик тоже поставил ответ интуитивно и попал в точку. Правда это было последнее действие, ведь всего примера таким способом не решишь.

Ладья медленно отползла назад, изредка паля по верх голов Павлика и Деревянного копытца, больше для острастки, не понимая, куда они подевались? Да, ей, мощной и неповоротливой, было нелегко тягаться с лёгким, стремительно меняющим направления, конём. Она медленно отступала на восьмую горизонталь в расположение чёрного войска надеясь отремонтировать колесо и снова вступить в бой. Павлик и Деревянное копытце следовали за ней, только двигались немного в сторонке, чтобы не попасть под прицел её орудий. Но так случилось, что, когда Павлик и конь уже почти добрались до седьмой горизонтали, следуя за ладьёй, вдруг ударили часы, и они поспешили покинуть шахматное королевство.

5. В плену.

Новые поиски шахматного рыцаря по-прежнему ничего не дали, кроме новых огорчений. А огорчения такие: Павлик нечаянно свалил с этажерки будильник и вазу. Ваза, любимая бабушкина ваза, конечно, разбилась. А будильник громко зазвенел, по-видимому в последний раз.

На шум пришла Вера. Она строго посмотрела на брата и спросила, что он здесь делает. Павлик молчал. Это ещё пуще разгневало Веру.

— Ах ты, обманщик,— говорила она резко и, как казалось Павлику, беспощадно,— теперь я знаю, почему ты лег пораньше спать. Бабушка ещё удивлялась, а здесь нет ничего удивительного. Всё просто и ясно: вылез в окно, сделал со своим дружком набег на чей-нибудь сад, а когда возвращался, в темноте наткнулся на этажерку. Разве не так? Говори, разве это не так?! Ох, не зря этот Генка так не нравится бабушке. До добра он тебя не доведёт. Вот я скажу дедушке, он ваш первый заступник, пусть полюбуется на своего внука: а ещё напишу папе с 'мамой...

Она долго отчитывала Павлика и под конец ушла, сказав на прощание, что Павлик неслух и упрямец, что она возьмётся за его воспитание по-настоящему и, в конце концов, сделает из него человека, а если он и впредь будет себя так вести, то непременно отправит в город.

Вера ушла, запретив ему, в наказание, целый день выходить из дома. Такого поворота Павлик не ожидал. Он уткнулся головой в подушку и тихонько

заплакал от обиды. Вера и раньше на правах старшей делала Павлику подобные внушения. Такой уж у неё был характер. Накричит, накричит, а потом простит. Но ведь тогда всё это было за дело, а сейчас? Конечно, он признавал свою вину — вот они — разбитая ваза и будильник, — но виновником он себя считал только наполовину, ведь ваза и будильник упали, когда он искал шахматного рыцаря. Про сад Вера, конечно, придумала. И вообще во всей этой истории самым страшным было то, что Вера могла действительно увезти его из деревни в город. Как же тогда искать пропавшего рыцаря? Слезы горечи опять покатались по щекам Павлика. «Миленький дедушка, — повторял он, — выручи меня. Твой Павлик ни в чём не виноват, но я не могу перед Верой оправдаться, потому что ничего не могу рассказывать. Дедушка!.. Как тяжело знать настоящую тайну». Так, в слезах, он и уснул.

Когда Павлик проснулся, солнце стояло уже высоко, в доме никого не было.

В окно Павлику был слышен разговор бабушки и Веры.

— И что ты расстраиваешься, — говорила бабушка, — ваза старая, будильник нам с дедушкой не нужен: не на работу по будильнику вставать, не молодые. Это вам спится, а нам уже нет, сами как будильники.

— Нет, — не отступала Вера, — дело принципа, натворил — раскайся, признай сделанное. Так нет никакого раскаянья, ни слова не добьёшься. Вот пусть и сидит теперь весь день дома.

Речь, как понял Павлик, шла о нём. В разговор вмешался дедушка:

— Ты, Вера, считаешь, что наказала справедливо. Ладно. Тогда я сейчас пойду и тоже сяду дома под замок. Вчера, налаживая пилу, я случайно отколол один зуб.

— Так вы же дело делали,— возразила Вера.

— А он что делал, вы знаете?

— Да что он может делать? В сад, конечно, он не полезет, не дорос ещё до таких подвигов, но всё ведь с чего-то начинается, сегодня будильник, завтра стекло.

— А я вот так не считаю,— проговорил дедушка,— у него есть такие же важные дела, как и у нас, а может быть, даже и поважнее наших.

— Ты дедуль не защищай... Вот ещё факт. Вчера, смотрю, идут со своим дружком на пруд. Так иди дорогой, как все люди, нет же — полезли через овраг по крапиве, где голову можно сломать...

Дальше Павлик слушать не стал, он отошёл от окна и стал думать, где ему искать рыцаря. С улицы донёсся звон дедушкиной пилы. Павлик снова подошёл к окну и выглянул: интересно, чего он там пилит? И тут он увидел греющегося на солнышке Мурзика. Кот лежал на старой колоде и громко мурлыкал, жмурясь от солнца.

— Кис, кис,— позвал Павлик, но Мурзик будто и не слышал, он потянулся и игриво перевернулся с одного бока на другой. И тут Павлик увидел рядом с котом, у самой его усатой мордочки, шахматного деревянного рыцаря.

Он сразу забыл про наказание и выпрыгнул в окно. Мурзик тут же вскочил и, схватив рыцаря, стал взбираться на растущую в палисаднике берёзу. Павлик, не долго думая, полез за ним. Кот, увидев

преследователя, стал взбираться ещё выше. Так, догоняя друг друга, они достигли макушки. Кот остановился, раскачиваясь на тонкой ветке. Павлику дальше лезть было опасно.

— Мурзик, отдай... отдай,— просил Павлик вполголоса и протягивал к коту руку, но тот только сладко щурился, ему эта погоня явно нравилась. «Ах -ты так,— подумал Павлик,— так вот я тебя сейчас»,— и он стал трясти ветку, на которой сидел Мурзик. Кот закачался на ветке и прыгнул с неё на крышу дома, выронив из зубов несчастного рыцаря. Шахматный рыцарь полетел вниз, ударяясь о сучки и ветви.

Павлик спустился с дерева, нашел многострадального шахматного воина, который, увы, пребывал в плачевном состоянии: шлем его был расколот, латы помяты и поцарапаны, а в некоторых местах даже прокушены — кот пробовал его на зуб. Увидев всё это, Павлик окончательно расстроился. Чем он мог помочь бедняге? Павлик не стал считать его раны и побыстрее влез назад в окно, пока его Вера не обнаружила.

«Что толку,— думал он,— что рыцарь нашёлся. Во-первых, он такой израненный, во-вторых, как я его передам Деревянному копытцу, если сестра грозит с вечерним автобусом отвезти Павлика в город?»

Прошло полдня. С огорода пришла бабушка и стала накрывать на стол. Немного погодя пришли Вера и дедушка. Они о чем-то разговаривали. Дедушка весело посмотрел на Павлика и спросил:

— Гм... Ты что же, так и сидишь — и ничего не делаешь?

— Угу! — ответил Павлик.

Дедушка сел за стол, крикнул и, посыпая солью хлебный мякиш, обратился к Вере.

— А как там гласят педагогические науки?

— Вы это о чём? — удивилась Вера.

— Да я о трудовом перевоспитании, — уточнил дедушка, — такое наказание для лентяя сидеть в заперти — курорт, да и только. И кто им не был, так обязательно посидит и станет.

Вера вспыхнула, щёки её покрыл румянец.

— Вечно вы портите мне воспитательные мероприятия.

И тут Павлик понял, куда клонит дедушка.

— Это точно, мероприятий у нас хватает, — вздохнул дедушка, — только лежать наказанному и мух считать я не позволю. Разрешите, — сказал он строго, — после обеда забрать этого разгильдяя и пусть работой испкупит свою вину!

— Ладно уж, берите, — и Вера махнула рукой. Павлик облегчённо вздохнул. После обеда они ушли с дедушкой в мастерскую, и там Павлик рассказал о беде приключившейся с шахматным рыцарем. Дедушка повертел шахматную фигурку в руках и, сказав, что к завтрашнему дню исправит, положил её в карман.

Павлик с удовольствием наводил порядок в мастерской, выметая стружку и укладывая, как велел дедушка, по размерам на стеллаже заготовки. Настроение у него было отличное, и ему не терпелось сообщить Деревянному копытцу обо всём случившемся.

Поздно вечером он снова увидел Деревянное копытце. Тот внимательно выслушал рассказ Павлика и сказал:

— Сегодня, Павлуша, ты можешь не рисковать и не спускаться в шахматное королевство, наш король сегодня может взять тайм-аут, то есть на сегодняшний вечер он может заключить перемирие, а к завтрашней схватке дедушка уже успеет отремонтировать рыцаря.

— Да ты что,— сказал Павлик,— отремонтированный рыцарь сразу попадёт в сложную и незнакомую ему ситуацию и может просто не сориентироваться и испортить всё дело. Нет, сегодня как раз никакого перемирия, перемирие может сыграть на руку чёрному войску. Во время перерыва они отдохнут, продумают ответные ходы, просчитают все варианты и наше, хоть и небольшое преимущество, растворится аки дым. Ты же знаешь, как они умеют считать. Необходимо немедленно продолжить сражение. Потому я сегодня должен быть там,— сказал он твёрдо и решительно.

— И-ого-го! Я смотрю, ты не только храбрый воин, но и разбираешься в шахматной политике.

Они снова скакали в шахматное королевство, скакали и не думали о том, что вскоре попадут в такие обстоятельства, которые могут стоить обеим жизни.

Теперь Павлик уже крепко сидел в седле и даже прищипывал Деревянное копытце, чтобы тот бежал ещё быстрее.

С крепости-ладьи их так и не заметили, и они успешно достигли седьмой горизонтали — места, о

котором говорил погибший белый конный рыцарь. Чёрная ладья продолжала грозно катиться по вертикали, а Павлик и Деревянное копытце, используя непростреливаемое ей пространство осторожно двигались как и прежде следом и чуть сбоку.

— Здесь нужно искать нашего пешечного рыцаря,— сказал Деревянное копытце, это седьмая горизонталь.

В это время боевые действия развернулись на противоположном фланге, и чёрным воинам было не до них. Чёрный король бросал в бой всё новые и новые фигуры. Одна лишь чёрная крепость-ладья пока стояла спокойно. Её пушкари больше для остротки изредка постреливали из дальнобойных орудий, не причиняя войску белых воинов никакого вреда.

— Чего она палит? — сердито сказал Павлик.— Спряталась бы в своём углу — и стояла молча.

— Вот она сейчас и «помолчит»,— сказал конь,— как почиит колесо, да как выкатится, а там и другая ладья ей на подмогу подойдёт и дадут нам с тобой на пару такого дрозда, только держись.

И верно, не прошло и нескольких минут, как королевская охрана перенесла чёрный шатёр неприятельского короля на место крепости-ладьи, а ладья переехала на место, где стоял королевский шатёр.

— Торопятся,— сказал конь,— боятся, как бы пространство между крепостью и королём не пристреляли наши.

«Это обычная рокировка», подумал Павлик.

—А вон и белый пешечный рыцарь! — воскликнул он и направил Деревянное копытце к нему.

Белый пешечный рыцарь стоял связанный по рукам и ногам. Его охранял только один чёрный слон. Да и тот, зная, что белому пленнику не убежать, стоял перед ним и дремал, облокотившись на копьё.

Павлик и Деревянное копытце, осторожно, чтобы не разбудить охранника, подошли к пешечному рыцарю. Тот, увидев их, сначала обрадовался, а потом снова погрузился. Павлик спрыгнул с седла и стал развязывать опутавшие рыцаря верёвки и тут услышал голос пленённого.

— Не трать попусту силы, воин, этим ты не спасёшь меня. Знай! Я должен погибнуть, ибо нарушил великий шахматный закон, который гласит: «Один за всех и все за одного». Я хотел стать первым рыцарем в королевстве и сравняться силою с воеводой. Для этого мне нужно было только достигнуть последней горизонтали. Я бросил товарищей и устремился за своей славой и вот теперь я здесь... Не надо меня спасать. Нарушивший шахматный закон должен погибнуть. Гордость меня погубила. А теперь уходите отсюда поскорее.

— Нет, мы тебя спасём! – проговорил Павлик.

— Да, рыцарь прав. Он должен погибнуть, — подтвердил Деревянное копытце, — никто не может помочь ему. Идём, Павлик, идём скорее отсюда.

Но не успели они сделать и двух шагов, как кто-то совсем рядом закричал: «Вот они! Держи их!» Павлика и Деревянное копытце тут же окружили невесть откуда взявшиеся чёрные рыцари, схватили коня за узду, Павлика стащили с седла, скрутили сзади руки и повели.

— Что же теперь с нами будет? — спросил Павлик своего друга.

— Нас, Павлуша, ведут к Чёрному королю на допрос.

Вскоре чёрные пленившие их рыцари, покалывая пленников копьями, привели их к королевскому чёрному шатру, у входа в который стояли стражники. Их подвели к королю. Он сидел за столом и, шевеля губами, что-то считал. На нём был такой же роскошный наряд, как и на Белом короле, только чёрного цвета. Король поминутно брался то за карандаш, то за циркуль, то за линейку. Все остановились и замерли, ожидая, когда король закончит свои расчёты. Он же был так глубоко погружён в свои математические формулы, что не обратил на вошедших никакого внимания.

Но вот он наконец бросил считать и поднял голову. К нему тотчас подошёл воевода и, поклонившись, сказал:

— Ваша мудрость! Всё идёт точно и согласно рассчитанному вами плану. Мы начали наступление на правом фланге, и противник поддался на нашу хитрость. Сейчас он стягивает туда все свои главные силы. Основная же наша ударная сила сосредоточена и замаскирована на левом фланге, которому противник пока не придаёт большого значения. Наш белопольный слон продолжает делать вид, что спит, а сам незаметно следит за диагональю, по которой ему надлежит нанести разящий удар по штабу белых войск и их королю. Правда, нам немного не повезло.

— В чём не повезло? — удивился король.

— Дело в том,— продолжал воевода,— что оставленный нами на седьмой горизонтали пленённый белый пешечный рыцарь погиб странным образом, и нашему слону теперь нельзя делать вид, что он кого-то охраняет и к большой драке, дескать, не имеет никакого отношения. Белый король и его воины теперь обязательно обратят на него внимание и, возможно, догадаются о его секретной задаче.

— Этого только не хватало! — вскричал король.— Вы что же, считаете Белого короля дураком! Немедленно закройте диагональ нашим чёрным конём, измените диспозицию,— он забегал по шатру мелкими, быстрыми шажками, втянув голову в плечи, как бы ожидая удара.— Этого нельзя ни в коем случае допустить. Сделайте пешкой отвлекающий ход, а затем нанесите противнику удар, сделайте им шах наконец.

— Шах, это мудро ваше королевское величество,— сказал воевода.

— Это будет жестокий удар,— заключил король,— жестокий,— повторил он и, перестав бегать, сел за стол и обхватил голову руками.

Чёрный король помолчал немного, затем что-то прикинул на логарифмической линейке и, удовлетворённый расчётами, добавил:

— Это будет сильный удар, но не окончательный, он только потрясёт противника, и мы нарушим материальное равенство, всё же это вынужденный тактический удар, но не стратегический. Наша стратегия — это наступление на фланге с использованием замаскированных резервов. Помни это, воевода, каждую минуту.— Затем поднял голо-

ву и засмеялся булькающим смехом.— Так, значит, говорите, белый рыцарь умер странным образом... Ох уж мне эти эмоции! — И тут же добавил с металлическими нотками в голосе: — Я повторяю тебе ещё раз, воевода: никаких эмоций, только расчёт, максимум хладнокровия и никакого авантюризма. Строжайшая дисциплина. Карать за неповиновение вплоть до удаления с поля боя.

Затем он показал на бумаги у себя на столе и добавил :

— Вот здесь расчёты и схемы движения наших войск. Перед наступлением каждый воин будет знать, что ему делать. Эти математические расчёты — меч в сердце белого воинства.

После этих слов короля воевода показал ему на Павлика и Деревянное копытце и сказал:

— А это вам наш подарок ваше превосходительство. Эти бедолаги решили спасти своего пешечного рыцаря, и даже неизвестно, каким образом проникли на седьмую горизонталь, в наш тыл, но были схвачены.

— Странно,— сказал король,— они не могли попасть на седьмую горизонталь, неужели где-то в расчёты вкралась ошибка? Этого не может быть. Впрочем, я всегда говорил, что от белых можно ожидать всё, что угодно. Нет-нет, это не является их расчётом, просто очередная авантюра недисциплинированных и самонадеянных воинов. У белого короля всегда страдает дисциплина.

— Да, но такая авантюра чуть не стоила нам проигрыша в прежнем сражении, и мы едва свели битву в ничью,— вкрадчиво сказал ферзь.

Король поднял глаза и, зло, посмотрев на воеводу, закричал:

— Я вам запрещаю это говорить, вы слышите, запрещаю, вы паникёр, а не воевода. Я отстраняю вас от управления этой решающей операцией и сам поведу своих подданных на последний и решительный штурм, подайте мне мой щит и меч.

Король подошёл к Павлику и Деревянному копытцу, внимательно их осмотрел с ног до головы и, покрутив головой, как будто ему был тесен воротник, сказал приближённым:

— А этих мы поведём тоже в атаку, только впереди наших рыцарей, по своим они стрелять не посмеют— и засмеялся. Затем подошёл к столу, взял один из рассчитанных им вариантов и задумался.

— Деревянное копытце, Деревянное копытце,— зашептал Павлик,— это же про наших говорили. Ты слышал, какую хитрость придумал их король. Только как своим всё это передать.

— Что тут придумаешь, когда ноги спутаны,— ответил конь, и тяжело вздохнул.

Король продолжал рассматривать лист бумаги, на котором была нарисована одна из схем движения фигуры в предстоящем наступлении.

6. Опасная комбинация.

— Я придумал, я придумал,— зашептал коню на ухо Павлик и тут же коротко рассказал ему свой вариант спасения.

— Молодец,— похвалил его друг,— ты так славно всё придумал, что, я надеюсь, из тебя выйдет в будущем большой шахматист. А теперь давай при-

водить твой план в действие.

— Придумать-то я придумал, да только Чёрный король не обращает на нас никакого внимания,— сказал Павлик вполголоса.

— Сейчас он перестанет считать и даст команду подвести нас поближе,— успокоил его Деревянное копытце, но затем сам заволновался и спросил Павлика: — Павлуша, а вдруг рыцари бросятся на нас и не дадут нам убежать?

— Что ты,— сказал Павлик и тихонько рассмеялся,— они без королевских приказов шага ступить не могут. Ты разве не видишь, что вся сила их королевства держится на приказах, его воины сами по своему усмотрению действовать не могут, а король не сможет сразу приказ отдать, потому что его расчёты у тебя в зубах будут. А пока он всё вновь рассчитывает, мы уже далеко будем.

— Твоя правда...

Тут Чёрный король поднял голову и велел подвести к нему пленников поближе. У Павлика так сердце и заколотилось. Их, грубо подталкивая копытами, подвели к столу, за которым сидел король.

Как только они очутились около королевского стола и король открыл рот, чтобы произнести первую фразу, конь схватил со стола зубами королевские расчёты и стал их жевать. В это время Павлик кинулся на пол и стал зубами — руки ведь у него тоже были связаны — развязывать у коня на ногах путы.

Король, как только исчезли его расчёты, стал как разъярённый тигр метаться по шатру, колотя циркулем по спинам своих приближенных, но те не могли без расчётов короля ступить и шага. Павлик

тем временем распутал верёвки на ногах Деревянного копытца, а тот в свою очередь, развязал зубами верёвочный узел на руках Павлика и они ни терея ни секунды поскакали к своим.

Не сразу Чёрный король понял, в чем дело. А когда понял, то было поздно. Ценнейших бумаг с математическими расчётами движения войска не было. Он спешно взялся за новые расчёты. Шахматное время уходило. Король торопился, и чем больше он торопился, тем больше ошибался, и чем больше ошибался, тем сильнее торопился.

Павлик и Деревянное копытце были уже далеко. Они были счастливы, они скакали и радовались тому, что так ловко провели Чёрного короля и убежали из плена. Вокруг стояли неподвижные фигурки чёрных рыцарей, и конь, прыгая через них, напевал:

Тра-ля-ля, тра-ля-ля!
Рысаки, тяжеловозы,
Скаковые, пони тоже —
Все похожи на меня!
Но от них я отличаюсь
Тем, что шахматным считаюсь,
Деревянный просто я!
Я хоть маленького роста,
Одолеть меня не просто.
Одолеть меня не просто,
Тра-ля-ля!
Нет в бою, со мною слада
И за это мне награда —
Гнев чужого короля!

И если я во вражий стан
Ворвуся словно ураган,
Мелькнёт моя над войском тень,
В удачный даже самый день,
В удачный даже самый день
Противник не застрахован от потерь.
Противник не застрахован от потерь.

Проскакав половину пути, Павлик оглянулся и увидел, что за ними катится крепость-ладья, другие же рыцари стоят на месте. Конь тоже посмотрел назад.

— Почему она за нами катится? — спросил он Павлика.

— Да потому, что Чёрный король её маршрут рассчитал быстрее других.

Заметив погоню, они поскакали ещё быстрее. Конь у Павлика быстро бегаёт, да ладья быстрее катится, и туго бы пришлось храбрецам, не встретиться им на пути чёрный рыцарь.

Деревянное копытце на всём скаку перепрыгнул через него, а ладья, заскрежетав тормозами, остановилась, чтобы объехать препятствие, прыгать, как конь, она не могла.

На этот манёвр у неё ушло ровно столько времени, сколько надо было беглецам, чтобы доскакать до своих. Вот уже белые рыцари совсем рядом, видно уже, как бежит им навстречу слон, а за ним и сам воевода. Вот пешечные белые рыцари посторонились, давая им дорогу, и едва Павлик и Деревянное копытце миновали их, как они тотчас сомкнули

строй, грозно выставив навстречу крепости-ладье свои длинные копья.

Чёрная крепость-ладья, раскатившись, не смогла остановиться вовремя, да так со всего хода и повисла на их копьях.

Павлик и Деревянное копытце, как только доскакали до своих, сразу же были доставлены к королю. Король принял их, встретив у своего белого походного шатра. Тут-то и рассказали они ему о том, как им удалось пробраться в лагерь чёрных, о встрече с пленным белым пешечным рыцарем, о том, как их тоже пленили, об услышанном плане Чёрного короля и о том, как им удалось бежать.

Белый король торжественно поблагодарил их за хорошую службу белому шахматному королевству и его шахматной науке, затем отдал какие-то приказания воеводе, а потом долго смеялся над неудачей Чёрного короля.

— А ведь я говорил Чёрному королю, что его расчёты не всегда истинны, что бой, это не один расчёт. Отвагу, преданность, любовь к своему отечеству не считаешь и ни в какие формулы не впишешь. Сколько не говорил — не слушает и верит только в силу своих математических способностей и дисциплину, вот и наказал сам себя. Ну чем не наука?!

Павлик слушал Белого короля и мысленно сравнивал его с Чёрным. Белый ему почему-то больше нравился.

— Нас обычно упрекают в авантюризме.— Продолжал говорить белый король. — Что ж, в этой жизни нельзя всё разложить по полочкам, всё считать, хотя уметь считать, конечно, необходимо.

Нет, не в расчётах наша сила, здесь мы уступаем и без сожаления отдаём лавры первенства чёрным. В красоте и фантазии наша сила. А это, увы, неподвластно расчётам.

Затем король велел принести флаг королевства. Павлика и его друга поставили под чёрно-белый флаг, и король, ещё раз поблагодарив их за службу, вручил им награды: коню — крохотные дубовые подковки, а Павлику красивые длинные усы. Оказывается, в шахматном королевстве усы у рыцарей не росли, их выдавали в качестве награды. Это были самые высокие награды королевства.

Вручив награды, король велел подать ему боевые доспехи.

— Пришёл мой черёд обнажить свой меч,— сказал он громко,— мне доложили, что Чёрный король уже в рядах сражающихся. Что ж, браво!

Белый король одел доспехи и вышел из шатра.

— С нами король, с нами король! Да здравствует король! — закричали, увидев его, рыцари.— Слава королю! Королю слава!

Король, окружённый преданными рыцарями, шёл вперёд, высоко подняв клинок, и пел:

Я вижу жизнь свою в боях,
Она игра, поэзия и проза,
Нам главное — не вечный шах,
Нам главное — не вечный шах,
И главное — не вечная угроза.

Но если вдруг не повезло,
Король остался без подмоги,
Он в бой вступает всем назло,

Он в бой вступает всем назло,
И трусы, прочь с его дороги!

Деревянное копытце и Павлик, следуя за королём, совершили головокружительный манёвр и вырвались вперёд. Павлик в азарте скачки подпевал королю. Играла боевая музыка.

Трам-та-ра-рам... Трам-та-ра-рам...

Это в такт песне шли вперёд, гремя оружием и доспехами, рыцари.

Впереди всех шёл воевода, а над наступающими реял чёрно-белый берестяной флаг.

Но не успели они вклиниться в ряды противника, как послышались удары шахматных часов и все замерли.

Павлик и Деревянное копытце тотчас поскакали из шахматной страны.

Когда они при помощи клетки-лифта поднялись на крышку шахматного столика, то увидели на ней найденного Павликом и отремонтированного дедушкой шахматного рыцаря. Павлик обрадовался, ему было теперь не страшно — шахматное деревянное королевство уже не погибнет, пусть даже Вера и отправит его в город.

Конечно, Павлику было жаль расставаться с Деревянным копытцем. Коню тоже было не весело.

Он положил на плечо мальчику голову и тяжело вздохнул.

— Прощай,— грустно сказал Павлик. Он обнял Деревянное копытце за шею и уткнулся лицом ему в завитую кольцами гриву из стружки.

— Не горюй, Павлуша,— уговаривал его конь, а у самого из глаз катились и катились смоляные сле-

зы,— я тебя никогда, никогда не забуду!

— И я тебя тоже,— ответил Павлик.

— Хорошо, что мы встретились,— сказал конь.— Теперь я знаю, что люди не все плохие. И если в вашем сообществе ещё много зла, корысти, лицемерия и обмана — они всё равно будут побеждены, как победили их мы. Я уверен в этом. Будь счастлив, Павлуша...

На этом они расстались.

Павлик долго стоял у шахматного столика. Светила луна, и в комнате всё было отчётливо видно.

Павлик не заметил, как к нему подошёл дедушка.

Он гладил внука по голове, а Павлик, всхлипывая, спрашивал:

— Дедуленька, миленький, правда, что всё это было, правда?

— Правда, милоч, правда,— продолжая гладить Павлика по голове и плечам, говорил дедушка.— Ты не плачь, не плачь. Ложись лучше, а я около тебя здесь рядышком посижу.

Павлик лёг, а дедушка сидел рядом и долго рассказывал Павлику о том, как он воевал, как спасал от огня хлеб, дрался с браконьерами. Потом увидел, что внук спит, тихо вышел.

Павлик вырос и, говорят, стал хорошим шахматистом. Утверждают даже, будто знает он какую-то шахматную тайну, но он о загадочных королевствах никогда и никому не рассказывал.

Страничка обозревателя

*«Народная игрушка – это
материализованный народный дух».*

Пётр Африкантов.

Петра Африкантова в Саратове знают как игрушечника-глинолепа, возродившего Саратовскую глиняную игрушку и почти совсем не знают, как человека владеющего художественным словом. Серия книг, которую он сейчас издаёт, проливает свет на его творчество. Хотя, сам Пётр Африкантов не называет себя литератором, а говорит о себе исключительно как о пропагандисте Саратовской глиняной игрушки, такая самооценка дела не миняет. Пётр Африкантов в своих литератур-

ных опытах вышел далеко за пределы простой популяризации игрушки и её краеведческой разработки. Его биллетристика стала жить своей жизнью.

Действительно, предметом литературного исследования Петра Африкантова является народная игрушка и тему эту он, как мастер, знает досконально. Сейчас вышла в свет уже его четвёртая книга. В этих книгах он выступает и как поэт, и очеркист, и драматург, и рассказчик, и сказитель, и даже частушечник. И хотя Пётр Африкантов в разговоре частенько говорит о своих литературных опытах уничижительно, дескать, какой я художник слова, просто на безрыбье и рак рыба, намекая на то, что писатели Саратова тему игрушки неразрабатывают. Однако, мне кажется, что это совсем не так. Он умеет *брать быка за рога*, в этом ему не откажешь. «Быком» же в его произведениях выступает народность. Тема обязывает. Пётр Африкантов и сам этого не отрицает. *«Всё, что я пишу, – стоит на фундаменте самобытности русских людей, на их миропонимании, а народная игрушка – это материализованный народный дух. – И добавляет. – Здесь тебе и православие, и жажда правды и потребность справедливости, и мечта вместе взятые. Игрушка – это всегда стратегия, это борьба за детские души»*. И с этим трудно не согласиться. Что мы закладываем в детские души при помощи игрушки, то потом и пожинаем.

Так уж получилось, что автор, рассказывая о некогда исчезнувшем малом промысле, не может не сказать и о нас и о тех, кто был до нас, потому что глиняная игрушка, как увеличительное стекло, а точнее сказать, как солнечный луч, высветила в книгах всё, имеющее к ней и к нам отношение. Сама игрушка в своей идее – многогранна, как и многогранен человеческий талант и потому, лишь просто сказать о том, как делать игрушку, – значит, ничего не сказать. Пётр Африкантов в своих книгах пошёл другим путём, он написал антологию

глиняной игрушки, рассмотрев народное детище со всех сторон, используя для этого самые распространённые жанры беллетристики. Сам автор считает, что заглянуть в душу игрушки и отразить её можно только при помощи художественного слова.

О глиняной народной игрушке Саратовской области Пётр Африкантов написал достаточно много. Я же попробую исследовать только некоторые произведения вошедшие в первые четыре книги автора. В этих книгах Пётр Африкантов предстаёт не только как художник слова, но в первую очередь, как исследователь, философ, как мастер-игрушечник, потому как сам, собственными руками и силами души возродил забытый промысел своего края и своих предков. Это было сделать не так-то просто. Пришлось порыться в архивах, поездить и порасспрашивать об игрушечном деле, некогда исчезнувшей родной деревушки, стариков-односельчан, что с распадом деревни разъехались кто куда.

Дело восстановления забытой игрушки, равно как и предварительное зарождение книги началось с рюкзака, кед, лопаты для поиска старых осыпавшихся и поросших травой глиниц и размышлений о прошлом и настоящем, игрушечного дела, называемого сейчас наивным искусством. Именно на таком материале строится его первое на эту тему литературное произведение – очерк «Ямчатая – значит из Саратова». Очерк был опубликовано в журнале «Волга – 21 век» в 2010 году под псевдонимом (Е.П. Вениаминов). Название же «наивное искусство» Пётр Африкантов не признаёт, по крайней мере, в отношении глиняной игрушки. Он считает, что в отношении игрушки, произошла утрата понимания её философского значения, равно как понимание её происхождения и бытования, а под словом «наивность», в данном случае, следует разумеать «целомудрие».

«Наивность» в распространённом понимании, это нечто сродни примитивности, – рассуждает Пётр Африкантов, – тогда как целомудрие, это простота, бесхитрость, соучастие, наделённость особой философией понимания бытия, умение разделить с человеком его душевные страдания и поселить в сердце покой. Целомудрие, это утрачиваемое человечеством качество, а целомудренная игрушка, есть не что иное как свидетельство и гимн образу божьему в человеке; игрушка – это тайна, только не всем сейчас это уже дано понимать. Люди понимающие – отдают предпочтение игрушке слепленной из глины любящими руками, нежели поделке сделанной бесчувственным металлическим станком. Этот вопрос через литературных героев поднимается автором во многих произведениях, потому как он его считает краеугольным камнем игрушечного бытия. Например, в историческом рассказе «Алёшкины скакуны» мастер-предок об этом говорит так: «Ведь в игрушке, что люди любят? а любят они то, что сами частично растеряли,.. в первую очередь доброту... Игрушки, они людей заново учат любить. Чувство это в людях поддерживают».

Глиняные игрушки, созданные великими мастерами, были целомудренны, потому что их создатели сами были таковыми, они не могли создавать ничего против собственной души и против совести. Они, как и иконописцы должны были ваять чистой душой, вот почему в рассказе «Алёшкины скакуны» идёт размежевание игрушечников на два лагеря. В одном – это лепильщики Михей и его жена, которых и мастерами то назвать трудно, а с другой – мастер Ларя (Илларион), дед Пахом и другие. Первые лепят, лишь бы только продать и прибыль получить, стараясь угодить миру сему с царствующими в нём низменными страстями, а вторые делают игрушку по совести, без угождения миру, отражая в своих игрушках божью правду, потому и нет у мастера Лари злых игрушек. «Не люблю

злых», – говорит в рассказе мастер о баранчиках и тут же, отогнув их шеи, делает игрушки миролюбивыми.

Зависть к успехам Лари и желание узнать его игрушечный секрет толкает Михея на подлом Лариного сарая. Вора обнаруживают, а отношение Лари к взломщику не только недружественное, а можно сказать, снисходительное и даже участливое.

«– Чего ты хотел? Я знаю.– Говорит вору Ларя. – Ты бы лучше у меня спросил, я бы не отказал. Сарай бы не пришлось взламывать, замок портить». Христианская душа Лари видит, что грех толкнул Михея на подлом, отсюда и снисходительность и участливость. И эта участливость и снисходительность больше чем расправа потрясли Михея. Разумеется, так поступить, как поступил Ларя, мог далеко не всякий. Попади к кому другому, то вор мог и зубов не досчитаться и целых рёбер, но он был пойман игрушечником, человеком, который, можно сказать, не от мира сего и получил урок, который не только не забывается, но и учит побеждать в человеке греховные помыслы.

Но, не всё гладко и в собственной семье игрушечника.

О секрете предков, с подачи завистливых и злых людей, задумывается и сын Лари Алёша. Считая, что отец скрывает от него какое-то заклинательное слово, он прямо спрашивает об этом отца и получает подобающий ответ: «Лепи весело, когда расточиваешь в небе душой пари, подкрашивай сердцем и чтоб при этом душа пела, продавай не скупись!» и чуть ниже добавляет: «– Я тебя Алёшка в душу свою смотреть учу. В какую ямочку, какую краску капнуть душа должна сказать, а не рука. И никто... никто тебе Алексей в этом деле не подсказчик, ни дед, ни я, ни кто другой, хоть весь амулетами обвешайся. И весь наш секрет состоит в том, что в душу свою умеем заглядывать и за рублём не гонимся. Расписываем игрушку только тогда, когда душа просит, вот и получают игрушки на загляде-

ные. А ты, как Марфутка про заклинательные слова, да амулеты речь ведёшь. Не годится так, не нашенское это дело».

Таким образом, глиняная игрушка, в стародавние времена, уже имеет свой неизменный образ, название которому – любовь и доброта. В настоящее время в игрушечном мире появились игрушки не совместимые с тем стародавним образом. Люди, давая своим детям свирепые игрушки, сами вкладывают для игры в детские ручонки духовный напалм, и горит, горит невидимым пламенем их детская душа, и всё это подаётся под видом доброты, обязательной борьбы со злом, только эта борьба с игрой мускулов и бряцанием суперсовременным оружием, даёт другой результат. Такая борьба имеет другой нравственный облик. Эту тему П. Африкантов развивает в одном из своих драматургических произведений.

Отчаянную борьбу со злыми игрушками «зубастиками» в комедии П. Африкантова «Глиняный Топ», ведут добрые игрушки «простяшки». Они помогают своим мастерицам сопротивляться злу, когда алчные хозяева заставляют их лепить злых зубастиков ради наживы. Хозяин игрушечной мастерской «Шишкарь» считает, что будущее в игрушечном мире принадлежит злым зубастикам и им, подобным игрушкам и даже это философски аргументирует. Он говорит про зубастиков, что «...это будущее игрушечной промышленности и мировой политики в воспитании подрастающего поколения» и далее добавляет: «Зубастики воспитывают в детях борцов за свои права, а эти (тычет в простяшек) воспитывают нытиков, не могущих предотвратить зло или бороться с ним. Так какая игрушка полезнее?? Воспитатели...».

Позиции производителя игрушек налицо и он отстаивает её силой собственных властных полномочий.

Вторая пьеса автора «Скудя» предназначена для самых маленьких. Здесь драматург, исходя из возраста зрителей, говорит о добре и зле на понятном для этого возраста языке.

Главными героями этой пьески являются глиняный волчонок Скудя, которого слепила баба Лена, от которой он сбежал посмотреть мир и молоденькая овечка Даша. Им противостоят настоящие злые волки, от которых Скудя, ценой жизни, спасает стадо овец, а его самого спасает любовь овечки Даши.

Здесь мы не случайно заговорили о любви, потому как любовь и ненависть пронизывают все произведения П. Африкантова. Автор не пассивный наблюдатель происходящего, он призывает оказывать злу сопротивление и ни в коем случае ему не служить.

Думается, наиболее рельефно позиции добра и зла высвечены в произведении под названием «Сказка о глиняном петушке». О ней стоит поговорить особо, потому, как именно в этом произведении наиболее ясно проговорена философия мастеров-игрушечников. Когда я спросил П. Африкантова о том, почему он обратился в написании сказки к стихотворной форме, то он сказал просто и ясно: «Никакая другая форма, хоть роман напиши, не в силах передать читателю тех особых душевных отношений, как это делает легко и просто стихотворный сказочный текст. – И тут же спросил: – А вы что думаете – Пушкин просто так его взял на вооружение?.. Есть в стихотворной музыке такие гаммы, которые невозможно проиграть ни на одном музыкальном инструменте (понимай жанрах). В моём оркестре этот инструмент очень важен». Читая сказку, понимаешь, что эти слова сказочником были произнесены не зря.

При чтении сразу бросается в глаза, что эта сказка является продолжением русских стихотворных сказочных традиций. Именно эту преемственность и подчёркивает в зачине автор.

Чтобы сказку написать –
Стал я Пушкина читать;

И, конечно, Горбунка –
Знаменитого Конька.
Слог, манеру изучил
И на деле применил;

Этим всё и сказано. А ведь П. Африкантов не рифмовке учился у великих, а смотрел и учился поднимать тему, входить в неё, отражать насущное и сокровенное. Вот главное.

Сюжет сказки прост: В старину в город, чтобы наладить торговлю, приезжает Илья Гвоздец – богатый купец, он знакомится с искусством местных игрушечников-глинолепов и, влюбляется в игрушечницу Глашу. Много пришлось претерпеть молодым, пока они не поженились, а виной тому стали завистливые люди, которые им чинят всякие козни. Помогают влюблённым пёс Трезор и глиняный петушок.

Особая прелесть сказки лежит в её философичности, её персонажи во многом философы, что проявляется на первых же страницах.

Первый, кто встретился купцу в городе – прозорливый слепец, предсказавший купцу будущие события, но Илья ведёт себя самонадеянно и не верит сказанному.

Берегись, поделка эта,
Может сжить тебя со света;
Дева красная за ней,
А за девой – лиходей.

Говорит Илье слепец. Намёки предсказателя на ответственность за собственные поступки не трогают Гвоздеца, и случилось то, что и должно было случиться. Предсказания сбылись, самонадеянность купца принесла ему много неприятностей. В конце сказки прозорливец открывает Илье тайну глиняной игрушки.

Не одну жену нашёл –
Божий дар ты приобрёл.

Её дело – это тайна,
Тайна эта, не случайна.
Знай, что скудельны игрушки –
На земле не безделушки,
Дал их людям сам Господь
Чтобы помнилась любовь;

Чуть ниже слепец уточняет вышесказанное.

А жена твоя в селеньях
Лучшая в своих твореньях;
Несёт радость детворе
И надежду – кто в поре.

Что игрушка несёт радость детворе – это понятно, а что за надежду она несёт тем, кто в поре, то есть взрослым людям? А это, надо понимать, христианская надежда, надежда на Спасителя, на его любовь к людям, ради кого он пролил свою святую кровь. Взрослые, глядя на глиняные игрушки, сделанные мастерами от Бога, видят, что они созданы по закону любви, узнают в них любовь к себе Создателя.

Глиняный петушок в сказке тоже философ. Когда Глаша, в душевном порыве любви к Илье, хочет пожертвовать своей к нему любовью, лишь бы её милому было хорошо, и он был счастлив, петушок не советует этого делать. Он призывает к борьбе за своё счастье:

«Ты неправильно глаголешь, –
Говорит вдруг Петя, – волишь
Купца Глашке той отдать,
Чтоб ему, де не страдать.
Пострадаете вы оба;
Это под луной не ново;
Не согласен я с тобой;
Надо ход искать другой,

Чтоб сестёр разоблачить,
В подлом деле уличить?

Понятно, что петушок призывает к активной жизненной позиции, призывает к сопротивлению злу. План же борьбы со злом предлагает и философски обосновывает сама Глаша:

Пусть же слепит петушка

(Это относится к сопернице, прим. обозревателя)

И докажет, что она
В этом деле мастерица,
Что с ней некому сравниться;
Чтоб был певчий петушок,
А не скудельный горшок.
По трудам – увидит плод;
Мысль же в сердце изойдёт;
В нём она укоренится
И решение родится.
Дело всё венчает труд –
Чары сразу опадут». –

Что на самом деле и происходит.

Весьма колоритной фигурой в философском плане в сказке выступает хозяин дома, хотя первоначально он воспринимается как простачёк.

Мужичонка ниоткуда
Появился у ворот –
Шапка задом - наперёд,
Борода торчит кустами,
Под густыми, под бровями
Глазки добрые блестят,
Рядом уши топорщат.

Автор даже не говорит, как его зовут. Мужичёк остаётся без имени. В сказке он называется просто хозяином дома. Поче-

му? Думается, автор сделал такой ход специально, тем самым ещё более подчёркивая значительность персонажа в произведении, возводя его философию к общенародному пониманию смысла жизни и мудрости жизнеустройства. Этот герой произведения - собирательный, народный тип. Давайте приглядимся к нему внимательнее: кустистая бородёнка, торчащие уши (лопоухий), плюс к этому задом - наперёд одетая шапка, выдают, на первый взгляд, человека – простеца, простофилю, а лопоухость его – читается как непрактичность.

Только за этой его невзрачной наружностью и кажущейся простофильностью кроется настоящий мудрец, знаток, народный философ. Одетая задом-наперёд шапка по мере знакомства указывает не на его простофильность, а на необычность его философского мировосприятия. Его мысли противоположны устоявшемуся мнению о мире и о том, что в мире главенствует, а главенствует в нём чаще всего стяжательство, корысть, ложь и т.п. И вот каков философский взгляд на глиняную игрушку у этого мужичка:

Та поделка – не солома;
Есть такое на селе,
Что положено в земле
И земля сия рождает –
То, что взоры привлекает.

Хозяин дома не говорит об игрушке, как о нечто обыденном. Он даже не относит её к изделиям мастеров, а говорит, что она положена в земле как семя и её рождает земля, как и все произрастающие злаки, посредством человека. Это совсем иное понимание такого феномена, как народная глиняная игрушка. В этом же эпизоде хозяин говорит о значении игрушки для каждого человека, независимо стар он или молод:

Всяк находит в том своё:
Кто-то умное бытьё,

Кто-то на душу повязку,
Кто игрушку, а кто сказку;
Глядя кто – печаль забудет;
Поглядевши кто, рассудит,
Жизнь ли правильно ведёт?
И к чему стремиться?.. вот.

Такая философия начисто перечёркивает те стереотипы, что игрушка делается только для детей, не меньшее значение она имеет и для взрослого человека. Только игрушка должна соответствовать этому предназначению, делаться она должна по законам любви, а не исходить из прихотей рынка, как это озвучивается Шишкарём в комедии «Глиняный Топ», или быть просто детской развлекаловкой по поговорке: «Чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не плакало».

Мужичёк в сказке, следуя слепцу, расширяет познание о глиняной игрушке. Вот как этот «лопух», в кавычках, рассуждает о таком явлении на земле как «человек» и «игрушка». Он утверждает, что человек произошёл из земли.

Старцы видят в том загадку...
А, об этом по порядку.
То загадка, на весь век –
С глины слеплен человек.
Не из камня источен,
Хотя камень очень прочен;
Не из вод, не из огня,
Вот какая се земля.
Мы же, следуя закону,
В деле нет у нас препону,
Сотворяем из земли
Божью правду, вот ... смотри».

Вот он философский вывод: «сотворяем из земли/ Божью правду...» Нет, не лепим игрушку, не делаем из глины поделку, а не больше и не меньше, как сотворяем Божью правду. А что такое Божья, правда? Конечно, это любовь. Игрушка обязана нести людям любовь, постоянно напоминать о ней. Жить в любви – это и есть «умное бытё», о котором говорит отец Глаши. И что, как не любовь может перевязать душевную рану, успокоить человека и подать ему надежду. В любви ведь нет ни печали, ни скуки, ни душевной опустошённости. «Сотворяем из земли / Божью правду...» – это новое понимание игрушки и её предназначения – учить детей Божьей правде, напоминать собой о ней взрослым. В наш, обуреваемый корыстью век такой авторский посыл имеет особое звучание и напоминает о предназначении человека на земле, равно как и о предназначении детской игрушки.

Ясно, что игрушка должна быть проста, ни лукава, ни злоблива, доверчива, открыта, она должна быть сущим ребёнком. А не таков ли петушок из сказки? Вот что о нём говорит Глаша:

Будет спор – петух рассудит,
Коль обидишь чем – забудет,
А беда – подаст те знак;
Петя этот – не простак».

Вот он каков, не помнящий зла, готовый всегда прийти на помощь глиняный петушок. Спрашивается, а как может рассудить спор игрушечный петушок? Да очень просто. Спор – это всегда недовольство спорящих друг другом, не желание уступить или поступиться чем либо, а игрушка умиротворяет спорящих, помогает на предмет спора взглянуть другими глазами. Вторая строчка прямо говорит о прощении петушком всяких нанесённых ему обид. Он безобидный. В этом случае комментарии, как говорится, излишни.

И последнее. Оба персонажа и хозяин дома, и петушок не простаки, но и не хитрецы в мелком выражении, когда хитрость является низшей составляющей ума. Это умные носители Божьей правды. А Божья правда не помнит зла и творит только добро. Незлопамятность и доверчивость присуща и Глаше-мастерице. При встрече в саду с наветкой-соперницей, она забывает о зле, которое та ей сделала.

А теперь давайте подумаем, какими душевными качествами должен обладать мастер, чтобы брать глину и ваять любовь? Мне кажется, что это не каждому под силу. Под силу только таким, как Глаша. Только такие, как она могут передать игрушке те качества души, которыми обладает их собственная душа, по-другому не бывает.

В итоге, надо сказать, что сказка Петра Африкантова буквально пропитана христианским православным мироощущением, она добрая, она не злопамятная, она буквально настояна на воздухе сострадания и любви.

Среди писателей бытует мнение, что стихотворная сказка как жанр устарела, что издательствами она не приветствуется. Совершенно с этим согласна. Я бы и сама не напечатала тематические повторы. Издатели правы – кому нужен ещё один «Конёк-горбунок»? Про сказку же Петра Петровича этого не скажешь, это далеко не тематический повтор, в ней всё Африкантовское. Как он легко, просто и доступно говорит о сложных философских понятиях, как он на одном дыхании, одним росчерком пера рисует характеры и образы, вводит в произведение актуальные для современного читателя темы, например темы любви к Родине и, исследованного нами в сказке, философского начала. Тема патриотизма проходит в сказке красной нитью. Здесь можно говорить о патриотизме Ильи, который не прячет капиталы в офшорных зонах, а употребляет их на благо отечества. Автор Илью рисует как примерного христианина, государственного деятеля и патриота.

Строит мельницы, причалы,
Судоходные каналы
И презренные дома,
Златоглавы терема,
Да ещё в земле чужой
Торг имеет прибыльной;
Он в казну процент кладёт
И доход страны растёт,
Отчего пруссак немеет,
А Россия богатеет.
Вот какой он наш Илья
И тому свидетель я.
Его слово твёрдо, веско, –
Слышать это было лестно, –
Не обманщик, не скупец...
В общем – просто молодец
У царя Илья в почёте,
Говорят ещё в народе,
Что не зря Илья Гвоздец
Носит православный крест.

Думаю, что к сказанному нечего добавить.

Особым почётом в сказке пользуется такой персонаж, как «бык-гора». Бык-гора – воин, заступник. В сказке он охраняет игрушечный мир от враждебных посягательств. Автор даёт нам понять, что мир игрушек, это и мир русских людей их создавших. Бык-гора символизирует сам русский народный дух, дух мощный, неодолимый, дух умеющий любить и жаловать, сражаться и побеждать.

Лоб огромный, безразмерный,
Бык знать силы непомерной,
На столе стоит в дозоре,

Искры мечутся во взоре,
Бык ни день, ни ночь не спит,
Мир игрушечный хранит.
Изукрашен всем на диво.
В нём земли родимой сила.
С силой той не совладать
И игрушек не сломать.
Если враг к игрушкам рвётся,
У быка глава нагнётся,
Рёв раздастся из груди
Тут к нему не подходи,
Пламя вырвется с ноздрей,
Пыль взовьётся, а за ней,
Он копытом землю взроет,
Волк в лесу от страха взвоят,
В чащу дикий вепрь уйдёт,
Филин крыльями забьёт
.....

Страшен врагу бык-гора. Он велик, силен, но и милосерд.
Бык не бьёт лежачего.

И замечу, это важно
Бык лежачего не бьёт,
А рогами лишь встряхнёт,
Так что хрустнут позвонки,
А затем уж враг беги.
И бежит злодей тогда
Сам неведая куда,
Страхом собственным гоним,
Ну, а тень его за ним.

Не меньшими патриотами выступают в сказке и глиняный музыкальный петушок с автором. Вот как этот эпизод рисуется в сказке:

Звуки тонкие взялись,
От свистка оторвались
И поплыли чередой
Из деревни в мир иной.
В мир иной, за океаны,
Где зимой цветут тюльпаны;
Облака, где так легки;
Горизонты широки.
Осмотревши те края,
(Вместе с ними был и я).
Полетав, домой вернулись;
Быстро, этак, обернулись,
И милее стала сень
Родных русских деревень.

Великолепный ход – расхвалить иноземное и тут же отдать предпочтение своему без всякого объяснения. А объяснять ничего и ненадо, родина-мать всегда милее того, что мило только глазу. Пусть меня упрекнут в этом космополиты всех мастей и попробуют увидеть в этом отрывке нечто другое.

Читая рассказ «Волжские скакуны» и сказку в стихах нельзя не заметить, что в этих произведениях присутствует ещё один очень сильный персонаж – русская тройка. В рассказе «Алёшкины скакуны», глиняная тройка привиделась сыну мастера, будущему игрушечнику Алёше. Он сказал отцу о том, что видел мчащуюся на него их глиняную тройку, и что прямо перед ним она взмыла в воздух и ускакала в небеса. Отец в этом видении усмотрел знак, что быть его сыну тоже игрушечником.

В стихотворной же сказке перед читателем предстают две тройки и обе знаковые – одна глиняная, сказочная, которая, разбежавшись по столу у игрушечницы, уносится к звёздам, минуя потолок и крышу, и тройка плотяная, на которой ездит, влюблённый в Глашу купец. Мне видится, что первая тройка олицетворяет в сказке бессмертную, незнающую преград человеческую душу, стремящуюся в высь к своему создателю, а вторая тройка плотяная, которая не может вот так взлететь за душою и устремиться в звёздную даль. Вот, как глиняная тройка представлена в канве сказки:

Ну, а стол – смущенье ока,
По столу тому с далёка,
Скачет тройка во весь мах,
Вот она уж в небесах,
Оттолкнулась от стола,
Прямо к облаку взмыла.
И заметить он не мог,
Как раскрылся потолок,
Кони в воздух поднялись,
В небо прямо понеслись.
Тройка по небу бежит,
Коренник глаза косит,
Топчет звёзды копытом,
И роняет их притом;
Звёзды наземь опадают,
Но, совсем не пропадают;
У изделий на глазах,
Размещаются во лбах.

Этот образ тройки философичен, ёмок и космически красочен. Ясно одно, что на глиняной тройке лежит особая игрушечная мирозданческая миссия. Заметим, эта миссия лежит,

ни на собачке, коровке или зайчике, а на тройке. Здесь глиняная тройка уже предстаёт гораздо больше, чем игрушка. Именно она даёт космический материал для украшения игрушек великой мастерице. И это украшение знаковое – «звезда во лбу». Провиденье устанавливает только одну мету на изделиях – звезду и только на одном единственном месте – во лбу. Это знак неотмирности.

Вторая тройка плотяная, всегда находясь на земле, она чутко реагирует на все жизненные обстоятельства в жизни героев и так же чуждается зла. Вот как реагирует не игрушечная тройка Ильи, предчувствуя ложь и обман:

Коренник глаза косит,
Мелкой дрожью весь дрожит,
А лихие пристяжные,
Посмотреть – совсем чумные,
На дыбы встают, храпят,
И удилами звенят.

И вот как реагируют те же кони на доброе:

На дороге столбовой.
Тройка борзая бежит,
Коренник вперёд глядит,
А лихие пристяжные
Бегут, словно заводные,
У Костюхи повод просят.

Под образом троек надо видеть и саму Русь с её космизмом, болью и надеждой. Читая сказку, надо сказать, что она не только имеет мощный философский фундамент, но она, к тому же и глубоко символична. Символичен бык-великан, заступник игрушечного мира, символичен глиняный петушок, символичны бегущие по Млечному пути кони глиняной тройки, про которых вслед за Гоголем так и хочется крикнуть: «Русь, куда ж несёшься ты?». Этот летящий над планетой рус-

ский дух в образе тройки живит надежду на крепость и возрождение России в былом её величии.

Эта же тема летящего духа звучит и в очерке «Родные пенаты». Правда, там нет скачущей птицы-тройки, а есть летящий над Россией автобус «Пазик». Но, функция его та же – показать величие России. И вот как это выглядит: «Мелькают за окном придорожные знаки, тёмные маслянистые лужи по обочинам шоссе лениво отражают свет фар; разогнавшись, несётся, поскрипывая обшивкой «Пазик», ввинчиваясь в фиолетовую мокрую жуть облегающего его пространства, и порой кажется, что это не «Пазик», а Отчизна, оторвавшись колёсами от земли, взмыла в небо и катится над планетой, подпрыгивая на звёздных скоплениях и покачиваясь на широтах и меридианах вселенной; это она, недоступная никаким силам, торит свой путь, а внизу, в оранжевом мареве сменяющихся эпох изумлённо смотрят ей вслед народы и тихо спит на руках у матери маленький борец за справедливость, видя обворожительный и таинственный сон».

В записке относительно стихотворной сказки я сделала только первый маленький шаг в её анализе, но и этот шаг показывает, что перед нами в современной художественной литературе эта сказка – явление неординарное, она ждёт своих исследователей.

Нельзя пройти мимо другого произведения – «Былины о сказочных богатырях русских Скудельнике, Дубравнике и Соломенщике». Понятно, что «Скудельник» это богатырь слепленный из глины, «Дубравник» сделан из дерева, а «Соломенщик» – из соломы. Втроём они защищают русскую землю от поработителей, именуемой сейчас мягкой силой, которая начисто закрывает людям правдивую информацию при помощи пятой колонны – агентов влияния и грантополучателей, в

былине «Батуганов» и «Грантформеров». По былине свергает эту нечисть не народ в целом, а лучшие представители народа – его богатыри, которые могут организовать и оказать сопротивление врагу, а затем и выгнать его за пределы государства. Эти герои былины честны и информированы о положении дел. Одним из главных героев является «мужичёк-простачёк», который сработал игрушечных богатырей и который указывает неприятеля богатырям. Без мужичка-просточка они просто его не видят и даже думают, что всё в стране идёт если уж и нехорошо, то терпимо. Именно мужичёк-простачёк развеивает их иллюзии о кажущемся благополучии. Чем же занимались богатыри в мирное время до оккупации мягкой силой? Вот как об этом говорится в былине:

И всё - то в деревнях ладно –
Мужики в поле работают,
Бабы по дому управляют,
А богатыри деревни охраняют,
Да детушек малых воспитывают,
Детушек воспитывают, пример показывают.
И всё так годами делалось,
.....

И вот приходит в деревню коробейник. Он приносит в деревню не просто заморские товары (игрушки)– он приносит новую идеологию, новую философию бытия, критикуя устои быта России:

Тряхнул коробом коробейник -
Посыпались из него игрушки да сладости,
Игрушки чудные, невиданные,
Игрушки чудные, неизвестные.
Ни на что в деревне не похожие.
И ни с чем в деревне несравнимые.

Коробейник одних называет батуганами,
Других он кличет грантформерами.
У одних игрушек зубы торчат,
Другие игрушки одним глазом глядят,
Третьи игрушки - просто страшно сказать,
Страшно сказать, да и слов не подобрать.
Те игрушки все свирепые,
Те игрушки все надменные.

И далее по былине:

Заморские игрушки деток
Уму - разуму не учат,
А только всех задирают,
Да только всех оскорбляют,
А детки все их повадки перенимают.
От игрушек тех, так прохода нет.

Отрицательным героем является «мужичёк-сквознячёк», который не только помогает мягкой силе дурить народ, но и использует всё это, ради своей выгоды, участвуя в торговых сделках с оккупантами. А как он красиво говорит:

— Ой, вы бабы, бабы деревенские,
С ухватом обрученные, вожжами наученные.
Где вам знать-понимать
И о большем размышлять.
Привыкли вы в своём медвежьем углу
Детишек соломой да деревяшками забавлять.
Чему они от той соломы научатся?
И как они той деревяшкой воспитаются?
А богатыри наши самородные,
Только богатырями называются.

Нет в них ни форсу, ни стати,
Только и могут пиками землю ковырять.
У коробейника игрушки просвещённые,
Просвещённые игрушки, золочёные.
Из особых материалов сделанные,
Особой краской крашеные.
Игрушки самодвижные,
Игрушки самодумные.
Такого мы никогда не видывали,
О таком мы никогда не слыхивали...

То-есть, мужичёк-сквознячёк и есть предатель интересов собственного народа, он и есть пятая колонна, которая помогает иноземцам поработать свой народ. Прямо противоположно отношению к происходящему мужичка-просточка.

Видит мужичёк-простачёк,
Что игрушки заморские расплодилось,
Видит мужичёк-простачёк,
Что игрушки заморские утучнились.
Видит мужичёк-простачёк,
Что они из подчинения вышли –
Им слово – они насмеваются,
Второе слово – так дразнятся,
Третье слово – так с кулаками лезут.
И никто не может с ними сладить.

Именно мужичёк-простачёк стал бить тревогу, он стал говорить богатырям о действительном положении дел:

Стал мужичёк-простачёк в колокол бить
Стал мужичёк-простачёк богатырей тормошить,
Стал их в латы рядить,

Да на войну с иноземщиной посылать:
– Вы пойдите, богатыри русские,
Богатыри русские, богатыри сказочные.
А вы побейте батугановы полки,
А вы побейте грантформерские полки,
Что землю русскую полонили,
Что народ наш закабалили.
Сила эта лукавством в деревни вошла,
Сила эта людям урон нанесла.
Мужички свои поля не пахут,
Мужички свои поля не сеют,
Нивы все травой заросли,
А скотину они всю повывели,
Детушки воспитываются не по правде и совести,
А воспитываются по силе и бойкости...

Разгромили богатыри русские полчища иноземные. Так оно должно и быть. Весьма показательно то, как повёл себя в этой ситуации мужичёк-сквознячёр. Он полностью перешёл на сторону мягкой силы и покинул русскую землю вместе с разбитыми отрядами оккупантов.

А вместе с ними бежит мужичок-сквознячок.
А вслед им смеётся мужичёк-простачёк.
Хотели батуганы в домах остановиться,
Хотели они в домах спрятаться,
А мужички калитки заперли,
А мужички окна закрыли
И некуда батуганам деться,
И негде им укрыться.

И побили богатыри нечисть поганую,

И побили богатыри нечисть несуразную.

Рассказы об игрушечниках деревни Малая Крюковка, это уже другой пласт книги, он менее сказочен, но его объединяет с чисто вымышленными произведениями, общая игрушечная ткань, привнося в книгу колорит современной и исторической повседневности. И в этой повседневности хорошо просматриваются всё те же герои с творческой изюминкой. Чем, скажем, реально жившие Африкант, Илларион, Фима, или Андриян, отличаются от своих вымышленных прототипов из сказки? Африкант хорошо соотносится с Глашиным отцом, хозяином дома. Он такой же умный, сметливый, хотя вроде бы и простец, этакий деревенский «Левша», занимающийся к тому же ещё и селекционной работой. Все герои умные, простые, работающие.

Глашу из стихотворной сказки можно сравнить с Фимой из рассказа «Фима». Даже, приезжающий к ней на лошади из дальней деревни преуспевающий крестьянин Илларион, чем - то по широте своей натуры, душевной чувственности схож с Ильёй Гвоздецом. Илья Гвоздец мог по своему влиянию и достатку взять в жёны княжну, а он на задворках царства женится на мастерице Глаше. Так же и Илларион: красавец, всем взял, за ним девчата табуном, а он берёт в жёны из дальней деревни калечку, искусную игрушечницу Фиму, которой в тягость тяжёлый крестьянский труд. И, поначалу, как и у сказочных героев, у них много завистников и недоброжелателей, однако жизнь расставляет всё по своим местам – соединились два одарённых глубоко друг друга чувствующих человека, и пошёл род игрушечников. Игрушечное дело не пресеклось ни в сказке, ни в реальной жизни. Не пресеклась история России. Это единственное произведение, которое так живо сочетается со своим сказочным аналогом. В рассказах земляки просто делятся с автором своими воспоминаниями, из которых потом и

произошли нехитрые рассказы о каждом игрушечнике, составляющих родовое древо.

Однако, не только исторической правдой ценны рассказы. Есть в них и правда другая, современная, правда сегодняшнего дня и это, не менее ценно. Тонкая наблюдательность игрушечника подмечает и рисует психологию и философию отдельной молодёжной прослойки, которой чуждо всё собственное, народное. Молодые люди отравлены западными демагогиями и хотели бы русскую действительность переиначить на западный манер (рассказ «Эксклюзив»). Критикуя других, автор не чужд и самокритики. Так в рассказе «Новогодние кролики» сам автор, будущий мастер-игрушечник, предстаёт перед читателем, как человек и художник не побоявшийся распахнуть душу и показать творческую лабораторию сердца, в которой бывает далеко не всё гладко и понятно. Этот рассказ говорит о том, что всё на земле рождается из борьбы и прежде всего с самим с собой и в этом поединке Божье в человеке не сразу и навсегда выходит победителем. Чтобы победить, мало одной схватки, на это, как правило, требуется вся человеческая жизнь, без остатка.

Особого внимания заслуживает такое произведение как сказ «Горновица». Это полностью философское произведение. И написал его Пётр Африкантов, как мне известно, одним из последних из игрушечной серии. Чем же оно примечательно? А тем, что в нём, автор, рисуя обыденность, наполняет её новыми сегментами миропонимания и пеленает её в свою мирозданческую ткань. Вымышленный герой «Горновица» – дочь огня, при чтении кажется уже совсем и не вымышленным, а реальным существом, призванным раскрыть особость человеческого существа в мире. Горновицаа говорит Григорию в минуту глубочайшего отчаяния: «Ты тоже, Гриша, стихия, твой дух – стихия, только стихия более мудрая и глубокая, способная покрыть все другие стихии, способная оживотворять и питывать нас содержанием и более глубоким смыслом нашего

бытия. Мы это видим и ужасаемся вашей, покоящейся в дремоте силе и не можем приблизиться к вам, так близко, как бы нам хотелось. Вы не знаете, что вы боги, а мы знаем, что вы боги. Мироздатель бережёт вас от этого знания, чтоб вы не повредились. Потому, что только бог имеет вечную жизнь. Только, почему вы находитесь на земле – мы не знаем? И вы всегда поступаете не так как мы, ну почти всегда, за редкими случаями. Я знаю, что вас подвигает на эти поступки. В вас есть некое облачко таинственной энергии, которое, когда вы так поступаете, всегда производит некий танец. Я называю его танцем вашего незнаемого духа, вашего внутреннего созидания. И чем энергичнее и прекраснее танец этого облачка, тем величественнее ваши поступки и тем светлее становится это облачко. Ты этого не знаешь, но ты это чувствуешь. Твоё облачко, Гриша, производит великолепные танцы, самые лучшие, что есть у людей, это так. Это облачко танцует, когда ты лепишь свои игрушки. И чем красивее игрушка, тем великолепнее в тебе танец облачка. Каждая, слепленная тобой игрушка, наделяется частью твоего облачка и они тоже, по сути, вечны. Я была бы очень счастлива, если б часть твоего танцующего облачка осталась и во мне. Сотвори, Гриша, во мне меня, пусть я тоже стану твоей игрушкой... Ты этого не хочешь делать. Ведь так?».

Размышления автора над природой человеческого духа и стихиями земли приводит автора к мысли о том, что стихии земли тоже умные, тоже выполняют определённую умную функцию в мироздании и объединятся со стихией он не мог по причине нарушения «соответствия». В этом же сказе показывается, что игрушка, которую делают народные игрушечники вещь одухотворённая. Сама стихия огня видит и указывает на эту одухотворённость, что живёт в игрушке в виде частички облачка, понимай как частички духа.

В целом, серия рассказов, написанных о саратовских игрушечниках, начиная со середины восемнадцатого века и до на-

ших дней, тоже определённая новость и даже не в художественном плане, а более в прикладном творчестве. Такого никогда не было. Отследить в рассказах и повестях историю рода игрушечников за такой длинный период во времени – очень примечательный факт. А ведь это история города Саратова и не только Саратова, но и страны в целом. И вряд ли П.Африкантов смог бы всё это написать, не будучи сам игрушечником, не принадлежа к родовому древу игрушечников. Произведения об игрушке и игрушечниках ему удаются во многом потому, что он знает игрушку изнутри, он её понимает, он её чувствует, он видит все ниточки, связывающие игрушку с его истинным носителем – народом. Здесь всё взаимосвязано. Пётр Африкантов и сам находится в этой связке. В нём соеденились такие аспекты как – носитель исторического самосознания, явленного нам через реанимированную им и поднятую на новую творческую высоту традиционную игрушку Саратова и обладание таким даром, как художественное слово, которое он поставил на службу народной игрушке. И всё это происходило и происходит в то время, когда народная игрушка практически изгнана из страны, когда культура народа всячески заменяется на суррогатную. В это сложное время он высил голос в защиту народного достояния.

Нетрудно заметить, что во многих произведениях Петра Африкантова, так или иначе, присутствует глиняная игрушка. Она присутствует и в «Сказке о Соколовой горе» и в «Сказании об Увекке». Он просто без этого не может. Уж очень много у него на русской сказке и игрушке завязано. И совсем не просто так серия книг, выпускаемая автором, получила общее название «Сказки о Саратове». Автор смотрит на мир через призму сказки и эта призма, как в колейдоскопе выводит в новую реальность, в новое понимание обозначенного, а без сказки – никак. Игрушка и её отражение – сказка, являются вёшками для Петра Африкантова.

Всё в произведениях автора взаимосвязано. В его литературном творческом арсенале сказочность выступает ещё и как

особый инструмент, при помощи которого он без труда не только входит в любые темы, но и реализует свой замысел, ставя героев в разные жизненные ситуации, заставляя их размышлять и думать.

Анализируя произведения саратовского сказочника, понимаешь, что П. Африкантов написал не просто сказки, не просто раскрыл ларец с духовной народной мудростью, он сделал гораздо большее – П. Африкантов создал мифологию города. Её не было, и вот она есть. Конечно, эта мифология не с неба свалилась, она жила в толще народной массы в виде баек, легенд, сказов и сказок. Всё это богатство надо было аккумулировать и явить тому же самому народу в виде художественных произведений. И он это сделал, явив выстраданное и находящееся под спудом времени с такой изумительной лёгкостью, художественной правдивостью и простотой.

Но на этом рассказ о творчестве П. Африкантова не заканчивается. Дело в том, что за рамками моего анализа остались произведения не связанные с игрушкой и те, в которых её присутствие мало. Не рассматриваю я и самое объёмное произведение, героями которого являются глиняные игрушки, роман-сказку с названием «Старый дом под черепичной крышей». Это более чем пятисотстраничное произведение ещё не опубликовано и ждёт своего читателя.

Людмила Верчинская

Содержание

Глиняный Топ (комедия для подростков)	3
Скудя (пьеса для малышей)	126
Деревянное копытце (повесть-сказка)	168
Страничка обозревателя	233
Содержание	262

Литературно-художественное и краеведческое издание.

Пётр Петрович Африкантов

Сказки о Саратове
и
саратовской глиняной игрушке

ГЛИНЯНЫЙ ТОП

Книга четвёртая

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод «Римкер».

-mail автора: p.africkantov@yandex.ru

Уважаемый читатель!

В пятой, шестой и седьмой книгах опубликован роман «Старый дом под черепичной крышей».

Развитие событий в романе непредсказуемы. Несколько переплетающихся сюжетных линий, так соединяют между собой сказочность и реальность, правду и вымысел, что читателю не только невозможно их разъединить, но и невозможно не поверить в достоверность рассказанного. Действующие лица произведения: художники, учёные, милиционеры, бомжи, отечественные и иностранные предприниматели, дети, сказочные и фантастические персонажи и, конечно, глиняные игрушки.

Глиняным игрушкам автор в произведении отводит особое место. Они умные, деятельные, подвижные со своими характерами и наклонностями. Все герои, по стечению обстоятельств, ввязаны в одну бурную историю, из которой одни выходят повзрослевшие и многому наученные жизнью, а других выводят в наручниках. Как и подобает романам, в произведении есть место и большой всё претерпевающей любви, только влюблённые в ней – глиняные игрушки и любовь у них совсем не игрушечная.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО